Дб
200
Б74

Дб
200
Б74

Богослов-
ский м.
„Петр Ве-
ликий
и его
реформа"
м. 1920 г.

25
200
Б74
20|37

М. Богословский.

Петр Великий

и

ЕГО РЕФОРМА.

МОСКВА.
Издание Центрального Товарищества „КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО".
1920.

0.3.
~~11199.~~

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
480115
Могоряжский
480115 м

21-я Типография Полиграфического Отдела Моск. Городск. Сов. Нар. Хоз. (б. Желудковой),
Большая Якиманка, 32.

I.

Рождение Петра.—Детские годы.—Первоначальное обучение.—Майский бунт 1682 г.

В ночь на 30 мая 1672 г. у царя Алексея Михайловича и царицы Натальи Кирилловны, второй его жены, родился сын, царевич Петр. В субботу 29 июня, в день тезоименитства новорожденного царевича, в шестом часу утра, до обедни, в церкви св. Алексия митрополита в Чудове монастыре совершено было над младенцем таинство крещения. Крестил царский духовник протопоп Благовещенского собора Андрей Савинов, восприемниками от купели были царевич Федор Алексеевич и сестра Алексея Михайловича, царевна Ирина Михайловна.

К крещению выносила царевича назначенная к нему в „мамы“ боярыня княгиня Ульяна Ивановна Голицына. С новорожденного царевича была снята мерка, и в тот же день 29 июня иконописцу Федору Козлову заказан был образ тезоименитого царевичу св. апостола Петра на кипарисовой доске мерою в рост царевича: длиною в 11 вершков, шириною в 3 вершка.

Новорожденного царевича окружала та же царственная роскошь, в какой проходили младенческие годы всех царевичей XVII века. К младенцу приставлен был целый штат. При нем мы видим кормилицу, „маму“, и помощницу „мамы“. При детской царевича состояли еще шесть женщин: казначея, заведывавшая бельем и платьем, и пять постельниц. Царевич со своим штатом помещался в особых пристроенных к дворцу деревянных хоромах.

По мере роста царевича детская его наполняется игрушками, описание которых нам также сохранили хозяйственные документы дворцовых приказов. В январе 1673 г. восьмимесячному царевичу были сделаны „два стульца деревянных потешных на колесах“. В мае того же года внесена в хоромы царевича исполненная шестью костромскими иконописцами „потешная книга“ (книга с картинками).

Ко дню именин годовалого ребенка был сделан „конь деревянный потешный“ на колесах железных прорезных,

обтянутый жеребячьей кожей, с седлом, положенным на войлок, обитый серебряными гвоздиками, с прорезными железными позолоченными стременами и с уздечкой, украшенной изумрудцами. К тому же дню были сделаны царевичу игрушечные два „барабанца“, размерами один в четверть аршина, другой в 3 вершка. В июле 1673 года в детской появляется музыкальный инструмент „цымбальцы маленькие“ с золотым шнурком и кистями.

Такая обстановка окружала царевича Петра в первые три с половиной года его жизни. Его хоромы со стенами, обтянутыми ярким сукном и обитыми серебряной кожей, озаряемые лучем солнца, проникавшим сквозь расписные слюдяные окна, полны были красок и звуков.

Детская была полна оживления. Жужжали стрелы, спущенные с посеребренных луков, двигался занимавший, должно быть, среди забав главное место деревянный конь в богатом уборе с позолоченными стременами и с уздечкой, сиявшей изумрудцами, развевались пестро расписанные знамена, развертывались яркие картинки в потешных книгах, пускался в дело целый арсенал игрушечного оружия: топориков, шестоперов, обушков и пр., звенели струны цымбальцев и цымбал, должно быть, бывших в большом употреблении, потому что часто отдавались в починку, стучали барабаны, раздавался звон маленьких потешных колоколов-набатов и бубенчиков—вот тот волшебный мир игрушек, в котором протекали первые годы беззаботного младенчества. Заметим, что к трехлетнему возрасту ясно начинают обнаруживаться наклонности и вкусы царевича; в бесконечном запасе игрушек делается отбор; преобладание начинают получать военные „потехи“.

В детской маленький царевич, вероятно, не один; к царевичам для игр подбирали всегда сверстников, детей придворных, в особенности из царицыной родни. О том, что Петр с младенчества окружен был товарищами, свидетельствует уже и то количество, в котором заготовляются для его детской игрушки: знамена, барабанцы, игрушечное оружие. Такие мальчики при царевичах жаловались званием комнатных стольников. Одним из участников детских игр Петра с младенческих лет был сын воспитателя царицы, Артамона Сергеевича Матвеева, будущий видный сотрудник царя—Андрей Артамонович (род. 1666), пожалованный званием стольника на 8-м году от роду. Из этого же круга комнатных стольников при царевиче вышли сотрудники Петра—Автомон Михайлович Головин и знаменитый канцлер Гавриил Иванович Головкин. Необходимой принадлежностью детской царевичей в XVII веке были „комнатные карлы“. Таких карликов упоминается при двухлетнем царевиче трое, в 1679—четверо.

Безмятежно, как тихий летний день, прошли три года и семь месяцев детства Петра в уютном Кремлевском тереме и на загородном привольи на чистом воздухе в селах Воробьеве, Коломенском и Преображенском. У младенца могло сохраниться воспоминание о пышных выездах царя Алексея, о его походах на богомолье к святыням, о его красивых и занимательных для детского внимания соколиных потехах, на которые брал с собою отец малолетнего царевича. Вдруг стряслась беда. В январе 1676 г. царь Алексей Михайлович внезапно занемог и 29 января скончался. Царем стал старший его сын Федор Алексеевич. При дворе должны были произойти перемены. Старшими детьми царя Алексея, их родственниками по матери и приспешниками второй брак царя с Нарышкиной был встречен враждебно. Недружелюбное отношение к молодой мачехе, сдерживаемое при отце, теперь проявилось открыто. Царица-вдова с ее малолетними детьми должна была занять во дворце второстепенное место. Через полгода над ней разразился новый удар. 4-го июля 1676 года ее воспитатель, боярин А. С. Матвеев, „приятель“ царя Алексея и его первый министр, ближайший советник царицы после смерти мужа, опора ее и Нарышкиных, был отправлен в ссылку, сначала в почетную в Верхотурье на воеводство, а затем и в заточение в Пустозерск. Выслан был из столицы старший из братьев Натальи Кирилловны—Иван Кириллович. Царица Наталия Кирилловна ведет теперь гораздо более неподвижный образ жизни, чем это было ранее при муже. Весь печальный для нее 1676 год был проведен безвыездно в Москве. Ребенок-царевич, разумеется, не сознавал происшедшего; в его детской продолжаются те же, как и раньше, беззаботные игры, и детская наполняется теми же игрушками.

Неизвестно точно, когда царевича Петра начали обучать грамоте. Наиболее вероятным следует считать предположение, что с конца 1679 года. Неизвестно также, кто начал его обучать. Сохранилось предание, по которому первым учителем царевича был дьяк Никита Моисеевич Зотов. Предание это повествует, как царь Федор Алексеевич обратил внимание царицы Натальи Кирилловны, что царевичу Петру приспело время учиться, как по докладу боярина Федора Прокофьевича Соковнина был призван к этому делу Зотов, как он был представлен царю, проэкзаменован в его присутствии Симеоном Полоцким и найден пригодным к новой обязанности, как затем патриарх отслужил молебен и, благословив отрока, вручил его учителю, и тот посадил его за ученье, разнообразя уроки показыванием „куншутов“, т.-е. картин, и рассказами из русской истории, к которой мальчик почувствовал интерес и охоту. Но есть основание считать это предание недостоверным. Зотов в 1680—1681 г. посылался с

дипломатическим поручением в Крым и „учителем“ упоминается в документах только с 1683 г.

Царствование Федора Алексеевича продолжалось недолго, всего шесть лет, и 27 апреля 1682 г. в 4 часа пополудни он скончался. Три удара в большой соборный колокол возвестили московскому населению об этом событии. Начался печальный обряд прощания с почившим царем. В числе прощавшихся упоминаются члены Боярской Думы, придворные чины, столичное и городовое дворянство, а также высший разряд торговых людей—так называемые гости. Поклонившись праху почившего, прощавшиеся подходили к присутствовавшим здесь царевичам Ивану и Петру Алексеевичам и целовали у них руку. Затем патриарх, высшее духовенство и члены Боярской Думы собрались в Передней палате Кремлевского дворца и здесь происходило совещание, кому из обоих царевичей быть на царстве, старшему ли, болезненному, хилому и слабоумному Ивану, сыну от первой жены царя Алексея Марьи Ильинишны Милославской, или младшему, сыну Натальи Кирилловны Нарышкиной, цветущему здоровьем, живому и бойкому умом Петру? Раздались голоса, что этот вопрос может быть решен только собранием представителей от всех сословий, или „чинов“ Московского государства, т.-е. Земским собором. Такой собор был тотчас же созван на площадке перед Переднею палатою дворца у дворцовой церкви Спаса, что на Бору. На нем присутствовали служилые люди разных чинов, которые только что прощались с Государем, высшие торговые люди Московского государства—„гости“, затем купцы, составлявшие две особые почетные гильдии, носившие названия „Гостиной и Суконной сотен“. На соборах гости и члены Гостиной и Суконной сотен считались представителями не только столицы, но также и посадского населения провинциальных городов. Наконец были призваны старосты так называемых „черных сотен и слобод“, на которые подразделялся московский посад; они были на соборе представителями всей массы московского населения. Когда патриарх Иоаким с высшим духовенством и боярами вышел на крыльцо, что перед Переднею палатою, к собравшимся на площади у Спаса чинам—Земский собор оказался в полном своем составе, так как обычно в состав земского собора входили: высшее духовенство, Боярская дума, представители от служилых чинов и представители от посадского торгово-промышленного населения. К собору патриарх обратился с речью о кончине царя Федора и с вопросом, кому из царевичей быть на царстве. В ответ послышались крики за Петра Алексеевича; но были голоса и за Ивана Алексеевича. Однако первые крики были сильнее или так, по крайней мере, казалось патриарху и руководителям собора. Поэтому царем был провозглашен Петр, и патриарх, вернувшись во дворец, благословил его на царство.

С его избранием обстоятельства при дворе должны были перемениться. Правительницею государства на время малолетства Петра по народному обычаю становилась его мать царица Наталья Кирилловна. С нею вновь брали верх ее родственники Нарышкины. Родня первой царицы — Милославские, которыми руководила дочь царя Алексея Михайловича от Милославской, умная, образованная и деятельная царевна Софья, должны были уступить им место. Но ни царевна, ни старший из Милославских, боярин Иван Михайлович, не были людьми, способными легко примириться с неудачей, и с необычайной энергией принялись поправлять дело. Первое столкновение между Софьей и царицей Натальей произошло на другой же день после царского избрания на похоронах царя Федора, 28 апреля 1682 года. За гробом шли, как полагалось, обе вдовствующие царицы: Марфа Матвеевна (жена Федора) и Наталья Кирилловна и царь Петр в „смирном“ (траурном) платье. Но вопреки обычаю, запрещавшему царевнам показываться открыто среди публики, на похоронах Федора явилась, презирая людскую молву, и царевна Софья. Наталья Кирилловна, раздраженная этим поступком падчерицы, поспешила проститься с телом царя Федора, вышла из Архангельского собора и увела сына, не дослушав литургии и отпевания, дав повод к разным толкам и пересудам, которыми воспользовались Милославские. Впоследствии, чтобы положить пересудам конец, царица принуждена была оправдываться, указывая, что малолетний царь не мог вынести долгой службы и голода. Царевна Софья после погребения на обратном пути из собора во дворец, обращаясь к народу, „вопила“ и причитала, что враги брата Федора отравили, а Ивана отстранили от царства. „Умилосердитесь над нами, сиротами“, говорила она, „или отпустите в чужую землю к королям христианским“. Этими жалобами царевна, очевидно, хотела указать, что считает прошедшие накануне царские выборы незаконными.

Тотчас же по избрании Петра Наталья Кирилловна вызвала в столицу боярина А. С. Матвеева, на советы которого она рассчитывала опереться, и своих родственников, Нарышкиных. Но Матвеев прибыл в Москву только 12 мая вечером, а между тем неопытная царица-правительница действовала робко и нерешительно и допускала ошибки, которыми тотчас же пользовались в своих целях враги. Неблагоприятное впечатление произвели пожалования и награды, полученные родственниками царицы по поводу царского избрания. В особенности большие укоризны возбудило пожалование 22-летнего брата царицы Ивана Кирилловича, никакими заслугами не отличавшегося, прямо в бояре. Пользуясь недальновидностью и промахами Нарышкинского правительства, Иван Михайлович Милославский до приезда в

Москву Матвеева, по образному выражению историка С. М. Соловьева, „кипятил заговор“. По ночам к нему собирались выборные от стрелецких полков, а с „Верху“ т.-е. из дворца, от царевны Софьи по стрелецким слободам также посылались агенты с деньгами и обещаниями. Милославские пустили в ход находившуюся в Москве готовую для осуществления заговора силу, которую проглядели и не сумели взять в свои руки Нарышкины. Этою силою было московское стрелецкое войско, московский пехотный гарнизон, состоявший из 20 полков. Стрелецкое войско к концу царствования Федора находилось в каком то возбужденном, нервном состоянии. Дисциплина в нем совсем расшаталась. В полках завелся казацкий обычай: собираться на сходки или „в круги“ для обсуждения своих дел. Большое недовольство в войске вызывали притеснения командиров, полковников. Стрельцы набирались из вольных людей, из свободных от податного тягла родственников посадских людей или из свободных от податей сельских жителей. В полковники над стрельцами назначались обыкновенно дворяне, продолжавшие на службе привычки и приемы своей крепостной деревни: Стрельцы жаловались, что полковники берут их в свои дворы в деньщики, облагают их всякими поборами и работами в свою пользу и тем отвлекают их от промыслов, которыми стрельцы в свободное от службы время занимались. Полковники, очевидно, распоряжались в полках, как в своих именьях. Жалобы на злоупотребления полковников подавались стрельцами правительству еще в последние дни царя Федора. После его смерти жалобы эти раздались сильнее. 30 апреля 1682 г. во дворец явились уполномоченные от стрельцов с обвинениями против некоторых командиров и с требованием выдачи их войску на расправу. Царица Наталья и окружавшие ее лица были застигнуты этим требованием врасплох, растерялись и уступили стрельцам. 16 полковников были арестованы, лишены полковничьего чина, приговорены к наказанию батогами, кроме того подвергнуты суровому правежу, какому обыкновенно подвергались недоимщики и нерасплатившиеся должники, пока не уплатят взыскиваемых с них денег. Войско совершенно разнуздалось. Старый начальник всего войска, управлявший Стрелецким приказом боярин князь Ю. А. Долгорукий и товарищ его по управлению приказом сын его князь Михайло Долгорукий теряют всякую власть над стрельцами. Особое влияние на стрельцов приобретает и становится фактическим командиром войска князь И. А. Хованский, воевода, принимавший участие в войнах при царе Алексее Михайловиче, большой болтун и хвастун, „Тараруй“ по народному прозвищу. Хованский до поры держал сторону Милославских, возмущался избранием Петра и разжигал и без того взбудораженных стрельцов, стращая их, что при

новом царе, которого Бог весть почему выбрали, будут они у бояр еще в большем ярме, чем прежде, будут у них работать самые тяжкие работы, а дети их будут уже совсем невольниками. Хованский пророчил, что новое правительство поддаст и все Московское государство в неволю какому-нибудь чужеземцу, а веру православную совсем искоренит. Раздражение клокотало в стрелецком войске. Достаточно было первого же повода, чтобы оно вылилось страшным потоком. Искусными мерами Милославских это раздражение было направлено против враждебной партии, которую решено было разгромить и устрашить. По рукам стрельцов ходил список „изменников"—бояр, которых надо было истребить. Для начала мятежа был пущен слух, что Нарышкины извели царевича Ивана.

В полдень 15 мая раздались звуки набата, и в Кремль принесено было тревожное известие, что со всех сторон идут туда вооруженные стрельцы. Пока А. С. Матвеев, совершенно проглядевший волнение стрельцов,—что и не удивительно, так как он пробыл в Москве всего два дня и не успел понять ход событий,—докладывал царице, пока отдавали приказ запереть Кремлевские ворота, стрельцы с барабанным боем ворвались в Кремль и с криками, что Нарышкины задушили царевича Ивана, подошли к Красному крыльцу. Царица Наталья, узнав о причинах тревоги, вместе с патриархом и боярами вышла на крыльцо и вывела обоих братьев: Ивана и царя Петра. Бушевавшая толпа стихла. Несколько стрельцов, подставив лестницу, влезли на крыльцо и спросили царевича Ивана, подлинно ли он царевич и кто из бояр его изводит. Убедившись в подлинности царевича, стрельцы поняли, что обмануты: слух оказался ложным. Но вожаки движения не дремали. Из толпы раздались крики, чтобы выдали изменников бояр, обозначенных в списке. К стрельцам спустились несколько бояр, в том числе и Матвеев, и стали их унимать. Безтактная выходка кн. Михаила Долгорукого испортила все дело: некстати и слишком поздно вспомнив о том, что он стрелецкий начальник, и не понимая происходившего, он стал резко кричать на стрельцов, чтобы убирались из Кремля по домам. Долгоруких, отца и сына, не любили и не уважали в войске, а тут Долгорукий, над которым глумились в полках, позволяет себе кричать. Толпа рассвирепела. Делом одной минуты было для стрельцов взобраться на крыльцо, схватить М. Долгорукого, сбросить его вниз на копья товарищей, стоявших перед крыльцом, и изрубить бердышами. Вид крови опьянил толпу. Взбегая на крыльцо, стрельцы схватывали обвиненных бояр, именами которых прожужжали им уши, и сбрасывали их на копья; других убивали на площади перед дворцом. Не довольствуясь убийствами, продолжали еще издевательство над убитыми: волок-

ли по земле трупы, крича: „Вот боярин Артамон Сергеевич, вот Долгорукий, вот думный едет, дайте дорогу“. 15 мая погибли А. С. Матвеев, стольник Ф. П. Салтыков, которого убили по ошибке вместо брата царицы Ивана Кирилловича, другой брат царицы Афанасий Кириллович Нарышкин, далее воевода, командовавший войсками в походах, кн. Гр. Ромодановский, боярин И. М. Языков, думный дьяк Ларион Иванов и другие.

Убийствами кровавая трагедия не кончилась. 16 мая стрельцы вновь появились перед дворцом с требованием выдачи Ивана Нарышкина. Однако он на этот раз не был выдан. 17 они пришли опять с тем же требованием, яростно крича, что не уйдут, пока им не выдадут изменника, и грозя боярам. Дворец оказался вновь в осаде. Царевна Софья обратилась к Наталье Кирилловне, требуя выдачи Ивана Нарышкина. „Брату твоему“, говорила она, „не отбыть от стрельцов; не погибать же нам всем из-за него“. Запуганные бояре просили царицу о том же, видя в выдаче Ивана Кирилловича единственное средство погасить мятеж. Царица была вынуждена уступить и велела вывести брата из темного чулана, где он прятался за перинами и подушками. Его привели в церковь Спаса за Золотою решеткою, причастили, соборовали и затем выдали стрельцам. Стрельцы, завидя жертву, бросились на него, но не сразу убили, а поташили его сначала в застенок в Константиновской башне пытать, чтобы добиться у него признания в измене. Нарышкин мужественно выдержал пытку, не сказав ни слова, и все-таки был рассечен на части на Красной площади. В этот же день был варварски казнен, также после пыток, немец доктор Даниил фон-Гаден, обвиняемый в отравлении царя Федора и, разумеется, ни в чем неповинный.

Озверевшая толпа наконец насытилась кровью. Но партия Нарышкиных казалась все еще недостаточно разгромленной. По наущению Милославских стрельцы продолжают появляться перед дворцом с требованиями, наносившими противникам новые удары. Убийства прекратились, начались ссылки и изгнания. 18 мая стрельцы подали челобитную на имя государя, чтобы указал постричь в монахи своего деда, отца царицы Натальи,—Кирилла Полуектовича. Спорить с стрельцами не приходилось; под формой челобитной они диктовали правительству свою волю, которая и была немедленно исполнена. Старик был пострижен и отправлен в Кириллов-Белозерский монастырь. 20 мая подана была другая такая же челобитная о ссылке всех остальных Нарышкиных. Партия Нарышкиных была таким образом уничтожена. Милославские могли торжествовать победу: они добились власти. Но этому фактическому переходу власти надо было придать законные формы. Это было сделано посредством

тех же недопускающих отказа стрелецких челобитных. 23 мая войско заявило о своем желании, чтобы царствовали оба брата вместе. Боярская дума, обсудив это требование, решила созвать Земский собор, который опять был тотчас же созван в том же составе, в котором он собирался 27 апреля, и постановил царствовать обоим царям. 26 мая новое требование—царю Ивану Алексеевичу считаться первым царем. 29 мая стрельцы об'явили свою волю боярам, чтобы правление государством по молодости обоих царей было вручено царевне Софье. Софья, наконец, достигла цели. Ее заветная мечта осуществилась. Власть, притом открыто и с соблюдением внешних юридических форм, переходила в ее руки.

Царевне, однако, на первых порах пришлось разочароваться в достигнутом успехе. Оказывалось, что она получила только внешнюю форму, только призрак власти. Победа была одержана при помощи такой силы, какую представляло собой в майские дни 1682 г. разнузданное стрелецкое войско. Но войско, распорядившееся царским венцом, скоро почувствовало себя хозяином в государстве. Во главе его очутился, сделавшись начальником Стрелецкого приказа на место убитого в смуте князя Юрия Алексеевича Долгорукого, кн. И. А. Хованский. Хованского впоследствии обвиняли в очень высоких и дерзких замыслах и покушениях: говорили, что он мечтал женить сына на царевне Екатерине Алексеевне и указывал на свое происхождение из литовского королевского дома Гедимина, ясно давая будто бы понять, куда он метит. Возможно, что эти росказни появились среди враждебных ему людей. Верно, однако, то, что действительная, фактическая власть в течение лета 1682 г. оказалась в его руках. Хованский является в этот период времени посредником между войском и правительницей, и его устами войско продолжает диктовать свою волю царевне Софье так же, как оно ранее диктовало царице Наталье. Стрельцы потребовали, чтобы их войску дан был новый титул „Надворной пехоты“ (т.-е. гвардии) и чтобы на Красной площади сооружен был памятник, каменный столб с надписью, восхваляющей их деяния 15—17 мая, и Софья должна была то и другое исполнить. Стрельцы поддержали настойчивые требования раскольников устроить на Лобном месте публичный спор о вере с патриархом и архиереями, и Софья устроила его 5 июля 1682 г. и присутствовала на нем вместе с царицей Натальей Кирилловной. Приверженцы старой веры, которой сочувствовал Хованский, держали себя во дворце при чтении своей челобитной вызывающе дерзко. Смягчать и укрощать эту требовательность войска Софья должна была постоянными раздачами денег и обещаниями еще больших наград. Правительница скоро поняла, в чьих руках действительная власть, поняла и то, насколько надежною опорою

были для нее стрельцы. Распустившаяся, не знающая над собою удержу вооруженная толпа могла совершить кровавый государственный переворот, но не могла служить опорой для обычной правительственной деятельности.

Искать настоящей опоры Софья должна была в иных общественных кругах и нашла ее в том общественном классе, на который опирались Романовы с самого своего избрания— в поместном дворянстве. Поняв опасность и непрочность своего положения в столице, Софья с обоими царями выехала 19 августа из Москвы в село Коломенское, отсюда перебралась в Саввин-Сторожевский монастырь, а затем и в Троицкий монастырь. По окрестным уездам были посланы грамоты с предписаниями служилым людям—помещикам немедленно собраться и явиться к государям. Отовсюду с'ѣзжались дворянские полки. Когда количество этого дворянского войска оказалось достаточным, Софья велела схватить Хованского, казнить его с сыном, без всякого суда. Казнь была исполнена 17 сентября в день ее именин в отстоящем в 10 верстах от Троицкой лавры селе Воздвиженском, где находилась тогда и сама царевна с государями. Стрельцам нанесен был сильный удар. Первым их движением было схватиться за оружие: они заперлись в Кремле, сели там в осаде. Это было уже настоящее восстание против правительницы. Троицкий монастырь, куда укрылся Двор, был приведен на военное положение, как во время знаменитой осады его поляками: везде расставлены были караулы, из бойниц стены выглянули дула орудий. Монастырь стал центром, к которому стягивалась служилая рать. Ее сила была столь внушительна, что стрельцы струсили и решили сдаться. Современники живо изображают, как напуганы были они идущей отовсюду на Москву дворянской ратью и с каким трепетом шла под предводительством суздальского митрополита Иларионa выборная депутация от них в Троицкий монастырь с повинной. Депутаты опасались, что их перехватают и перевешают так же, как Хованских. Софья, приняв депутацию, согласилась простить стрельцов, если они заслужат прощение своими головами. Стрельцам были предписаны условия, исполнять которые они обязались под присягой. Собираться в круги по казачьи было им теперь запрещено; столб на Красной площади с хвалебной надписью в память майских убийств велено было сломать; наиболее предприимчивые стрелецкие вожаки были разосланы по уездным городам. Начальником стрелецкого приказа назначен был думный дьяк Шакловитый, энергичными и суровыми мерами восстановивший в войске хотя некоторую дисциплину. Только после этих мер Софья стала действительною правительницею государства. К ноябрю 1682 г. Двор вернулся в Москву.

II.

Петр в правление царевны Софьи (1682—1689 г.).

Уступив первенствующее место царевне Софье и потеряв власть, царица Наталья Кирилловна остается в Кремле печальною, удаленною от государственных дел вдовою и с годами начинает все на более долгое время покидать Кремль, уезжая в подмосковные царские села. Живя в Москве или в подмосковных дворцовых селах, царь Петр постоянно появляется вместе с старшим братом на церковных торжествах и придворных церемониях и принимает в них участие. Иностранный наблюдатель, секретарь шведского посольства, видевший обоих государей на торжественном посольском приеме летом 1683 г., ярко изображает старшего и младшего братьев. Царь Иван Алексеевич участвовал в церемонии, совершенно как бы не замечая происходящего перед ним; Петр, наоборот, за всем внимательно следил и живо выражал свое участие. „В приемной палате“, пишет этот секретарь, „обитой турецкими коврами, на двух серебреных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными каменьями. Старшпй брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него красивое открытое; молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских. Когда посланник подал верющую грамоту, и оба царя должны были встать в одно время, чтобы спросить о здоровье шведского короля, младший Петр не дал времени приподнять себя и старшего брата, как требовалось правилами; стремительно вскочил с своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный привет: „Его королевское величество, брат наш Каролус Свейский по здорову ль?“ Петр в одиннадцатилетнем возрасте показался секретарю шестнадцатилетним юношей.

Но обязательные придворные церемонии, отличавшиеся притом продолжительностью и, надо полагать, до крайности утомительные, едва ли могли привлекать к себе Петра, даже при всей его живости и при всем активном его отношении к окружающему. Вероятно, он чувствовал в них тягостную повинность, отбыв которую он спешил предаться своим любимым занятиям. В чем же заключались занятия Петра в годы регентства Софьи?

Мы уже видели, что дьяк Зотов в документах упоминается в качестве учителя Петра именно с 1683 г. Еще и в 1683 г.

Петр не расстается с азбукой, которая в этом году переплеталась „в пергамин зеленой“. Однако с этого года появляются в его хоромах и другие книги, свидетельствующие о расширении его любознательности. Книги брались из библиотеки покойного царя Федора Алексеевича. 27 февраля 1683 г. взята была „библия в лицах (т.-е. с картинами) с летописец“; 19 марта были взяты: книга „о луне и о всех планетах небесных“, литовская летопись Матвея Стрыйковского, а 29 октября того же года взяты: „книга Беседы иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста на деяние апостолское“ и книги Минеи месячные: сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы“. Когда именно окончились уроки Зотова, неизвестно, но он за все 1680-е годы в чине думного дьяка неотлучно находится при Петре.

Все более и более внимание Петра захватывают другие занятия, которые и отрывают его, вероятно, от зотовских уроков. В хоромах царевича Петра уже в самом раннем его детстве мы видели военные игрушки. С возрастом эти игрушки развиваются в военные „потехи“—игры. В начале 1682 г. для царевича в Кремле у его хором устраивается потешная площадка, на которой поставлены потешный деревянный шатер и потешная изба; на площадке стояли деревянные пушки. До нас дошли в большом количестве записи о выдаче по требованию Петра разных предметов, хранившихся в Оружейной палате, или об изготовлении разных предметов по его приказанию. Перед нами в этих драгоценных документах целый мир вещей, которыми окружен Петр, которые его заботят и занимают его внимание, которые показывают, куда направлялись его вкусы и склонности. На первом месте здесь, конечно, предметы военных забав. Так встречаем записи о починке прорванных, видимо от постоянного употребления, барабанов, об изготовлении новых. В январе 1683 г. велено было сделать в хоромы малолетнего царя две пушки деревянные, потешные, мерою одна в длину аршин, другая в полтора аршина, на станках с дышлами и с колесами окованными. Пушки эти были изготовлены; внутри они были опаяны жестью, а снаружи высеребрены; станки, дышла и колеса расписаны зеленым аспидом; каймы, орлы, клейма и прочие украшения были вылиты из олова. С переездом двора царицы Натальи в мае 1683 г. в Воробьево военные потехи царя приобретают более широкий размах. На Воробьевых горах было для них более простора, чем на площадке кремлевских хором. Прорванные барабаны то и дело присылаются в Москву для починки. В Воробьеве производится стрельба из пушек, но уже не из игрушечных деревянных, а из настоящих железных. 30 мая 1683 г., в день рождения государя, произведена была „потешная, огнестрельная стрельба“, за которую огнестрельный мастер иностранец Симон Зоммер и действовавшие под его руководством пушкарско-

го приказа гранатного и огнестрельного дела русские мастера и ученики получили награды. Новая потеха, видимо, очень полюбилась Петру. В июле того же года стольник Гаврила Иванович Головкин отдал в переделку для государя шестнадцать пушек. В августе этого же года упоминаются 10 человек стряпчих конюхов, состоящих у „потешных лошадей", и среди них Сергей Бухвостов и Еким Воронин—будущие первые солдаты зарождающегося среди этих военных игр первого потешного полка—Преображенского.

Май и июнь 1685 г. проведены были в селе Коломенском. Одно требование за другим летит оттуда в Оружейную палату: прислать 16 пар пистолей, такое же число карабинов с перевязями, с медною оправою; прислать 16 мушкетов, 15 карабинов, 8 карабинцев маленьких; прислать луки со стрелами и т. д., и т. д. В Преображенском возникает целый потешный городок, который становится центром этих военных игр. Городок этот в 1685 г., кажется, состоял всего только из двух избушек, но в 1686 г. находим известие об отправке туда значительного количества лесных материалов для укрепления городка. По стенам возводятся башни; на передней из них сооружены часы с боем, для чего понадобилось 8 колоколов; через Яузу перебрасываются мосты; городок обстраивается. В этом и следующем годах в нем строятся царские хоромы, каменная церковь, особые дворы, где во время пребывания Петра в Преображенском ставятся его приближенные; строятся: с'езжая изба, избы для офицеров потешного отряда, казенный и оружейный амбары, потешная конюшня и множество других деревянных построек. Наряду с военными потехами, Петр, видимо, начинает еще в ранней молодости интересоваться разного рода ремеслами, любовь к которым он сохранит затем на всю жизнь. 27 июня 1684 г., как записано в одной из дворцовых расходных книг, „дано каменьщикам за снасти: за лопатку и за молотки железные, которые у них взяты к нему, государю, вверх—16 алтын". Это первое известие о занятии Петра ремеслом; он начал с ремесла каменьщика. От работы каменьщика он перешел к печатному делу. 16 ноября того же 1684 г. окольничий Т. Н. Стрешнев приказал из Серебряной палаты „к нему, великому государю, в хоромы взнесть на печать доску кованную красной меди, гладкую, в длину и ширину по десяти вершков". Затем в хоромы поступили плотничьи инструменты. 30 ноября стольник Г. И. Головкин „приказал сделать в хоромы два топорика маленьких плотничных и насадить на топорища кленовые и закрепить с гайки, чтобы было крепко". За плотничьими инструментами последовали столярные. В 1686 г. „сентября со 2-го числа октября по 10-ое число по указу великого государя Петра Алексеевича... станочного дела мастеры делали к нему великому государю в

хоромы верстак столярской с двумя выдвижными ящиками". В то же время в сентябре 1686 г. покупалась в хоромы „кузнечная всякая снасть". Таким образом в детские и юношеские годы Петр проходил разного рода мастерства, навыкал в работе каменьщика, типографа, плотника, столяра и кузнеца: упражнял в этих ремеслах детски гибкую руку. Поэтому его рука и была так искусна во всяком мастерстве впоследствии.

В записях Оружейной палаты встречаем известия о посещениях Петром находившейся в палате „оружейной большой казны". Появляясь в палате лично, он осматривал хранившиеся в этой обширной кладовой московских государей вещи и приказывал взнести к себе в хоромы то, что ему было в данный момент нужно, или что заняло его внимание. Главным образом Петр выбирает оружие, оружие всего более его занимает. Побывав в палате 11 июля 1687 г., он указал к себе взнесть: пищаль, „ухват, что людей хватают", 3 алебарды немецкого дела, 3 знамени писанных по шелковой материи, 10 копий железных, 2 копья с крюками, 70 карабинов, 20 копий с древками, 10 древок копейных, 5 труб фитильных, 4 барабана, 2 корабля малых (модели). Но во время одного из посещений, 30 сентября 1686 г., царь вместе с калмыцким колчаном, бухарским луком, булатным тесаком и тремя пистолетами, захватил и музыкальные инструменты „фиол немецкую точеную и четыре тулумбаса медных", а также, видимо, привлекший к себе его внимание большой географический глобус. По этому глобусу Петр мог получить представление о шарообразной форме земли.

Любопытство, возбужденное другим инструментом—астролябией, побудило Петра уже самостоятельно, по доброй воле и с жаром приняться за продолжение столь рано прерванного образования. Об этом втором периоде своего учения рассказывает нам сам Петр в одной из написанных им самим записок. В этой записке Петр дает краткий очерк истории кораблестроения в России и, между прочим, вспоминает и о своем образовании. „Перед посылкою князя Якова Долгорукова во Францию", пишет царь, „между другими разговорами сказывал вышеупомянутый князь Яков, что у него был такой инструмент, которым можно было „брать расстояния", не доходя до того места (т.-е. измерять расстояние между двумя предметами, не подходя к ним). Я зело желал его видеть; но он мне сказал, что его у него украли. И когда поехал он во Францию, тогда наказал я ему купить между другими вещами и сей инструмент. И когда возвратился он из Франции и привез, то я, получа оный, не умел его употреблять. Но потом об'явил его дохтуру Захару фон-дер-Гулсту, что не знает ли он? Который сказал, что он не знает, но сыщет такого, кто знает; о чем я с великою охотою велел

его сыскать, и оный дохтур в скором времени сыскал голландца, именем Франца, прозванием Тиммермана, которому я вышеописанные инструменты показал, который, увидев, сказал те ж слова, что князь Яков говорил о них, и что он употреблять их умеет; к чему я гораздо пристал с охотою учиться геометрии и фортификации (наука о постройке крепостей). И тако сей Франц чрез сей случай стал при дворе быть беспрестанно и в компаниях с нами". До нас дошли три отрывка из учебных математических тетрадей Петра с собственноручными его записями. В первом из них Петром, вероятно, под диктовку учителя записаны правила первых трех арифметических действий: сложения, вычитания и умножения, а также решенные им задачи на эти действия. Часть задач на умножение писаны рукою учителя. Во втором отрывке находится правило, как определить географическое положение широты каждого места на земном шаре; в третьем правило, как вычислить полет брошенной из мортиры бомбы.

Точно также любознательность, возбужденная случайно попавшимся на глаза предметом, вызвала в юном Петре ту склонность, которая стала его страстью до конца дней. Так, по крайней мере, об'яснял он сам в той же упомянутой выше записке возникновение отличавшей его любви к морю, к мореплаванию и кораблестроению. Потешные суда: струг и шняк существовали уже в 1687 г. в Преображенском потешном городке на Яузе, но исключительный интерес к плаванию начинается со случайной находки. „Несколько времени спустя", пишет Петр, „случилось нам быть в селе Измайлове на льняном дворе и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил вышереченного Франца (Тиммермана), что это за судно. Он сказал, что то бот английский. Я спросил, где его употребляют. Он сказал,что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших). Он мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветра; которое слово меня в великое удивление привело и якобы неимоверно. Потом я его паки спросил: есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход мне показал. Он сказал мне, что есть. То я с великою радостию сие услыша, велел его сыскать. И вышереченный Франц сыскал голландца Карштен Брандта, который призван при отце моем в компании морских людей для делания морских судов на Каспийское море, который оный бот починил и сделал машт и паруса и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался,

Государственная ... Библиотека 480115

но более упирался в берега, я спросил, для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевел его на Просяной пруд (в Преображенском), но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу быть более. Того для я стал проведывать, где более воды. То мне об'явили Переяславское озеро, яко наибольшее, куды я под образом обещания в Троицкой монастырь у матери выпросился. А потом уже стал ее просить и явно, чтобы там двор и суды сделать. Итак вышереченный Карштен Брандт сделал два малые фрегата и три яхты. И там несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало; то ездил на Кубенское озеро. Но оное ради мелкости не показалось. Того ради уже положил намерение прямо видеть море".

27 января 1689 г. царица Наталья Кирилловна женила сына на семнадцатом году на дочери окольничего Федора Абрамовича Лопухина—Евдокии. Свадьба была сыграна скромно. Венчался Петр в маленькой дворцовой церкви святых апостол Петра и Павла, построенной в 1684 г. Таинство совершал его духовник, протопоп Меркурий. К красавице жене Петр не чувствовал никакой склонности. Повидимому, его гораздо более занимали в то время заложенные предыдущим летом в Переяславле корабли. Едва миновал медовый месяц и стали вскрываться реки, Петр летит уже, забыв жену, к любимому озеру. Сохранилось пять писем Петра к матери, писанных из Переяславля весной 1689 г. „Вселюбезнейшей и паче живота телесного дражайшей моей матушьке", пишет он в одном из них, „государыни царице и великой княгине Натальи Кирилловне, сынишка твой, в работе прибывающей, Петрушка, благословения прошу, а о твоем здравии слышеть желаю. А у нас молитвами твоими здорово все; а озеро все вскрылось сего 20-го числа, и суды все кроме большого корабля в одделке, только за канатами станет, и о том милости прошу, чтоп те канаты по семисот сажень из Пушкарского приказу не мешкоф присланы были; а за ними дело станет, и житье наше продолжитца. По сем паки благословения прошу. Ис. Переяславля, апреля 20 д. 1689".

III.

Столкновение Петра с царевною Софьей. 1689 г.

В этих забавах проходила юность Петра, и он достиг уже семнадцатилетнего возраста. Если в одиннадцать лет иностранцу, его видевшему, он казался шестнадцатилетним, то понятно, что в семнадцать он выглядел совершенно взрослым. Положение правительницы Софьи становилось поэтому неловким: ей предстояло удалиться.

Софья прекрасно понимала это и давно уже стала заботиться о том, чтобы упрочить свое положение, придав своей власти более постоянную форму. Она стала именовать себя в грамотах рядом с именами царей. В грамотах и других официальных актах титул государей стали писать таким образом: „Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна Софья Алексеевна, всея Великие и Малые и Белые России самодержцы". С того же времени царевна стала появляться вместе с царями на дворцовых церемониях и на выходах к церковным торжествам, приучая общество видеть себя неразлучною с царями. Но всего этого было недостаточно. У Софьи созревает мысль о венчании царским венцом. В августе 1687 г. Софья поручила своему думному дьяку Шакловитому без шума разведать, как примут эту мысль стрельцы и поддержат ли ее намерение. Шакловитый созвал к себе на дом 30 стрелецких урядников и предложил им написать челобитную с просьбой, чтобы царевна венчалась царским венцом. Урядники отнеслись к предложению холодно, заявив, что челобитной писать не умеют и опасаются, примет ли ее царь Петр Алексеевич. „Если не послушает", возразил Шакловитый, „схватите боярина Льва Кирилловича Нарышкина (брата царицы) и князя Бориса Алексеевича Голицына—воспитателя Петра: тогда примет челобитье".—„А патриарх и бояре?"—спрашивают неохотно стрельцы. „Патриарха можно переменить", горячится Шакловитый, „а бояре—отпадшее зяблое дерево". Из этой беседы Софья поняла, что стрельцы не будут ее поддерживать особенно усердно, раз что надо прибегать к таким насильственным мерам, как захват близких к царю людей и смена патриарха. На время она решила отложить свое намерение; однако же не совсем отказалась от него. Для более постепенного приготовления умов к замышляемому перевороту был отпечатан ее портрет в царском облачении, в короне и со скипетром в руках. Ее окружают семь изображений, представляющих 7 ее добродетелей (разум, благочестие, щедрость, великодушие, надежда божественная, правда, целомудрие). На овальном ободке портрета прописан был полный царский титул царевны с обычным перечислением всех земель, входящих в состав Московского государства. Такое же изображение с надписями на латинском языке было заказано в Голландии для распространения за границей, для подготовки иностранных дворов к московским переменам.

Между тем царица Наталья Кирилловна зорко и ревниво следила за честолюбивыми поползновениями царевны; раз даже не сдержалась и открыто высказалась в присутствии старших и младших царевен, золовок и падчериц: „Для чего она стала писаться с великими государями вместе? У нас

люди есть, и они того дела не покинут". Официально между обоими дворами, царевниным и царицыным, соблюдались учтивые отношения. На самом деле между ними накипало взаимное и все более открытое раздражение, становившееся заметным сторонним наблюдателям. Софья косо посматривала на занятия Петра. Его потешных она называла озорниками, а он все набирает и набирает потешных. Как потом выяснило следствие, у людей, окружавших царевну и предвидевших с ее падением и свое собственное, стали появляться страшные мысли. Любимец Софьи, ее министр иностранных дел князь Василий Васильевич Голицын вздыхал: „Жаль, что в стрелецкий бунт не уходили царицу Наталью с братьями, теперь бы ничего не было". Шакловитый ставил вопрос ребром: „Чем тебе, государыня, не быть, лучше царицу извести". Один из его подчиненных, стрелец Чермный, шел далее всех и высказывался уже совершенно открыто: „Как быть", рассуждал он, „хотя и всех побить, а корня не выведешь: надобно уходить старую царицу, медведицу", а на возражение, что за мать вступится царь, он добавлял: „Чего и ему спускать? Зачем стало"? Софья подогревала это настроение своими жалобами на притеснения, чинимые будто бы ей Нарышкинской партией. Неоднократно царевна призывала к себе доверенных стрельцов и беседовала с ними. „Зачинает", говорила она перед ними в церкви у Спаса на Сенях: „зачинает царица бунт с братьями и с князем Борисом Голицыным, да патриарх на меня посягает; чем бы ему уговаривать, а он только мутит". Шакловитый, присутствовавший при этом разговоре, сказал: „Для чего бы князя Бориса и Льва Нарышкина не принять? (т.-е. не убить). Можно бы принять и царицу. Известно тебе, государыня, каков ее род и какова в Смоленске была: в лаптях ходила".—„Жаль мне их", возразила царевна, „и без того их Бог убил". Среди стрельцов приверженцы Софьи распускали самые нелепые слухи, вроде тех, какие были пущены в 1682 г. Говорили, что Нарышкины покушаются на жизнь царевны; что Федор Нарышкин, придя в комнату царевны, бросил в нее поленом; что Лев и Мартемьян Нарышкины ложились в комнате царя Ивана и изломали его царский венец; что Лев Нарышкин и кн. Борис Алексеевич Голицын растащили всю царскую казну, а всех стрельцов хотят перевести, что в Преображенском только и дела, что музыка да игра, и что приспешники молодого царя с ума споили и т. д. Чтобы раздражить спокойных стрельцов, прибегали даже к хитростям. Преданный Софье человек, под'ячий приказа Большой Казны Шошин, одевшись в костюм, похожий на костюм Льва Кирилловича Нарышкина, в сопровождении стрелецких капитанов ездил ночью по Москве, хватал караульных стрельцов и приказывал бить их до смерти. И когда стрельцов начинали колотить, один из спут-

ников Шошина громко восклицал: „Лев Кириллович! за что бить до смерти? Душа христианская“. Этим думали вызвать озлобление против Нарышкина в массе стрельцов. Но масса эта оставалась спокойной. На жалобы Софьи у Спаса на Сенях наиболее преданные стрельцы равнодушно отвечали: „Воля твоя, государыня, что хочешь, то и делай“. Настроение 1682 г. не повторялось. Самые беспокойные и недовольные из стрелецкого войска были разосланы из Москвы по городам после расправы с Хованским, и Софья теперь потеряла то орудие, которым она так успешно действовала в 1682 г. Речи Софьиных приспешников немедленно передавались ко двору царицы Натальи и передавались в настолько преувеличенном виде, насколько могла преувеличивать сплетня XVII века. При царицыном дворе обвиняли Шакловитого в попытках убить кн. Б. А. Голицына и братьев Нарышкиных, говорили, что он намеревался вдовствующую царицу заточить в монастырь или прямо извести, запалив Преображенское, что сторонники Софьи ворожили против здоровья царицы и по ветру напускали на нее с сыном и на всю их родню всякие болезни и т. п. Озлобление между обоими сторонами росло. Легко понять, какое впечатление производили эти разговоры при дворе царицы Натальи на восприимчивого юношу Петра, видевшего в детстве кровавые сцены устроенного сестрой стрелецкого мятежа, какая глубокая ненависть к Софье должна была расти в его душе. Первые открытые столкновения брата с сестрой произошли в июле 1689 г. 8-го июля в день празднования Казанской иконе Божией Матери бывает из кремлевских соборов крестный ход в Казанский собор. На это торжество рано утром 8-го июля приехал из Коломенского в Москву Петр. Оба государя и царевна из дворцовой церкви св. Спаса, сопровождая св. икону, вышли в Благовещенский собор, а оттуда направились в Успенский собор. Против угла Грановитой палаты шествие встретил патриарх с архиереями. Приложившись к иконам и преподав благословение государям, патриарх вместе с ними вошел в Успенский собор. В соборе государи прикладывались к иконам и мощам, а хор пел им многолетие. Отсюда крестный ход должен был двинуться дальше. В этот момент и произошло столкновение Петра с сестрою. Царевна взяла образ „О тебе радуется“, чтобы нести его в ходу. Петр потребовал, чтобы Софья не ходила. Царевна возражала, вышел горячий спор. Царевна настояла на своем и отправилась с крестным ходом. Петр, сдерживая гнев, дошел с процессией до Архангельского собора, здесь ее покинул и уехал в Коломенское. Поводом к дальнейшему раздражению был отказ Петра принять князя В. В. Голицына по возвращении его из похода против Крымских татар, окончившегося неудачею. Оскорбленная этим отказом, Софья 27

июля вечером в Новодевичьем монастыре после всенощной говорила провожавшим ее в походе в монастырь стрельцам, жалуясь на царицу Наталью Кирилловну: „И так беда была, да Бог сохранил; а ныне опять беду зачинает. Годны ли мы вам? Буде годны, вы за нас стойте, а буде не годны, мы оставим государство“. Чувствовалось, что разрыв произойдет неизбежно. „Все предвидели ясно“,—записывает находившийся на русской службе шотландец генерал Гордон в своем дневнике под 28 июля,—„открытый разрыв, который, вероятно, разрешится величайшим озлоблением“. „Пыл и раздражение“, говорит он под 31 июля, „делались беспрестанно больше и больше, и казалось они должны вскоре разрешиться окончательно“. 4-го августа сторонниками Петра был сделан шаг, который можно было в противном лагере понять, как первый удар. В этот день Петр находился в селе Измайлове и праздновал именины царицы Евдокии Федоровны. В числе поздравлявших явился в Измайлово и Шакловитый. От Шакловитого, пользуясь его присутствием, потребовали выдачи одного из его клевретов, стрельца Стрижева, наиболее усердно подбивавшего других против младшего царя. Шакловитый отказался его выдать и был арестован в Измайлове, но впрочем вскоре же и отпущен. Напряженное озлобление, о котором говорил Гордон, дошло до высшей точки. 6-го августа, читаем в его дневнике, „ходили слухи, которые страшно передавать“. Катастрофа разразилась в ночь с 7-го на 8-е августа. 7-го августа в Москве было найдено подброшенное кем-то письмо, в котором об‘являлось, что в ночь на 8-е придут из Преображенского потешные побить царя Ивана и всех его сестер. Были приняты меры предосторожности. Кремль был заперт, туда пропускали только известных лиц. В Кремль вызван был на ночь сильный отряд стрельцов. Другому отряду в 300 человек велено было стоять наготове на Лубянке. Среди стрельцов различно об‘яснялась причина их вызова: одни говорили, что они вызваны для того, чтобы ранним утром сопровождать царевну в Донской монастырь; другие, что им придется „постращать в Преображенском“; третьи, что, наоборот, оборонять Кремль от ожидаемого нападения потешных конюхов, которые придут из Преображенского. Носились самые противоречивые слухи. Среди стрельцов самого преданного, казалось бы, Софье Стремянного полка составилась группа из 7 человек, преданных Петру, во главе с пятисотенным Ларионом Елизарьевым. Они с тревогой следили за приготовлениями этой ночи и видели в этих приготовлениях замысел напасть на Преображенское. Ожидание достигло того напряженного состояния, при котором малейший шорох может показаться раскатами грома. Вдруг ночью в Кремль в‘ехали прискакавшие зачем то из Преображенского спальник Петра Плещеев со своим человеком и

двумя потешными. Его почему то пропустили через Никольские ворота, но затем стащили с лошади, задержали вместе с его спутниками и повели на допрос к Шакловитому. Тогда двое из преданных Петру стрельцев Мельнов и Ладогин помчались в Преображенское, чтобы известить Петра о грозящей опасности. Царя разбудили. В одной сорочке он вскочил на коня—одежда была ему принесена в соседнюю рощу, а затем он помчался к Троице, куда и прискакал утром 8-го августа. Измученный этой скачкой, он, войдя в келью, бросился на постель и в слезах рассказал обо всем прибежавшему к нему архимандриту Викентию. В тот же день приехала в монастырь царица Наталья Кирилловна, пришли потешные и стрельцы стоявшего в Преображенском Сухарева полка.

Между тем в Кремлевском дворце долго ничего не знали о происшедшем в Преображенском. Ночь с 7 на 8 августа после ареста Плещеева прошла спокойно. За два часа до света царевна Софья в сопровождении Шакловитого и ночевавшего в Кремле стрелецкого отряда пошла на богомолье, но не в Донской монастырь, а в Казанский собор. Вернувшись из собора, она приказала распустить стрельцов по их слободам. Тогда только получено было известие о бегстве Петра к Троице. В Москве были поражены этим событием; но во дворце сделали вид, что не придают этому значения. „Вольно ему, взбесяся, бегать“, тоном равнодушного человека заметил Шакловитый в ответ на донесение о событии. Однако, не трудно себе представить, что царевна переживала нелегкие минуты. Она не могла не чувствовать, что почва уходит из под ее ног. Война, скрываемая до сих пор, теперь была об'явлена открыто. Петр открыто занял положение обороняющегося человека, спасающегося от злого умысла—это могло привлекать к нему сочувствие общества. Притом он укрылся под сенью святыни преподобного Сергия, за теми самыми стенами, за которыми нашла себе защиту и сама Софья осенью 1682 года.

Как утопающая за соломинку, хваталась Софья то за то, то за другое средство, бросалась то к тем, то к другим, говорила со стрельцами и на площади к народу, жаловалась, просила, то плакалась, что стала теперь ненадобна, что пойдет где-нибудь с братом кельи искать, то грозила рубить головы. Все слушают ее равнодушно. Кн. В. В. Голицын благоразумно удалился в подмосковную деревню, чтобы там выждать, кто возьмет верх. Посланные к Петру для переговоров возвратились ни с чем. Царевна упросила патриарха с'ездить туда уладить дело; патриарх поехал, но и остался у Троицы. В отчаянии царевна поспешила туда сама, надеясь об'ясниться. В селе Воздвиженском ее встретил стольник Бутурлин с об'явлением, чтобы не ездила. „Непременно

поеду", вспылила Софья. Но навстречу был выслан другой посол от Петра с угрозой, что если поедет, то с нею будет поступлено „нечестно", и царевна принуждена была вернуться. А в то же время от Петра летит в Москву грамота за грамотой: выслать полковника Цыклера с 50-ю стрельцами, выслать по 10 стрельцов от каждого полка и всех начальных людей, выслать служилых иноземцев из Немецкой слободы и выборных из всех московских сотен и слобод. Царевна пытается уговорить, грозит тому, кто уйдет, смертной казнью. Ничто не действует: и стрельцы и немцы валят толпами к Троице. Наконец 1 сентября, в день нового года, приехал гонец от Троицы с грамотою, в которой Петр об'являл брату и сестре о заговоре и требовал высылки Федьки Шакловитого. Шакловитый был ближайший человек к Софье после Василия Голицына, и последний не без основания мог видеть в нем соперника. В ярости Софья приказала отрубить гонцу голову, но во всей Москве не нашла палачей для того, чтобы исполнить это распоряжение, и гонец остался жив.

6 сентября стрельцы открыто примкнули к Петру: большою толпою они явились в Кремль к Софье и с дерзкими криками потребовали выдачи Федьки, чтобы вести его к Троице. Софья принуждена была выдать этого последнего верного человека, и дело ее окончательно было проиграно. У Троицы шел розыск и пытки. 11 сентября был казнен Шакловитый. Еще раньше князю В. В. Голицыну с сыном об'явлена ссылка в город Каргополь с конфискацией всего имущества за то, что они „сестре великих государей о всяких делах докладывали мимо великих государей и писали ее с великими государями обще", „был послан в 1689 г. на крымские юрты кн. В. Голицын, пришед к Перекопу, промыслу никакого не чинил и отступил, каковым нерадением царской казне учинил великие убытки, государству разорение и людям тягость". Впоследствии Голицыны были переведены дальше, в г. Яренск.

Расправившись с врагами, Петр писал брату от Троицы: „Милостию Божиею вручен нам, двум особам, скипетр правления прародительского нашего Российского царствия; а о третьей особе, чтоб быть с нами в равенственном правлении, отнюдь не вспоминалось. А как сестра наша царевна Софья Алексеевна государством нашим учала владеть своею волею, и в том владении что явилось особам нашим противное, и народу тягость и наше терпение, о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи, не удоволяся милостью нашею, преступая обещание свое, умышляли с иными ворами о убийстве над нашим и матери нашей здоровьем и в том по розыску и с пытки винились. А теперь, государь братец, настает время нашим обоим

особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титлах и в расправе дел быти не изволяем ...потому что учала она в дела вступать и в титлах писаться собою без нашего изволения, к тому же и царским венцом для конечной нашей обиды хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас". Царевна вскоре после этого письма была заключена в монастырь.

IV.

Военные и морские потехи.—Азовские походы 1695—96 гг.

Свергнув Софью, партия царицы Натальи и Петра вновь очутилась у власти. Во главе правительства, заняв место начальника Посольского приказа—по нашему министра иностранных дел,—стал дядя Петра по матери боярин Лев Кириллович Нарышкин. Военное ведомство или, как оно тогда называлось—Разрядный приказ, было поручено бывшему дядьке Петра боярину Тихону Никитичу Стрешневу. Вместе с военными делами он сосредоточивал в своих руках также и управление большей частью внутренних дел. Видное место среди новых министров занял кн. Борис Алексеевич Голицын, назначенный начальником приказа Казанского Дворца; ведомству этого приказа было подчинено все среднее и нижнее Поволжье, те области, которые когда-то были татарскими царствами Казанским и Астраханским. Управление остальными приказами было предоставлено другим, менее выдававшимся лицам из партии Петра. Сам Петр, в первые годы после свержения сестры, принимал мало участия в государственных делах.

Предоставив управление министрам, Петр все свое внимание устремил на военные и морские, на „Нептуновы и Марсовы, как он выражался, потехи". Только эти потехи принимают теперь все более широкие размеры. В течение 1692 г. царь неоднократно проводил по нескольку времени на Переяславском озере, раз даже ему удалось свозить туда и мать. Там он весь отдавался кораблестроению, и когда приехало в Москву персидское посольство, Лев Нарышкин и кн. Борис Голицын должны были сами приезжать в Переяславль и уговаривать царя бросить на некоторое время корабли и съездить в Москву на прием посольства, так как отсутствие его могло нанести обиду Персии и повести к разрыву с нею. Не довольствуясь уже Переяславским озером, Петр выпросился у матери в Архангельск на Белое море,

куда и с'ездил в 1693 году и второй раз уже по смерти матери в 1694 г. (Наталья Кирилловна скончалзсь 25 января 1694 г.). В Архангельске он увидел настоящее море, плавал по нему, провожая голландские корабли, ездил в Соловецкий монастырь; захваченный бурею, чуть было не погиб во время этого путешествия. В первую же свою поездку он не мог удержаться, чтобы не заложить корабля, другой был заказан в Голландии. Летом 1694 г. оба были готовы.

Игры с сухопутными войсками обратились теперь в настоящие маневры, происходящие под руководством иностранных генералов в окрестностях Москвы. Войска разделялись на две армии: одна состояла из старого войска, стрельцов под начальством Ивана Ивановича Бутурлина, именовавшегося во время этих маневров „Польским королем", другою командовал „генералиссимус Фридрих"—князь Федор Юрьевич Ромодановский. Эта последняя составлялась из потешных и из полков иноземного строя и обыкновенно разбивала первую. На Яузе была построена даже особая потешная крепость с иностранным названием „Пресбург", около которой и сосредоточивались военные действия. Ее осаждали, ходили на штурм, делали подкопы, взрывали минами. Эти маневры переходили иногда в настоящие схватки: кидали друг в друга чиненые порохом гранаты, палили из пушек бомбами, бились палками, и такие шутки кончались иногда печальными последствиями. В октябре 1691 г. был великий и страшный бой. „И тот бой,—писал Петр—„равнялся судному дню, и ближний стольник кн. Ив. Дм. Долгорукий от тяжкие своея раны, паче же изволением Божиим, переселился в вечные кровы, по чину Адамову, идеже и всем нам по времени быти". Эти военные игры незаметно перешли в серьезное дело. Осенью 1694 г. в октябре были большие бои под деревнею Кожуховым, недалеко от Симонова монастыря, а весною 1695 г. затеян был уже поход на город Азов, на Азовское море.

Кожуховские маневры внушили царю такую уверенность в силах и искусстве его полков, в способности его войска вести военные действия, осаждать крепости и брать их штурмом, что тотчас же после маневров он мог искать случая применить только что испытанную силу к серьезному делу.

Походы прямо на Крым при царевне Софье кончились неудачно, и теперь решено было нанести удар врагу с другой стороны, взяв важную крепость при устье Дона, которая могла служить хорошею гаванью русскому флоту на Азовском и Черном морях. К тому же Азов уже раз был захвачен русскими в 1637 г. Этот Азовский поход Петра и был непосредственным продолжением потешных походов. Собираясь туда, царь писал: „Шутили под Кожуховым, теперь под Азов идем играть". Войска иноземного строя и московские стрельцы двинулись под начальством трех генералов:

Автомона Михайловича Головина, Лефорта и Гордона. Гордон шел сухим путем через Тамбов и Черкасск, а Головин и Лефорт—с ними находился и Петр в составе бомбардирской роты—спустились на судах по Оке и Волге ниже Царицына, оттуда перешли на Дон и продолжали путь до Азова, к которому подошли 29 июня. В то же время боярину Борису Петровичу Шереметеву с сильным отрядом старого дворянского войска было поручено спуститься к устьям Днепра, чтобы отвлечь внимание неприятеля.

Уклонившись в своем течении к востоку и подойдя близко к Волге, Дон затем делает поворот к западу и, идя в направлении с востока на запад, впадает в Азовское море, разветвляясь при впадении на несколько рукавов и образуя при устьях низменные, покрытые тростником острова с многочисленными озерами. На левом берегу южного из этих рукавов, в 15 верстах от моря расположен город Азов—некогда знаменитая греческая колония Танаис, затем генуэзская, с конца XV века попавшая в руки к туркам и обращенная ими в крепость, которою они запирали выход в море донским казакам. Крепость была особенно усилена турками с тех пор, как в 1642 г. она была возвращена им донскими казаками, взявшими было ее в 1637 г.; удержать ее казаки без помощи Московского правительства не могли, а правительство тогда находило войну несвоевременной. Работы над возобновлением и усилением крепости производились много лет. Она представляла собой каменный четыреугольник с бастионами и с особым каменным замком внутри этого четыреугольника. Кроме каменной стены, Азов был обнесен еще земляным валом и рвом с палисадами (палисады—частокол, устраиваемый во рву). В полуверсте и в версте от этих укреплений Азов был опоясан еще двумя земляными валами, остатками прежних осад. Выше Азова, верстах в трех от него, на обоих берегах Дона были построены две каменные башни—„каланчи“,—вооруженные пушками. Будучи соединены протянутыми через русло реки тремя толстыми железными цепями, эти каланчи преграждали выход в море для плывущих по Дону сверху судов. На северном рукаве Дона, так называемом Мертвом Донце, устроен был еще каменный форт под названием Лютик.

Таковы были крепостные сооружения, которые предстояло брать русским войскам.

Русские войска подступили к городу на близкое расстояние, и началась его осада по всем правилам осады городов, практиковавшимся в то время. Инженерами при войске были иностранцы Франц Тимерман, Адам Вейде и Яков Брюс. Постоянно собирались военные советы, обсуждавшие каждый шаг в военных действиях. Душою всего дела, разумеется, был сам Петр с его бившей ключем энергией; но офици-

ально он прикрывался только званием простого бомбардира и с увлечением занимался метанием бомб в осажденный город с устроенных осаждавшими батарей. 14 июля смелым ударом донских казаков взята была первая из двух каланчей, загораждавших подступ русских речных судов к Азову. В ночь на 16 июля после усиленной бомбардировки покинута была турками и вторая. „Нынешнего месяца июля 14 дня“, писал Петр в Москву брату царю Ивану Алексеевичу, „явным приступом без всякие утраты воинства своего одну каланчу турецкую на реке Дону к Азову взял; под другую же каланчу бысть пушечная стрельба и метание бомб, и от такого страху турецкие люди в ночи побежали, и тую каланчу в 16 день наше воинство заступило“. „И слава Богу“, пишет он в другом письме, „по взятии оных каланчей яко врата щастия к Азову отворились“. Взятие каланчей открыло возможность русским подвозить по реке припасы к осаждавшей армии на судах, а также переправиться через Дон и соорудить на правом берегу против Азова особый форт, откуда город стал подвергаться обстрелу.

Однако дальнейшие военные действия пошли неудачно в значительной степени вследствие неопытности командиров и неподготовленности войск. Штурм крепости, предпринятый 5 августа, был отбит. Осадные работы продолжались, но без особого успеха. Взрывы мин, закладываемых неопытными инженерами, причиняли гораздо более вреда самим осаждавшим, чем неприятелю. Осаждаемые тревожили осаждавших постоянными вылазками. Иногда на русский лагерь налетала державшаяся неподалеку от Азова татарская конница. Между тем время шло; приближалась осень с непогодами. Предпринят был второй штурм 25 сентября; он кончился так же неудачно, как и первый. Тогда решено было от Азова отступить и отложить его осаду до будущего года. 22 ноября войска вернулись в Москву.

Цель, ради которой поход предпринимался, не была достигнута: Азов не был взят. Но неудача нисколько не поколебала Петра. Наоборот даже, она как будто усилила его энергию и увеличила силу его стремления к намеченной цели. Отступление войск от Азова было предпринято с неизменной мыслью вернуться к нему весной. Приготовления к кампании следующего года начались еще под Азовом: укреплены были каланчи и в них оставлен гарнизон, в Черкасске складываются запасы для будущего похода. Эти приготовления все с возрастающей энергией продолжаются по возвращении в Москву. Уже по мере хода военных действий под Азовом для Петра, несомненно, становились все более ясными причины их неуспеха. Они получили, надо полагать, вполне ясное признание на том военном совете—„консилии генералов“,—который имел место по возвращении царя из

под Азова. Эти причины были: во-первых, недостаток знающих искусных инженеров для руководства осадными работами и в частности минеров для устройства мин. Второю причиною можно было считать отсутствие у русских флота, который мог бы прекратить подвоз к Азову провианта, снарядов и подкреплений с моря. Наконец, третью причину можно было видеть в отсутствии единства командования войсками осаждающих. Войска эти были разделены на три корпуса под начальством равноправных генералов, которые не всегда бывали между собою согласны и нередко не хотели поддерживать один другого. Сам Петр на себя высшего командования не брал; он держался в стороне, был простым бомбардиром. В конце 1695 и в первые месяцы 1696 годов происходит подготовительная работа к новому походу. Заботы о выписке инженеров из-за границы возложены были на дипломатическое ведомство. Началась ускоренная энергичная постройка флота в Преображенском и в Воронеже. В Преображенском строились галеры—гребные, военные, вооружаемые пушками суда, по образцу галеры, выписанной из Голландии и привезенной через Архангельск и Вологду в Москву. В разобранном виде эти преображенские галеры должны были перевозиться в Воронеж, где производилась их окончательная отделка, оснастка и вооружение. В самом Воронеже и ближайших к нему городах строились струги—транспортные суда для перевозки к Азову войск. С конца февраля 1696 г. Петр уже находится в Воронеже и принимает живое личное участие в этих кораблестроительных работах в качестве простого рядового мастера. „А мы по приказу Божию к прадеду нашему Адаму в поте лица едим хлеб свой“, пишет он с этих работ в Москву. В течение апреля галерный флот в числе 29 судов был спущен с Воронежской верфи на воду и двинулся по Дону к Азову под общим начальством *адмирала*, каким был назначен любимец царя Лефорт, швейцарец, уроженец самой сухопутной страны в Европе. К тому же времени собрались к Воронежу и сухопутные силы: полки Лефорта, Гордона и А. М. Головина, и отсюда спускались по Дону на стругах. К войскам должны были присоединиться для осады Азова, как и в прошлом году, донские казаки. На этот раз над всеми военными силами был назначен общий главнокомандующий—боярин Алексей Семенович Шеин—и этим назначением был устранен недостаток в общем руководстве, вредивший делу в прошлом году. Но Шеин никакими прежними военными заслугами не отличался и был выдвинут как фигура, за которою скрывался настоящий руководитель всеми военными операциями—сам Петр, взявший на себя по своему обыкновению всю суть дела, а внешний парад и блеск предоставивший другому подставному лицу. Официально же Петр

во втором азовском походе значился „командором“ одной из эскадр галерного флота, состоявшей из 8 галер.

Со своей эскадрой он двинулся из Воронежа 3 мая, обгоняя плывшие по Дону войска. В Новочеркасске он узнал через казаков, что под Азовом стоят два турецких корабля, снабжающие город с'естными и военными припасами. Царь задумал с своими галерами и с казацкой флотилией напасть на эти корабли, 20 мая спустился уже в устье Дона и был в виду кораблей. Однако турецкий флот оказался гораздо более сильным, чем гласили казацкие донесения: он состоял из 13 кораблей и 24 мелких судов. Считая невозможным напасть на турок с теми малыми силами, которыми он располагал, Петр отступил с галерами к каланчам. Но казацкая флотилия из 40 лодок под начальством донского атамана Флора Миняева осталась наблюдать за неприятелем, и вечером 20 мая смело напала на турецкие суда. Предприятие кончилось полной победой. Один из кораблей был сожжен, другой затоплен, остальные поспешили скрыться. Из мелких судов было сожжено 9. Была захвачена значительная добыча в виде снарядов, пороху и разного рода с'естных припасов. В начале июня в донском устье стал собравшийся к Азову галерный флот. Таким образом казацкая победа над турецким флотом вечером 20 мая открыла русской эскадре свободный выход в море, а появление русских галер в море отрезало Азов от морского сообщения. И действительно, когда несколько позже подошли было вновь к Азову турецкие корабли, везшие подкрепления и припасы, они не смогли уже доставить их в осажденный город, а вступить в бой с русскими военными судами не решились.

Благодаря такому разобщению с морем, осада города в 1696 г. пошла гораздо успешнее, чем в предыдущем. В конце июня осаждавшие войска окружили город земляным валом, постепенно суживая его кольцо и подводя к неприятельскому рву, чтобы засыпать и заровнять ров. В лагерь под Азов прибыли присланные бранденбургским курфюрстом и цесарем огнестрельные мастера, артиллеристы, минеры и инженеры; под их руководством действия русской артиллерии стали более решительными. На 22 июля был назначен общий штурм города; но уже 18 июля Азов сдался. 30 сентября состоялось триумфальное вступление возвращающихся в Москву войск: триумфальные „порты“, т.-е. ворота, были украшены различными изображениями и статуями богов, увенчивавших победителей; был представлен и морской бог Нептун, гласящий: „Се и аз поздравляю взятием Азова и вам покоряюсь“. Так игра в солдатики в Преображенском и в кораблики на Яузе и Переяславском озере кончилась приобретением важной крепости и порта.

Верная мысль о том, что для взятия Азова необходимо

запереть его флотом с моря, и та необыкновенная быстрота и энергия, с которыми постройка военного флота была произведена, составляют заслугу Петра в этом деле. Такая проницательность и стремительная, преодолевающая всякие встречаемые препятствия настойчивость и энергия,—вот те качества дарований и характера, которые он при этом обнаружил.

В предыдущем 1695 г. после неудачной попытки овладеть Азовом или, как сам Петр выразился, „от невзятия Азова", он возвращался в Москву с отчетливым сознанием причин неудачи и с планами действий для ближайшего будущего, с решением обзавестись флотом, без которого не взять Азова, с решением, которое с необычайной энергией и было приведено в исполнение зимой 1695—6 гг. Точно также и в 1696 г., на этот раз после счастливого взятия Азова, Петр возвращался в Москву с новыми планами, которые затем стали с тою же энергиею исполняться. Две мысли его теперь увлекли: во-первых, постройка большого военного флота для Азовского моря и, во-вторых, поездка за границу. Подготовка к осуществлению этих планов становится главным предметом его деятельности в последние три месяца 1696 г.

V.

Сооружение большого флота.—Немецкая слобода.—Поездка за границу.

Решение завести большой флот на Азовском море приводило к заботам о необходимых для этого флота людях; прежде всего о мастерах, инженерах и плотниках, которые будут этот флот строить, а затем об офицерах и матросах, которые будут на построенных кораблях служить. Надо было вновь выписывать из-за границы знающих мастеров и плотников; свои этого дела не знали, своих мастеров не было. Приходилось обращаться с просьбами в чужие государства. Как раз в грамоте от 11 июля 1696 г. к венецианскому дожу московское правительство, извещая его о ходе военных действий под Азовом, просило дожа прислать в Москву „тринадцать человек добрых судовых мастеров, которые умели б делать всякие морские и воинские суды", обещая этим мастерам милостивое жалованье, государское призрение и свободный отпуск в случае их желания возвратиться во свояси. Не всегда эти просьбы исполнялись; выписка иностранцев сопряжена была с затруднениями и промедлениями. Являлась поэтому мысль не только прибегать в кораблестроении к выписке иноземцев в Россию, но и послать своих русских людей за границу для приобретения тех знаний, которые приносились иноземцами, в страны, славившиеся своими

флотами: Венецию, Голландию. Для большого флота потребуются также сведущие морские офицеры: моряки 1696 г. из преображенцев и семеновцев, из которых был набран экипаж для галерного флота, едва ли всегда стояли на высоте выпавшей на их долю новой задачи. За границей можно было пройти специальную морскую подготовку. Но Петр был страстный моряк и кораблестроитель. В последнем азовском походе он был капитаном, командовавшим галерою, и командором, командовавшим отрядом галер, и, вероятно, на опыте убедился в недостатке своих сведений для этих обязанностей и чувствовал потребность поучиться морскому делу. Но если он при виде других людей, работающих над постройкой корабля, не мог оставаться спокойным, и рука его бессознательно хваталась за топор, то мог ли он оставаться равнодушным, когда другие, его сверстники, поедут учиться мореплаванию и кораблестроительному искусству и, возвратясь, будут знать и уметь в страстно любимых им делах более, чем он. Мог ли он, такой старательный и прилежный работник, такой охочий к ученью, оставаться позади других в этом соревновании? И вот явилась мысль самому ехать в чужие страны учиться морскому делу. Так, по крайней мере, об'ясняет нам зарождение мысли о заграничной поездке сам Петр в составленном под его редакцией и при его непосредственном участии много лет спустя предисловии к морскому регламенту, и его об'яснение дышит искренностью и правдой. „Всю мысль свою", писал в нем Петр, „уклонил для строения флота, и когда за обиды татарские учинилась осада Азова и потом оный счастливо взят, тогда по неизменному своему желанию не стерпел долго думать о том: скоро к делу принялся... И дабы то вечно утвердилось в России, умыслил искусство дела того ввесть в народ свой и того ради многое число людей благородных послал в Голландию и иные государства учиться архитектуры и управления корабельного. И...аки бы устыдился монарх отстать от подданных своих во оном искусстве и сам восприял марш в Голландию, и в Амстердаме, на Ост'индской верфи, вдав себя с прочими волонтерами своими в научение корабельной архитектуры, в краткое время совершился, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил".

Были, может быть, и другие побуждения самому поехать за границу: желание повидать Западную Европу, с представителями которой он так охотно знакомился в Москве в Немецкой слободе. Петра с юности стала манить эта Немецкая слобода в Москве. То был уголок Западной Европы, заброшенный в столицу московского государства. Жажда наживы и приключений привлекала сюда с Запада большое число

торговцев, ремесленников, художников и младших дворянских сыновей. Эта слобода представляла удивительно пеструю смесь национальностей, религий, положений и костюмов. Здесь были французы, немцы, голландцы, англичане, шотландцы, католики, лютеране, кальвинисты, реформаторы, генералы, офицеры, художники, лекаря, аптекаря, торговцы, золотых дел мастера и т. д. При царях новой династии жители слободы пользовались широкой свободой и имели даже свои церкви. Нужда в войсках, обученных иноземному строю, побуждала царей предоставлять иностранцам различные льготы несмотря на великое негодование патриарха Иоакима, который не терпел „проклятых еретиков“ и первую Азовскую неудачу приписывал наказанию Божию за то, что им была вручена команда над православными воинами. Жизнь в слободе вели бойкую и веселую, непохожую на жизнь благочестивых русских людей того времени. Иноземцы умели усердно работать, умели и веселиться, любили задать вечеринку или маскарад, куда собирались с женами и дочерьми, вопреки русским обычаям, не позволявшим женщинам появляться в собраниях. Музыка и танцы, веселые разговоры за кружкою пива продолжались там далеко за полночь. Такие свободные и веселые нравы пришлись как раз по душе Петру, с детства не терпевшему никаких стеснений этикета, и он стал в слободе частым гостем. Несмотря на то, что он был уже женатый человек и имел сына, его часто можно было встретить на свадьбах и крестинах жителей Немецкой слободы, где он принимал участие в танцах с немками. У Петра вспыхнуло нежное чувство к одной из обитательниц слободы, Анне Монс, купеческой дочери, „девице изрядной и умной“, по выражению современника. Но не только сердечная склонность и не одно веселье привлекали Петра в слободу. Там за шахматами и за трубкой табаку он из бесед с этими бывалыми и много видавшими на своем веку людьми узнавал много интересного о Западной Европе, и это знакомство для царя, все желавшего узнать, все усвоить и всему научиться, не пропадало даром. Жажда знаний, которую так хорошо удовлетворяли иностранцы, и потребность веселья, которого он не находил около опостылевшей жены, тянули Петра в слободу. Оба эти стремления, и к знанию, и к веселью, нашли себе удовлетворение в двух знакомствах, которые завязались у Петра в слободе и перешли затем в тесную дружбу. Во-первых, Петр сблизился с генералом Патриком Гордоном. Шотландец по происхождению, Гордон был в то время человек уже почтенных лет (около 60-ти), очень образованный, знаток военного дела, опытный инженер и неутомимый, честный работник. Он рано покинул родину, служил в шведских войсках, в 60-х годах попал в Россию и участвовал во всех походах конца XVII столетия:

чигиринских, крымских и азовских. Живя в Москве, он не прерывал сношений с Западной Европой, постоянно получал из Англии книги, карты, инструменты. Его возраст, знания, серьезность и честность снискали ему глубокое уважение не только в слободе, но и в московских правительственных сферах. Петр познакомился с ним во время столкновения с Софьей, и с тех пор между ними завязалась крепкая дружба. Отношение к нему царя напоминает несколько отношение ученика к учителю. Гордон постоянно что-нибудь показывает любопытному другу: то военные упражнения, то разные снаряды и инструменты, способы делать фейерверки, снабжает Петра новыми книгами, полученными из-за границы, чертит для него планы, устраивает машины. Гордон оставил после себя любопытный и подробный дневник своего пребывания в Москве, и из него видно, как близок он был к Петру и как просто, сердечно относился к нему царь. Другой любимец Петра, Франц Лефорт, был совершенно иного характера. Гордона Петр более уважал, чем любил; к Лефорту он привязался всей душой. Это был швейцарец из Женевы, следовательно, француз, человек, не отличавшийся ни выдающимися способностями, ни образованием, но полный жизни, необыкновенный весельчак, храбрец, охотник подраться на дуэли, неистощимо остроумный и добрый товарищ. „Помянутый Лефорт,—пишет о нем князь Куракин, в составленной им Истории царя Петра—был человек забавной и роскошной или, назвать, дебошан французской... денно и нощно был в забавах, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебош с дамами и питье непрестанное, оттого и умер во время своих лет под пятьдесят". Лефорт был поверенным царя в его сердечных делах в слободе, и „пришел,—по выражению того же историка,—в крайнюю милость и конфиденцию интриг амурных". В его именно доме царь и научился с „дамами иноземскими обходиться, и амур первый начал быть".

Немецкая слобода, этот маленький западно-европейский мирок, с возрастом все более возбуждал в нем любопытство к западно-европейскому миру. Рассказы друзей-иностранцев поддерживали этот интерес. В годы азовских войн Петр несомненно следит уже за событиями в Западной Европе; он знакомится уже с этими событиями по докладам Посольского приказа, по разговорам с иноземцами, получавшими известия о ходе дел в Европе. Великая война союза, в который входили Англия, Голландия и империя против Людовика XIV, особенно привлекала его внимание. Она, надо сказать, острее задевала Россию и больнее давала себя чувствовать выгодам Московского государства, чем это может показаться с первого взгляда, и затрогивала Россию именно с той стороны, которая была наиболее близка и понятна

Петру. Война вредила архангельской морской торговле: летом 1696 г. в Архангельск не пришло ни одного голландского корабля, так как их не пропускал туда французский флот, перехватывавший их. Может быть, в Петре говорило желание взглянуть самому на этот мир, о котором он так много слышал и которым так интересовался. Но все эти побуждения не были главными. Главным было—стремление учиться кораблестроению.

Выдвигались препятствия. Путешествие царя за границу было делом в Московском государстве небывалым. Ехать государю в качестве простого плотника—дело ни в одном государстве не бывалое. Но воля Петра не знает никаких препятствий; это бурный весенний поток, ломающий и сносящий всякую преграду. Притом он уже не мало сделал дел, для Московского государя необычных, как напр.: надел немецкий кафтан и парик, ездил в немецкую слободу, дружил там с иноземцами, сам работал топором над постройкой кораблей, плавал по Белому и Азовскому морям, служил бомбардиром и капитаном. Заграничная поездка была не первым странным, поражающим умы современников поступком молодого царя; она должна была рассматриваться на ряду с другими его странными делами, но, разумеется, она могла удивлять их больше и могла вызывать более резкое осуждение. Но Петр решительно не хотел знать этих осуждений и не считался с ними; они для него не существовали. Раз захотелось ехать, поездка тем самым была решена, что бы ни говорили и как бы ни изумлялись вокруг. Оставалось только найти ту или другую форму для такого путешествия, но это был уже вопрос второстепенный и несущественный. Форма, вероятно, не без содействия Лефорта, была найдена. Решено было, что царь поедет в составе торжественного посольства к европейским державам. Момент для такого посольства был подходящим. Со взятием Азова чувствовалась необходимость подтвердить прежний союз против турок и, может быть, усилить его присоединением новых держав. Для того и надо было отправить посольство за границу.

Итак, в Москву в триумфальном входе 30 сентября 1696 г. Петр вступил с двумя планами: построить флот для Азовского моря и ехать за границу. В Москве он занялся разработкой этих планов.

20 октября состоялось важное заседание боярской думы по вопросам, которые тогда всего более занимали Петра: о заселении Азова и, главное, о постройке большого флота для Азовского моря, о судостроительной программе, как бы мы теперь сказали. Так как это последнее дело должно было потребовать громадных средств от народа и сопряжено было с введением новых повинностей, то Петр счел необхо-

димым заручиться приговором государственного совета— боярской думы.

К заседанию царь приготовил особую записку с изложением двух вопросов, подлежащих рассмотрению и решению собрания: о заселении Азова и постройке флота. В записке этой Петр рассуждает о необходимости не ограничиваться только отстройкой и заселением Азова, но и указывает необходимость построить флот. Если ограничиться только восстановлением Азова, то это не будет еще угрозой ни для турок, ни для татар: пехота не будет в силах, выходя из Азова, перенимать набеги татар или „делать поиски“ в Крым, а конницы в таком большом числе, чтоб она могла пресекать эти татарские набеги, содержать в Азове нельзя. Неприятель же, видя, что мы не можем удерживать его ни пехотою, ни конницею, возгордится по прежнему и будет нападать еще сильнее: „паки прежнею гордостию взявся, паче прежнего воевати будет“. И наши двухлетние труды, крови и убытки пропадут даром, окажутся всуе положенными. При таких обстоятельствах не только нельзя помышлять о погибели неприятелей, но даже и не получить от них желаемого мира. Но если только есть желание от всего сердца порадеть о защите единоверных и приобрести себе бессмертную память, то момент теперь для этого самый удобный, счастье нам благоприятствует на юге, как никогда; „понеже время есть и фортуна сквозь нас бежит, которая никогда к нам так близко на юг не бывала: блажен иже иметца за власы ее“. И если это так, то лучше всего воевать морем и близко к татарским владениям и во много раз удобнее, чем сухим путем, о чем писать пространно не стоит, потому что многие знающие лица сами могут засвидетельствовать справедливость этих соображений. Но для этой цели нужен флот силою в сорок или более судов, и надо решить немедленно, где, сколько и каких судов строить, и как разложить эту повинность по крестьянским дворам и купеческим торгам.

Против текста статей записки помещен и приговор по ним боярской думы. Приговорено было по первой статье для заселения Азова перевести туда 3.000 пехотинцев с семьями. На вторую статью Дума ответила пока только решением общего вопроса о постройке флота: „морским судам быть“. Но без справки о числе крестьянских дворов за землевладельцами и о торговых капиталах, по которым должна была быть разверстана корабельная повинность, нельзя было решить вопроса о числе кораблей, и поэтому было постановлено затребовать незамедлительно, „не замотчав“, справок о числе крестьянских дворов за землевладельцами. Окончательное решение вопроса о судостроении было отложено до следующего заседания.

4 ноября происходило второе упомянутое заседание думы

по предложенным Петром вопросам о восстановлении Азова и судостроении. Заседание происходило в Преображенском. Гордон называет его „Советом кабинета“, потому что в нем принимали участие члены думы, стоявшие во главе приказов, министры по нашему. Такой характер собрания министров, членов правительства, дума и вообще имела во второй половине XVII в. Но неслыханною ранее новостью было участие в этом заседании иностранца Гордона, приглашенного в качестве военного специалиста. На этот раз доложена была справка о количестве крестьянских дворов за духовными и светскими землевладельцами и рассчет, на сколько дворов следует разложить постройку одного корабля. Совет решил назначить срок для постройки кораблей двухлетний—выстроить их к апрелю 1698 г. За этот период времени духовные землевладельцы: патриарх, архиереи, монастыри должны были выстроить с каждых 8.000 состоявших за ними крестьянских дворов по кораблю с полным снаряжением и вооружением: „со всею готовостию и с пушками, и с мелким ружьем“. Землевладельцы служилого чина должны были выстроить к тому же сроку по кораблю с каждых 10.000 дворов. Таким образом на общество налагалась новая натуральная повинность постройки и содержания построенных военных кораблей. Повинность именно состояла не в том только, чтобы строить, но и в том, чтобы содержать построенные корабли.

Приговорами думы 20 октября и 4 ноября предпринималась необычайно важная и смелая реформа, и Петр становился крупным преобразователем. Его занимала тянувшаяся война с турками и татарами, которую он желал вести решительнее и для которой подходящим оружием он считал флот. Но, заводя значительный флот на завоеванном море, Россия из сухопутной державы превращалась в морскую. Дело становилось на широкую ногу, получало крупный размах. Воронежский галерный флот из 2 галеасов и 27 галер, выстроенный в зиму 1695—6 г.г., был только вспомогательным средством для осады Азова: ему ставилась узкая, определенная задача: загородить Азов с моря. Теперь шла речь о военном флоте, грозящем Крыму и Турции, о флоте большом и постоянном „не на один год, а по вся до времени своего“, как выразился Петр в одном из дальнейших указов. Эта крупнейшая по значению реформа, преобразование России из сухопутной державы в морскую, была проведена исключительно личной предприимчивостью и железной волей Петра.

Одновременно с подготовкой дела кораблестроения, подготовлялось исполнение и других пунктов намеченного плана, т.-е. посылка русских людей за границу для обучения морскому делу и отправление к европейским дворам посольства,

в составе которого намеревался путешествовать сам царь. 22 ноября 1696 г. „комнатным стольникам“ был об'явлен указ „ехать“ в разные государства учиться всяким наукам“— назначение совсем необычное, новое, немало поразившее многие дворянские семьи. Из этих стольников 39 человек должны были отправиться в Италию и 22 в Голландию и Англию. Все это были члены виднейших русских фамилий: из 61 стольника—23 носили княжеские титулы. Здесь были князья Голицыны, Долгорукие, Хилковы, князь Куракин, Черкасский, Урусов, Репнин, Трубецкой и др. Для них была составлена Петром инструкция, по которой их занятия должны были состоять в изучении мореплавания, именно в ознакомлении с морскими картами и компасом, в приобретении знания всех снастей корабля и умения управлять им, как в обыкновенном плавании, так и во время боя и т. д. Эти стольники выезжали за границу в течение зимы 1697 г., каждый на собственные средства.

Между тем снаряжалось и „великое посольство“, которое должно было посетить римского цезаря, английского и датского королей, Нидерландские штаты, Бранденбургского курфюрста, папу и Венецианскую республику. Послами были назначены Лефорт, Головин и думный дьяк Возницын с огромной свитою, всего около 250 человек. Целью посольства было укрепление союза против турок, „подтверждение древней дружбы и любви для общих всему христианству дел, к ослаблению врагов креста Господня, султана турского и хана крымского, и к вящшему приращению государей христианских“. На ряду с этим посольству дано было поручение нанять иностранных офицеров, мастеров и закупить необходимые для кораблестроения материалы. Петр собственноручно написал послам инструкцию, в которой приказывал: „к службе морской сыскать капитанов добрых, которые б сами в матросах бывали и службою дошли чина, а не по иным причинам, поручиков и подпоручиков, а также и мастеровых людей: роншлагеров, машт-макеров и диммакеров, блокмакеров, шлюпмакеров и др. с снастьми довольными“. Но, конечно, одной из главных целей посольства было дать возможность примкнувшему к нему отряду „волонтеров“ поработать на знаменитых корабельных верфях. Этот отряд волонтеров состоял из 30 человек преображенских бомбардиров, ближайших друзей Петра, среди которых был будущий любимец Александр Меншиков. Отряд разделялся на десятки, и над одним из них десятником был Петр Михайлов, урядник Преображенского полка, сам царь. Одушевлявшее тогда Петра настроение он выразил в надписи, вырезанной на печати, которою он запечатывал свои письма из-за границы: „Аз есмь в чину учимых и учащих мя требую“.

Посольство тронулось из Москвы 9 марта и направилось

через Ригу и Митаву во владения курфюрста Бранденбургского, в Пруссию. В Либаве Петр расстался с послами и путь из Либавы до Кенигсберга, где тогда находился бранденбургский курфюрст, сделал морем. Вскоре же по приезде он посетил курфюрста Фридриха III в строгом инкогнито и провел с ним часа полтора, разговаривая на голландском языке за стаканом венгерского. Время в ожидании посольства он посвятил в Кенигсберге изучению артиллерии под руководством главного инженера прусских крепостей фон Штернфельда. Этот Штернфельд по окончании обучения выдал Петру аттестат, в котором свидетельствовал, что в Петре Михайлове он заметил очень „понятливую особу“ и что он, как в Кенигсберге, так и в приморской крепости Пиллау, „ежедневно благоупомянутого господина Петра Михайлова не только в теории науки, но и в практике, частыми работами собственных рук его обучал и упражнял. В том и другом случае в непродолжительное время к общему удивлению он такие оказал успехи и такие приобрел сведения, что везде за исправного, осторожного, благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и художника признаваем и почитаем быть может“.

Посольство по приезде было принято Фридрихом III, большим любителем пышных церемоний, подражателем французскому Версальскому двору, мечтавшим о королевской короне для своего прусского герцогства, чего он впоследствии и достиг. Во время этой торжественной аудиенции Петр находился в числе посольских дворян. Царь виделся с Фридрихом III еще неоднократно и заключил с ним договор, подтверждавший старинную дружбу между обоими государствами. В договор внесена и новая статья, вызванная потребностями времени и стремлением Петра, гласившая, что если царь пожелает посылать подданных своих в немецкую землю вообще или в частности во владения курфюрста „для науки каких хитростей“,то курфюрст обязуется оказывать таким посланным всякую помощь и покровительство. Фридрих III очень желал заключить с Петром оборонительный союз против Швеции, помощью против которой ему важно было заручиться в виду возможных столкновений с нею из-за берегов Балтийского моря, находившихся в ее владении. Но Петр, принимавший самое деятельное участие в этих переговорах, опасался, что в случае включения такой статьи в договор, Швеция, узнав о ней, предпримет какие-либо действия, которые помешают всецело тогда занимавшей его войне с турками; поэтому он предложил принять эту статью в словесной форме. Оба государя дали взаимное обещание помогать друг другу против всех неприятелей, а особенно против Швеции, подали при этом друг другу руки, поцеловались и утвердили соглашение клятвою.

Во владениях курфюрста Бранденбургского в приморском городке Пилау Петр задержался на продолжительное время, до 30 июня, ожидая исхода королевских выборов в Польше, за которыми Петр зорко и внимательно следил. Боролись два кандидата: саксонский курфюрст Август II, которого поддерживала Россия, и французский принц де Конти, расположенный к союзу с турками, так как Франция эпохи Людовика XIV была в прочном союзе с Константинополем, возбуждая и поддерживая султана против австрийских Габсбургов. Грозила опасность, что Польша, если бы французскому принцу удалось сесть на польский престол, не только отпадет от союза с Австрией и Россией против Турции, но и заключит союз с турками. Поэтому России и важно было поддержать в Польше партию, стоявшую за саксонского курфюрста.

Получив сведения о благоприятном исходе польских выборов, царь с посольством покинул Пилау и, переехав морем до Кольберга, оттуда через Берлин, Магдебург и Гальберштадт направился в Голландию. По первоначальному плану посольство должно было после посещения бранденбургского курфюрста ехать к цесарю в Вену, но затем этот план был изменен. Союзный договор с цесарем был только что заключен (29 января 1697 г.) трудами русского посланника в Вене, дьяка Кузьмы Нефимонова, так что посольству осталось только торжественно подтвердить этот союз, а в Голландию побуждали спешить царя и личные желания и политические цели: он стремился поработать на голландских верфях, но туда же влекли его обстоятельства текущего момента. Как раз в то время в Рисвике близ Гааги собирался конгресс представителей великих тогдашних европейских держав для выработки условий мира, который должен был закончить войну союза против Людовика XIV. На конгресс с'езжались виднейшие дипломаты Европы. Главным политическим интересом Петра тогда была война с турками, и успех под Азовом окрылял его стремление довести войну против турок до конца. Война эта, как мы видели, вызвала новую крупную задачу для государства—содержание флота. Личное знакомство царя с западной Европой и в особенности с Голландией должно было прежде всего открыть царю новый источник средств для организации направляемых против турок военных сил; он искал там необходимых для этой организации знаний, старался привлечь для руководства военными силами сведущих людей, обратился к западной Европе за техническими усовершенствованиями. Но он прекрасно понимал, что московскому государству одному, несмотря даже и на возможные усовершенствования, не справиться с турками, и потому он искал союзников и дорожил ими, и его надежда достигнуть в этом отношении успе-

ха и заручиться новыми союзами при таком благоприятном случае, какой представлялся Рисвикским конгрессом, вполне понятна.

Проехав Гальберштадт, Петр свернул в сторону с пути, чтобы осмотреть железные заводы близ замка Ильзенбурга, а затем восходил на Блоксберг, вершину горы Брокен, столь известной поверьями, по которым на ней в ночь на 1 мая слетается нечистая сила. Проезжая по Ганноверской территории, в местечке Коппенбрюге он встретился с ожидавшею его здесь одною из замечательнейших женщин того века, ученицею и приятельницею философа Лейбница, курфюрстиною бранденбургскою Софьей-Шарлоттой, женою курфюрста Фридриха III, не имевшей возможности быть в Кенигсберге во время пребывания там царя, но очень интересовавшейся его личностью. Софья-Шарлотта явилась на свидание с Петром в Коппенбрюге в сопровождении своей матери, курфюрстины Ганноверской. Обе курфюрстины описали впоследствии в письмах эту встречу с царем. Когда Петр очутился в присутствии курфюрстин, то, по словам Софьи-Шарлотты, настолько казался сконфуженным, что закрывал лицо рукою и в ответ на их приветствия не мог ничего ответить сам и поручил ответить за себя Лефорту, но потом обошелся и держал себя свободно. „Царь очень высокого роста", рассказывает старшая курфюрстина Ганноверская, „лицо его очень красиво, он очень статен. Он обладает живостью ума, его суждения быстры и справедливы. Но на ряду со всеми выдающимися качествами, которыми его одарила природа, следовало бы пожелать, чтобы его вкусы были менее грубы. Мы тотчас же сели за стол. Г. Коппенштейн, исполнявший обязанности маршала, подал его величеству салфетку, но это его очень затруднило: вместо салфетки в Бранденбурге ему подавали после стола кувшин. Его величество сидел за столом между моей дочерью и мною, имея переводчика с каждой стороны. Он был очень весел, очень разговорчив, и мы с ним завязали большую дружбу. Моя дочь и его величество поменялись табатерками. Табатерка царя была украшена его инициалами, и моя дочь очень дорожит ею. Мы, по правде, очень долго сидели за столом, но охотно остались бы за ним и еще дольше, не испытывая ни на минуту скуки, потому что царь был в очень хорошем расположении духа и не переставал с нами разговаривать. Моя дочь заставила своих итальянцев петь; их пение ему понравилось, хотя он нам признался, что он не очень ценит музыку. Я его спросила, любит ли он охоту. Он ответил, что отец его очень любил охоту, но что у него с юности пристрастие к мореплаванию и к фейерверкам. Он нам сказал, что сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от работы. После ужина его

величество велел позвать своих скрипачей, и мы исполнили русские танцы, которые я предпочитаю польским. Бал продолжался до четырех часов утра. У нас было намерение провести ночь в одном соседнем замке. Но так как уже рассветало, то мы тотчас же поехали сюда, совсем не спав и очень довольные нашим днем".

8 августа 1697 г. Петр, значительно опередив посольство, достиг желанной цели, голландского городка Саардама с его знаменитыми верфями, и поселился там в малолюдной части города в маленьком деревянном в два окна домике с черепичною кровлею, разделенном на две комнатки, с изразцовой печью, с глухою каморкою для кровати, принадлежавшем кузнецу Герриту Кисту, некогда работавшему в России. Закупив на следующий день по приезде необходимые плотничьи инструменты, он поступил под именем Петра Михайлова на корабельную верфь Липста Рогге. Однако он прожил в Саардаме только неделю, работая на верфи, а свободное время посвящая осмотру фабрик, мастерских, складов и пр., посещению семей саардамских плотников, особенно работавших в России, или катанью на парусной яхте. Пошла молва о загадочном русском плотнике: в нем по письмам из России признали скоро царя, и за Петром стала всюду следовать назойливая толпа любопытных. Эта неотвязчивая толпа сделала ему дальнейшее его пребывание в Саардаме невыносимым. 15 августа он уехал в Амстердам, чтобы присутствовать при торжественном в'езде туда посольства, который должен был состояться на следующий день 16 августа. В день в'езда, в котором Петр участвовал, смешавшись по обыкновению с толпою второстепенных чинов посольства, он лично познакомился с амстердамским бургомистром Витзеном, человеком, пользовавшимся большим уважением соотечественников, ученым и щедрым покровителем наук и искусств, автором двух сочинений, одно из которых было посвящено вопросам судостроения и управления кораблями, а другое имело предметом географию и этнографию восточных стран. Витзен был в Москве в составе голландского посольства в 1664 г., интересовался востоком Европы, старался о развитии коммерческих сношений Голландии с Москвою, исполнял поручения московского правительства в Голландии и принял поэтому большое участие в делах русского посольства. Знаток морского дела и обладатель целого музея разных предметов и моделей по кораблестроению, он был для Петра очень интересным собеседником. Узнав от царя в разговоре о затруднениях, испытанных им вследствие назойливости толпы в Саардаме, Витзен посоветовал ему перенести работу в Амстердам на верфь Ост-индской компании и в качестве одного из директоров компании предложил ему устроить это дело; Петр с радостью ухватился за это предложение. 19 августа

состоялось определение правления компании о принятии „знатной особы, проживающей инкогнито“, на верфь компании, об отводе для ее жительства находящегося на самой верфи дома канатного мастера, а для того, чтобы особа могла пройти всю постройку корабля с самого ее начала, директора постановили заложить новый фрегат. Известие об этом постановлении Петр получил во время торжественного обеда, данного амстердамскими бургомистрами в честь русского посольства. Он не мог скрыть своей радости, с нетерпением ждал конца обеда и последовавшего за ним роскошного фейерверка, и едва только погасли его последние огни, как он об'явил о своем непременном желании ехать сейчас же в Саардам, чтобы взять там свои вещи и инструменты и перебраться немедленно на Ост-индскую верфь. Как ни убеждали его послы и бургомистры не делать этого, не подвергаться опасности в ночной темноте, все было напрасно. И в этом эпизоде, подобно другим, мы можем наблюдать, как у Петра вспыхнувшая искрой мысль тотчас же, в тот же момент зажигала, воспламеняла его волю, а воля так же немедленно переходила в действие, не считаясь ни с какими преградами,—все это с быстротой как бы выстрела из орудия, после того как искра пистона воспламенит порох. Его желания, поэтому, недостаточно характеризовать словом горячие: их надо называть не иначе, как огненными. Пришлось посылать в ратушу за ключами от портовой заставы, опустили под'емный мост, и Петр вышел в залив в 11 часов ночи. В час пополуночи он был уже в Саардаме, уложил в буер свои вещи, расплатился с хозяином Герритом Кистом за квартиру, причем, по свидетельству современников, заплатил крайне скупо. Рано утром 20 августа он вернулся в Амстердам прямо на Ост-индскую верфь, где и поселился.

Он поступил на верфь учеником к мастеру Герриту Класу Полю, усердно работал над постройкой специально для него заложенного фрегата, который и был выстроен при его ближайшем участии.

Работая на верфи Ост-индской компании, Петр пристально следил за ходом дел своего посольства, которое между тем переехало из Амстердама в Гаагу, было принято Генеральными штатами и вело с ними переговоры о помощи Московскому государству в войне против Турции. Московскому государству было бы очень важно сделать для войны денежный заем в Голландии, но, не расчитывая на успех такого займа, оно надеялось получить от Голландии ссуду разного рода морским вооружением и снаряжением; большое количество оружия и снарядов должно было оставаться лишним после только что закончившейся войны с Людовиком XIV. Однако эти надежды не осуществились. Не желая вовсе ссориться с турками и лишать себя рынков в бассейне Среди-

земного моря, голландцы наотрез отказались оказать какую-либо официальную поддержку Московскому государству. Посольство потерпело неудачу. Переговоры с Штатами не были единственным делом посольства в Гааге; оно поддерживало там оживленные сношения с посланником саксонского курфюрста, вновь избранного польского короля Августа II, следя за его успехами. Обо всех своих дипломатических шагах Лефорт и Ф. А. Головин, который, собственно, и вел тогда русскую дипломатию, сообщали Петру в Амстердам, находясь с ним в непрерывной переписке и получая его указания. Между тем к зиме царь изучил уже все, чему мог научить его голландский кораблестроитель: усвоил всю практику кораблестроения и получил от своего руководителя не менее похвальный, чем от преподавателя артиллерии, отзыв, в котором значилось, что Петр Михайлов с 30 августа по 15 января, во время благородного пребывания своего на верфи, „был прилежным и разумным плотником, также в связывании, заколачивании, сплачивании, поднимании, прилаживании, натягивании, плетении, конопачении, струганий, распиливании, мощении и смолении поступал, как доброму и искусному плотнику надлежит“. Но этою практикою корабельного дела Петр не мог удовольствоваться. Ему непременно хотелось знать и самую теорию постройки корабля, быть не только корабельным плотником, но и инженером. В предисловии к Морскому регламенту Петр рассказывает, что он в Голландии на Ост-индской верфи „своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил. Потом просил той верфи баса (мастера) Яна Пола, чтобы учил его препорции корабельной (т.-е. науке составления корабельных чертежей), который ему через четыре дня показал. Но понеже в Голландии нет на сие мастерство совершенства, а только некоторые начатки, о чем и вышереченный бас сказал, что всего на чертеже показать не умеет, тогда зело ему (Петру) стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг. И по нескольких днях прилучилось ему быть на загородном дворе купца Яна Тесинга в компании, где сидел гораздо не весел, ради вышеписанной причины; но когда между разговоров спрошен был, для чего так печален? — тогда оную причину об'явил. В той компании был один англичанин, который, слышав сие, сказал, что у них в Англии сия архитектура так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться можно. Сие зело обрадовало, по которому немедленно в Англию и поехал и там... оную науку окончил.“

Путешествие в Англию было тем привлекательнее для царя, что оно давало возможность ближе познакомиться с английским королем, который в то же время был и штат-

гальтером (президентом) Голландской республики, Вильгельмом III. Глава и руководитель европейских союзов в войнах против Людовика XIV, герой, о котором Петр слышал так много рассказов еще в Москве от своих знакомцев по немецкой слободе, Вильгельм III привлекал к себе особенное внимание царя. Познакомившись с Петром на свидании в Голландии в Утрехте и узнав о его страсти к морю, Вильгельм подарил Петру великолепную, только что отстроенную со всеми новейшими усовершенствованиями яхту. Король прислал за Петром эскадру из нескольких судов, и 11 января 1698 г. Петр прибыл в Лондон, где и прожил около месяца, осматривая достопримечательности города. 14 января царя в строжайшем инкогнито посетил король, а затем Петр отдал ему визит в Кенсингтонском дворце. В Лондоне также царю не давала покоя следовавшая за ним толпа любопытных, которую он всячески старался избегать. Будучи на спектакле в театре, он помещался в ложе, сажая перед собою спутников, чтобы ими загородиться от взоров публики. Посетив раз парламент и присутствуя на заседании в палате лордов, на котором был и король, он, чтобы не быть предметом внимания, пробрался на чердак палаты и смотрел на заседание через слуховое окно.

9 февраля царь переехал из Лондона в Дептфорд, маленький городок на правом берегу Темзы, занял здесь дом у самой верфи и прожил два с половиной месяца, проходя высший курс кораблестроения. Все свободное от работы время он в Англии, как делал это и в Голландии, употреблял на обзор различных достопримечательностей: был в Королевском ученом обществе, неоднократно посещал артиллерийские заводы, лаборатории и арсенал в Вуличе, монетный двор в Тоуэре, был на астрономической обсерватории в Гринвиче, ездил в Оксфордский университет, в свободное время катался по Темзе на яхте. Король, зная вкусы гостя, приказал устроить для него большие морские маневры на Спитхедском рейде возле Портсмута, и здесь Петр имел случай познакомиться с действиями английского военного флота. Корабли, гавани, доки, верфи, фабрики, заводы, мастерские, всякое ремесло, все то, в чем сказывалось торжество искусной человеческой руки над грубой материей, привлекало к себе внимание царя. Гораздо менее интересовался он произведениями чистого искусства: художественное удовольствие, доставляемое ими, было для него мало понятно. Когда ему в Англии в одном из дворцов показывали картины, он не обратил на них никакого внимания, но с большим любопытством остановился перед находившимся в комнате короля прибором для наблюдения за направлением ветра. Позже, однако, у него развился вкус к архитектуре и к живописи, и он охотно выписывал в Россию для украшения изящно

построенных дворцов выдающиеся произведения иностранного искусства.

Политическая сторона английской жизни, сложное устройство английских государственных учреждений, деятельность парламента и судов, программы и отношения политических партий—не могла, конечно, привлечь внимания Петра и не была ему в то время доступна. Но английская церковь его очень заинтересовала, и он завязал сношения с ее высшими представителями. Он присутствовал на англиканском богослужении и посетил примаса английской церкви, архиепископа Кентерберийского в его резиденции в Ламбетском дворце, но особенно тесно сошелся Петр с наиболее выдающимся членом английской иерархии, епископом солсберийским Бернетом, которого он удивил знанием св. Писания. „Я часто бываю с ним“, писал о нем Бернет.—„В прошлый понедельник я провел у него четыре часа. Мы рассуждали о многих вещах; он обладает такой степенью знания, какой я не ожидал видеть в нем. Он тщательно изучал св. Писание. Из всего, что я говорил ему, он всего внимательнее слушал мои об'яснения о пределах власти христианских императоров в делах религии и о верховной власти наших королей. Я убедил его, что вопрос о происхождении св. Духа есть тонкость, которая не должна бы была вносить раскола в церковь. Он допускает, что иконам не следует молиться и стоит лишь за сохранение образа Христа, но этот образ должен служить лишь как воспоминание, а не как предмет поклонения. Я старался указать ему великие цели христианства в деле усовершенствования сердца человеческого и человеческой жизни, и он уверил меня, что намерен применить эти правила к самому себе. Он начинает так сильно привязываться ко мне, что я едва могу от него оторваться... Царь или погибнет или станет великим человеком“. Впоследствии в своих воспоминаниях Бернет дает другой, гораздо более резкий и невыгодный отзыв о Петре: „царь—человек весьма горячего нрава“,—пишет он,—„склонный к вспышкам, страстный и крутой. Он еще более возбуждает свою горячность употреблением водки, которую сам приготовляет с необычайным знанием дела... Особую наклонность он имеет к механическим работам; природа, кажется, скорее создала его для деятельности корабельного плотника, чем для управления великим государством“.

21 апреля Петр выехал из Англии к посольству, ожидавшему его в Голландии. Получив отказ (в официальной поддержке со стороны голландского правительства в войне против турок) в ссуде морского снаряжения и припасов, о которой московское посольство просило, оно, живя в Амстердаме, занялось приобретением этого снаряжения на собственные средства, нанимало офицеров и матросов на рус-

скую службу и закупало необходимые припасы. Под конец своего пребывания в Англии Петр узнал, что турки завязали через посредство английского короля тайные мирные переговоры с Венским двором. Являлась, таким образом, опасность, что союз четырех держав против Турции, подкреплять который он отправился за границу, распадется, и ему придется вести войну с турками один на один. Это заставило его спешить в Вену, где он надеялся личным присутствием воспрепятствовать начавшимся переговорам. Он прибыл с посольством в Вену 16 июня, несколько раз виделся, сохраняя инкогнито, с императором Леопольдом, который устроил в честь московского гостя блестящие празднества. С канцлером гр. Кинским Петр лично вступил в переговоры о турецких делах, но попытка Петра затормозить начавшиеся с турками переговоры окончилась неудачей. Венский двор остался непреклонен, и Петр должен был уступить и дать согласие участвовать на будущем мирном конгрессе с турками. В Вене за переговорами царь прожил более месяца, также осматривая достопримечательности города, причем особый интерес проявил к католической церкви: посещал католическое богослужение, выслушивал приветственные речи католического духовенства и завтракал с иезуитами в их коллегии.

У Петра, когда он отправлял посольство в 1697 г., целями были: утверждение союза, существовавшего между четырьмя государствами, против турок, возбуждение вообще сочувствия в европейских государствах к этой борьбе против врагов Креста Христова, наконец, приобретение обширных материальных средств для этой борьбы в виде снаряжения и припасов для строившегося тогда Азовского флота и в этом последнем строились расчеты на Голландию. Каковы были успехи посольства? По всем намеченным целям оно потерпело неудачу. В помощи снаряжением для флота было отказано и его приходилось приобретать на собственные средства. Мысль о борьбе христианских государств против Турции не находила себе сочувствия, так как в Европе предвидели новую большую войну между христианскими государствами из-за испанского наследства; самый союз четырех держав против турок заметно терял свое значение, так как с турками завязались мирные переговоры, и все усилия Петра приостановить их и настоять на продолжении войны были тщетны. Итак, дипломатические цели посольства не были достигнуты.

Но у Петра при отправлении посольства была еще и другая цель: под его прикрытием побывать в западной Европе, поучиться там кораблестроению и познакомиться с морским делом. Эти его желания были с успехом осуществлены. Он прошел практический курс кораблестроения в

Голландии, изучив на собственной работе всю постройку корабля с начала до конца, и затем пополнил эту практическую выучку теоретическими сведениями в Англии. Он имел возможность познакомиться с флотами двух первоклассных морских держав: Голландии и Англии и со всеми теми сооружениями: верфями, доками и разного рода фабриками и заводами, которые обслуживали флоты. Ему хотелось изучить далее галерный (гребной) флот, который был особенно пригоден в Азовском море, и для этого он намеревался из Вены ехать в Венецию. Но отправиться в Венецию не удалось. В Вене царь получил известие о бунте в некоторых стрелецких полках и тотчас же поспешил в Москву, принося извинения Венецианскому правительству, сделавшему обширные приготовления для его приема. Кроме морского дела, Петр усовершенствовался также в артиллерийском искусстве, пройдя курс его под руководством опытного инструктора в Кенигсберге и завершив его знакомством с английской артиллерией в Вуличе.

Так дипломатия великого посольства потерпела неудачу, а личные цели Петра, ради которых он предпринял путешествие по Европе, были достигнуты. Но, может быть, еще более было важно то общее знакомство с западной Европой, которое Петром вынесено было из поездки, те впечатления, которыми обогатился его духовный мир. Всего сильнее поразила Петра и, вероятно, самое яркое воспоминание оставила о себе материальная сторона европейской жизни, техника, которою не только в морском и военном деле, но и в широких и самых разнообразных проявлениях ее, он так интересовался. Европейский корабль, как и целый флот, фабрика, мастерская, машина, величественные здания, разного рода сложные сооружения, разнообразные произведения человеческого знания и прикладного искусства—таковы были предметы, привлекавшие с его стороны всего более внимания. Может быть, правильно будет сказать, что в первую заграничную поездку Петр в Европе интересовался более вещами, чем людьми. Но все же на своем пути он знакомился и с людьми, со множеством людей и притом самого различного общественного положения, как с вершинами, так и с низами человеческого общества. Он свел личное знакомство с несколькими европейскими государями, членами правящих домов, лицами высшего правительственного круга. Среди встреченных им людей было несколько выдающихся замечательных личностей своего времени, как напр. Вильгельм III, герой юных дней Петра, о котором он так много слышал от московских иноземцев, курфюрстина Софья-Шарлотта, тогда еще молодой, но уже славный своею победою над турками, так восхитившею Петра, будущий великий полководец Евгений Савойский, с которым Петр встретился в

Вене, епископ Бернет, который вел с ним продолжительные разговоры, бургомистр Витзен, ставший одним из ближайших к царю лиц во время его пребывания в Голландии, голландский ученый, естествоиспытатель и анатом, доктор Рюйш и др. Но круг знакомств Петра был чрезвычайно широк. Ежедневно ему приходилось соприкасаться и входить в сношения с большим числом разного положения людей. В Голландии он познакомился с видными представителями высоких промышленных и торговых кругов. Но, работая на верфях и посещая разного рода фабрики и мастерския, он сближался с простым рабочим людом. Самый способ путешествия тогда, самые средства передвижения, столь отличные от наших, невольно содействовали широкому знакомству с обществом посещаемых стран в его различных слоях. В наши дни вагон железной дороги быстро переносит человека на тысячи верст через страны, природу которых он рассматривает сквозь стекло вагона и с населением которых он не имеет случая соприкасаться. Посольство и с ним Петр двигались по Европе медленно на лошадях, делая остановки не только в больших центрах, но останавливаясь в ожидании сбора лошадей иногда на довольно продолжительное время в господских домах помещиков, в мещанских дворах больших и малых городов, часто в простых деревенских трактирах и корчмах. Сколько людей во время такого передвижения должно было пройти перед взором путешественника, насколько основательнее мог он ознакомиться с бытом и нравами общества тех стран, через которые он проезжал. Не все, конечно, здесь было ему понятным и доступным. Бросалось в глаза сначала только внешнее. Внутренняя сторона европейской жизни была ему менее заметна. Едва ли он мог подробно вникнуть в устройство западноевропейских учреждений; он не питал еще тогда к ним интереса и не был подготовлен к их пониманию. Но все же о многих учреждениях у него должно было сложиться неизбежно то или иное, хотя бы самое общее понятие. Не мог он, напр., не иметь представления об Ост-Индской торговой компании, на верфях которой он работал, об амстердамской ратуше, с бургомистрами которой он дружил, о государственном устройстве Голландии, которая принимала его посольство, об университетах в городах Лейдене (в Голландии) и Оксфорде (в Англии), где он побывал, об английском парламенте, который он посетил, об отношении королевской власти к английской церкви, вопрос, о котором он беседовал с епископом Бернетом и к которому проявил большой интерес. Невольно и неизбежно в его сознание путем разговоров с иностранцами, каких бы предметов эти разговоры ни касались, проникали новые понятия, неизвестные ранее и различные от тех понятий, которые давала ему родная обстановка.

В Москву царь прибыл в конце августа 1698 г. Всю осень этого года шел жестокий розыск над виноватыми в бунте стрельцами. Московские стрельцы участвовали в обоих азовских походах 1695 и 1696 г.г. По взятии Азова многие из них были там оставлены оберегать крепость. Стрельцы привыкли к удобствам московской жизни, привыкли жить с семьями, заниматься хозяйством и торговлею; поэтому служба в отдаленном и глухом Азове их очень тяготила. Вдруг пришел приказ от царя из-за границы: четыре полка двинуть из Азова, но не в Москву, куда стрельцам хотелось, а на польскую границу в Великие Луки. До полутораста стрельцов не выдержали, с дороги весной 1698 г. бежали в Москву. В Москве они услыхали странные вести. Здесь им говорили: „государя за морем не стало“, „государь залетел в чужую сторону к немцам. О нем ни слуху, ни духу, неведомо жив, неведомо помер. А вам уже на Москве не бывать“. Царевна Софья из Новодевичьего монастыря через преданных ей лиц обратилась к этим беглецам с письмом и подговаривала их придти в Москву всеми четырьмя полками и бить ей челом, чтобы вновь приняла правление государством. Бояре, управлявшие Москвой и государством в отсутствие царя, потребовали, чтобы беглецы вернулись к своим полкам. Они не повиновались и были выбиты из Москвы вооруженной силой. Вернувшись в свои полки, они сообщили товарищам московские разговоры и принесли царевнины грамотки. Вспыхнуло возмущение. Стрельцы, собираясь толпами, кричали, что надо идти к Москве, бить бояр и немцев, на престол возвести царевича Алексея Петровича, а правительницей государства сделать царевну Софью; если государь из-за границы вернется, в Москву его не пускать и даже убить. Сменив полковников и поставив на их место командовать полками своих выборных людей, стрельцы двинулись на Москву. Из Москвы против них высланы были солдатские полки с пушками под командой боярина А. С. Шеина и генерала Гордона. В июне 1698 г. эти полки встретились со стрельцами под Воскресенским монастырем и разбили их. Стрельцов перехватали. Шеин произвел „розыск“, т.-е. следствие о мятеже и об его виновниках. Часть виновных была казнена, остальные разосланы по тюрьмам и по монастырям под стражу.

Петр приехал в Москву в мрачном настроении и в сильном гневе: не заехал в Кремлевский дворец, не повидался с женою, вечер провел в Немецкой слободе, а оттуда уехал в Преображенское. Царице Евдокии был послан приказ постричься в монахини, и ее заключили в Суздальском монастыре. Следствием Шеина царь остался недоволен и наказание мятежных стрельцов нашел недостаточным. Разосланные по монастырям и тюрьмам стрельцы были снова свезены

в Москву. Начались страшные допросы с пытками и затем казни стрельцов на Красной площади и по другим местам города. Всего осенью 1698 г. было казнено более 1000 стрельцов. Стрелецкое войско было совсем распущено. Несколько стрельцов было повешено под Новодевичьим монастырем перед кельей царевны Софьи, где они и висели пять месяцев. Царевна Софья была теперь пострижена под именем Сусанны. Доступ к ней был затруднен даже ее сестрам.

В детстве и юности Петру пришлось пережить немало тревожных событий, виновниками которых были стрельцы. Десятилетним ребенком в мае 1682 г. он стоял на Красном крыльце, когда стрельцы сбрасывали на копья любимых им людей и близких родственников. Осенью того же года он с братом и с царевною правительницею должны были укрываться от стрельцов за стенами Троицкого монастыря. В августе 1689 г. в Преображенском его внезапно будят ночью: опять бунтуют стрельцы, грозят убийством, и он должен был спасаться к Троице. Казалось бы все улеглось, можно спокойно жить и учиться за границей—и вдруг опять известие о стрелецком бунте. Все эти пережитые тревоги не прошли для Петра даром. Они наложили глубокий отпечаток и на его физическую природу и на его характер. Он стал страдать нервными подергиваниями лица, которые в минуты гнева переходили в страшные конвульсии. Нрав Петра сделался резким и раздражительным, а эта резкость нрава отразилась на приемах управления.

Тотчас же по возвращении из-за границы царь стал вводить в русском обществе западно-европейские обычаи и вводил их резко и круто. Приказано было придворным бросить длинное русское платье, надеть короткое европейское и брить бороды. Не дожидаясь, когда придворные исполнят указы о платье и бороде, Петр, принимая бояр в Преображенском, стал сам стричь у них бороды и обрезать долгополые русские кафтаны. Бороды разрешено было носить только духовенству и крестьянам. Посадские люди могли выхлопатывать себе разрешение носить бороду, но должны были уплачивать за это особую пошлину. Русские по внешнему виду должны были походить на европейцев. Одновременно с переменой костюма и внешнего вида изменено было и летосчисление. В Московском государстве считались годы от сотворения мира, и новый год праздновался 1 сентября. Петр, вернувшись из-за границы, приказал вести счет лет от Рождества Христова и новый год праздновать 1 января, как было принято везде в Европе.

VI.

Великая Северная война.—Прутский поход.—Война с Персией.

Сведения в военных науках и корабельном мастерстве, приобретенные Петром за границею, оказались очень кстати, и вскоре по возвращении ему пришлось применить их к делу в войне со Швецией.

Швеция, до XVII в. не игравшая в европейских делах видной роли, приобрела значение во время Тридцатилетней войны католиков с протестантами в Германии (1618—1648). Шведский король Густав-Адольф во главе отборного войска появился в Германии и поддержал протестантов. За это вмешательство Швеция получила земельные приращения в Германии: герцогства Бремен и Верден (между низовьями рек Эльбы и Везера), так называемую Переднюю Померанию с городами Штеттином и Штральзундом и город Висмар (среди Мекленбургских земель). Владение немецкой территорией и вмешательство в германские дела были причиной недовольства против Швеции среди немецких князей. Враждебные отношения складывались у Швеции также с ее соседями по Балтийскому побережью: с Данией, Польшей и Россией, и к началу XVIII в. составился против нее союз этих трех государств. Дания была не в ладах с соседним маленьким герцогством Гольштейн-Готторпским, государь которого, родственник Карла XII Шведского, пользовался поддержкой последнего. Саксонского курфюрста Августа, избранного и на польский престол, деятельно побуждал вступить в союз беглый шведский подданный, лифляндский рыцарь Паткуль. В Швеции королевская власть, сильно ограниченная дворянством, вела с ним упорную борьбу. Средние и низшие классы поддерживали короля в этой борьбе против дворянства. Дворянство особенно усилилось со времени малолетней наследницы безвременно погибшего Густава-Адольфа, Христины, когда дворяне расхватали огромный запас казенных земель. В этих землях и заключалось, главным образом, богатство шведской казны, которой при широкой политике государства приходилось нести много расходов. Королевская власть, лишенная необходимых средств, была обессилена в борьбе с дворянством. Но, благодаря сочувствию низших классов, предшественнику Карла XII, Карлу XI, удалось получить от сейма неограниченную власть и он воспользовался ею для ослабления враждебного дворянства. Этого ослабления он стал достигать проведением так называемой „редукции“, т.-е. проверки прав на дворянские имения и отобранием в казну тех имений, владельцы

которых не могли доказать своего права на них. Это была чрезвычайно тяжелая мера: не всегда даже у самого законного владельца сохранялись документы на землю на лицо. Особенно тягостно почувствовали редукцию в Лифляндии. Со времени шведского завоевания здесь были два класса землевладельцев: шведское дворянство, набравшее имений, и старинные рыцари ордена Меченосцев. Новый наносный слой землевладельцев легче перенес такую неприятную операцию, как редукция: то, что было приобретено, и отдавалось легче. Но не трудно себе представить, что должны были испытывать рыцари ордена, уже пять столетий бесспорно владевшие своею землею. Шведское правительство действовало резко, и рыцарство было сильно раздражено. Паткуль и выступил на его защиту. Это был талантливый, решительный и смелый человек. Он вступился за дело крайне горячо, позволяя себе резкие выражения против короля, скоро попал под суд и принужден был бежать из Швеции. Некоторое время скитался он по Европе, наконец попал ко двору саксонского курфюрста и польского короля Августа, и как раз во-время, так как здесь заняты были разговорами об отобрании у шведов Лифляндии. Паткуль со всею горячностью подливал масла в огонь, представляя Августу один за другим самые отважные планы. Его целью было отнять Лифляндию у шведов и присоединить ее к Польше, зависимость от которой, благодаря свободным учреждениям Польского государства, не могла быть тяжелой. Для помощи курфюрсту в этом деле должно было привлечь к союзу Данию, Бранденбург и Россию. Бранденбургского курфюрста Фридриха включить в союз не удалось, Дания согласилась охотно; Петр при свидании с Августом летом 1698 г. в Раве, когда он спешил из Вены в Москву для расправы с взбунтовавшимися стрельцами, выразил полную готовность начать войну со Швецией и даже, как говорит Паткуль, сам предложил ее. Однако, осмотревшись по приезде в Москву, царь как будто несколько охладел в выраженном им желании. Дело в том, что турецкая война, начавшаяся крымскими походами при царевне Софье и продолженная азовскими походами 1695 и 1696 г.г., еще не была окончена, и Петру казалось невозможным вести войну на два фронта. Чтобы поддержать царя в его намерении, Паткуль настоял на отправлении к нему особого уполномоченного и сам явился в Москву в свите генерала Карловича. Переговоры, душой которых был, конечно, Паткуль, велись в Москве под большим секретом, открыто же московские дипломаты продолжали оказывать всевозможные любезности шведским послам. 11 октября 1699 г. царь примкнул к союзу, но с условием начать военные действия только тогда, когда будет заключен мир с Турцией. В Константинополь был отправлен зна-

менитый московский дипломат думный дьяк Емельян Украинцев. Переговоры тянулись долго, и турки долго не соглашались на требования Петра, благодаря тому, что Священный союз против них теперь распался, и император, стоявший во главе союза против турок, готовясь к войне за испанское наследство, обеспечил себя отдельным миром с Турцией. Только 3 июля 1700 г. Украинцеву удалось достигнуть соглашения: Турция заключила мир с уступкою Азова. Царь сдержал слово, данное польскому королю: 8 августа он получил известие о заключении мира, а 9-го уже приказал своим войскам идти к шведской границе.

Начать войну именно в тот момент представлялось особенно выгодным. Против Швеции вооружились, кроме России, еще две державы. Может быть, без союзников Петр не стал бы воевать со Швецией, или начал бы войну не так скоро. Причиной войны для России было давно уже существовавшее стремление пробиться к берегам Балтийского моря. Вопрос о Балтийском побережьи с его удобными гаванями, откуда можно было вести непосредственные сношения с приморскими городами Западной Европы, был не нов. Мысль о приобретении побережья в течение почти двух столетий занимала умы московских государственных людей. Еще царь Иоанн Грозный, раздраженный отказом Ливонского ордена пропустить в Москву выписанных царем из-за границы художников и мастеров и больно почувствовавший недостаток гаваней для непосредственных сношений с Западом, начал войну с Ливонским орденом, разгромил орден и достиг уже желанного берега: но вмешательство Польши повело к потере всех приобретений. Царь Алексей Михайлович, столкнувшись в 50-х годах со Швецией, возобновил попытку пробиться к морю и осаждал Ригу. Но попытка и на этот раз окончилась неудачей. Начиная борьбу со Швецией из-за Балтийского берега, Петр шел таким образом по проторенному пути. Во внешних предлогах не было недостатка: шведы владели древними русскими землями, Москва не могла примириться с этим и отказаться от них навсегда. Заключавшиеся с Швецией при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче мирные договоры рассматривались, как временные уступки, вызванные несчастиями. Был еще и самый свежий повод — оскорбление, нанесенное Петру во время его проезда через Ригу весной 1697 г. губернатором Риги, не пустившим его осматривать городские укрепления.

Союзники исполнили обещание. С наступлением 1700 г. датские войска вторглись в Голштинию и изгнали герцога, бежавшего за помощью к шведскому двору. Август Польский двинулся в Лифляндию и начал осаду Риги. Петр по получении вестей из Константинополя, отдал приказ армии идти к Нарве. Так началась знаменитая Северная война, продол-

жавшаяся 21 год и имевшая огромные последствия для России. Но тотчас же, при самом начале, союзники должны были испытать совершенно противоположное тому, на что они надеялись. Карл сумел разбить их отдельно одного за другим. Первым поплатился датский король. Совершенно неожиданно, переправившись через пролив, отделяющий Швецию от Дании, с 15-ти тысячным войском, Карл XII подступил к Копенгагену и принудил Данию заключить мир с обеспечением безопасности Голштинии и уплатой изгнанному герцогу 260 т. талеров. Этот мир был подписан в Травендале в тот день, когда Петр получил известие о турецком мире, так что первый из союзников уже отпал, когда начал действовать третий. Между тем Петр в конце сентября 1700 г. подступил к Нарве и начал правильную ее осаду, а Август тем временем осаждал Ригу. В ноябре Карл переправился в Ливонию и 19 ноября под Нарвою разбил на голову русских, так что сам Петр признавался, что русские войска отступили „в конфузии“. Покончив с русскими, Карл бросился на саксонцев и в июле следующего 1701 г. нанес им не менее сильное поражение, чем русским под Нарвой. Так меньше, чем в год, разбиты были все три союзника. Теперь Карлу предстояло решить вопрос, кого добивать прежде, Августа или Петра. Он взялся за Августа, как более сильного, по его мнению, противника: на Петра и его армию он посматривал свысока и о русской армии отзывался презрительно. „Нет никакого удовольствия, говорил он самоуверенным тоном, биться с русскими, потому что они не сопротивляются, как другие, а бегут. Если б река Нарова была покрыта льдом, то нам едва ли бы удалось убить хоть одного человека“. Эти три победы сразу поставили Карла в глазах современников на высоту великого полководца. О нем заговорили в Европе, ему посвящали стихи и выбивали в его честь медали с хвалебными надписями. На Петра появлялось не мало карикатур; так, выбита была медаль: на одной стороне изображен царь Петр, греющийся при огне своих пушек, из которых бомбы летят в Нарву. Под изображением надпись из Евангелия об апостоле Петре: „Бе же Петр стоя и греяся“. На другой стороне русские бегут от Нарвы с Петром впереди, царская шапка валится с его головы, шпага брошена, он утирает слезы платком; надпись гласит: „Исшед вон, плакася горько“. Но события показали, что Карл и сочинители карикатурных изображений слишком поторопились смеяться над Петром и его армией, не зная русского царя хорошенько, не зная в особенности того, как несчастие напрягало в нем энергию.

Поражение, понесенное под Нарвою, было, действительно, велико. Достаточно сказать, что шведы забрали 10 генералов и всю артиллерию. Но чем сильнее было поражение,

тем более изумительную деятельность выказывал Петр, чтобы поправить полученный урон и приготовиться к новым действиям. Письмо за письмом летит от него к его министрам с самыми подробными, доходящими до мелочей приказаниями относительно доставки рекрутов, провианта, снарядов, одежды и т. д. Особенно много доставило хлопот изготовление новой артиллерии, вместо потерянной при Нарве. Это дело было поручено начальнику Пушкарского приказа Виниусу, которому Петр сумел внушить такую энергию, что тот, несмотря на свой 70-летний возраст, работал и скакал из Москвы в Новгород, Псков и даже Сибирь, как молодой человек. Письма к Виниусу носят яркий отпечаток лихорадочной деятельности, которую Петр проявил в это время. Он не стесняется никакими средствами для достижения цели. Виниус жаловался, что городовые бургомистры плохо высылают деньги, требуемые с них Пушкарским приказом на постройку пушек. „Бурмистрам скажи,—пишет царь,—и сие покажи, что если не будут за их удержкою станки готовы, то не только деньгами, но и головами платить будут“. К ноябрю 1701 г. было приготовлено 300 орудий, набрано 10 драгунских полков, усилена пехота. Войска, отступившие от Нарвы к Пскову и Новгороду, успели отдохнуть и с конца 1701 г. перешли в наступление. 29 декабря 1701 года боярин Борис Петрович Шереметев, выступив из Пскова, разбил шведов при Эрестфере, а летом следующего 1702 г. нанес им жестокое поражение при Гуммельсгофе и затем принялся разорять и опустошать Лифляндию, пользуясь полной свободой действий, благодаря тому, что Карл удалился в глубь Польши, желая по своей тактике покончить прежде с Августом. Этою свободою и воспользовался Петр. Осенью 1702 г. он начал завоевание Ингрии (теперешняя Петербургская губерния) осадой города Нотебурга (старинного новгородского пригорода Орешка), крепости, расположенной при истоке Невы из Ладожского озера. Взяв его 11 октября, Петр переименовал его (как ключ к морю) в Шлиссельбург (Schlüssel—ключ). О взятии его Петр писал Виниусу: „Правда, что зело жесток сей орех был, однакож, слава Богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно свое дело исправила“. Весной следующего 1703 г. Петр от истоков Невы двинулся к ее устью, и 1 мая взял расположенную здесь крепость Ниеншанц, на месте которой 16 мая 1703 г. был основан Петербург. Покончив завоевание течения Невы, Петр продолжал действовать в Ингрии и Лифляндии. В 1704 г. в течение одного месяца были взяты Дерпт, Нарва и Ивангород. Все эти победы были одержаны так легко, конечно, благодаря тому, что Карл все усилия устремил на сокрушение Августа, „увяз в Польше“, по выражению Петра. Захватив значительную долю

Балтийского побережья, значит, достигнув своей заветной цели, Петр двинулся на помощь союзнику и вступил в польские владения. Но здесь русские войска стали терпеть опять неудачи. 15 июля 1705 г. Шереметев был разбит на голову при Гемауергофе, и зиму 1705—1706 г.г. армия принуждена была оставаться в Гродне, окруженная шведами, так что ей грозила опасность быть отрезанной от России. В январе 1706 г. Петр отправился к войску из Москвы, но не мог пробраться в Гродно. Однако в марте русским удалось отступить.

Между тем дела Августа приняли очень дурной оборот: уже вся Польша была у него отнята, он бежал в Саксонию. Карл последовал за ним туда. К осени 1706 г. он добил Августа окончательно и в октябре заключил с ним мир в Саксонском городке Альтранштадте. Август отказывался от союза с Россией и от польского престола. На его место был возведен Карлом преданный ему польский вельможа Станислав Лещинский. Август имел слабость выдать шведам Паткуля, который и был колесован. Так Петр лишился и второго союзника. Было ясно, что теперь Карл со всею силою устремится на Петра, чтобы покончить с ним.

Однако Карл чрезмерно медлил в Саксонии и только летом 1707 г. двинулся обратно к Висле, на берегу которой простоял до декабря, дав этим время Петру приготовиться к обороне, укрепить Дерпт, Псков, Москву, Киев, так как неизвестно было, куда двинется неприятель, перейдя Вислу. Только в июле 1708 г. Карл, разбив на пути отряд Шереметева при Головчине, подошел к Могилеву. Здесь он решил подождать вестей с юга из Малороссии, где гетман Мазепа замышлял изменить Петру и отделиться от Московского государства. С севера из Лифляндии на помощь Карлу должен был придти генерал Левенгаупт с подкреплениями и провиантом, необходимым для войска, которому пришлось действовать в стране, опустошенной русскими в ожидании неприятеля. Петр находился неподалеку, зорко наблюдая за шведами и постоянно тревожа их. 29 августа при местечке Добром, заметив, что правое крыло шведской армии отдалилось от главных сил, Петр напал на него и разбил.

„Письмо от Вас,—писал Петр Екатерине 30 августа—я получил, на которое не подивите, что долго не ответствовал. Понеже пред очами непрестанно неприятные гости, на которых уже нам скучно непрестанно смотреть. Того ради мы вчерашнего утра на правое крыло короля шведского с осмью батальонами напали и по двухчасном огню оного с помощью Божиею с поля сбили, знамена и прочая побрали. Правда, что я как стал служить, такой игрушки не видал: однако же больше всех попотел наш полк".

Так как запасы окончательно иссякли, и солдат было

кормить нечем, то Карл XII, не дождавшись Левенгаупта, повернул на Украйну, где мог расчитывать на соединение с гетманом Мазепою и на достаточное продовольствие. Левенгаупт был встречен Петром 28 сентября при деревне Лесной и разбит на голову. Весь обоз достался русским. „Об'являю вам,—писал Петр своим приближенным в Москву,—что мы вчерашнего числа неприятеля дошли, стоящего зело на крепких местах, числом 16 тысяч, который тотчас из лесу нас атаковал всею пехотою во фланг; но мы тотчас, прямо дав залп из пушек, пошли. Правда, хотя неприятель зело жестоко из пушек и ружья стрелял, однакож оного сквозь лес прогнали к их коннице. И потом неприятель паки в бой вступил, даже до темноты бой сей с неприятелем зело жестоким огнем пребывал. На последи милостью победодавца Бога оного неприятеля сломив побили на голову". Впоследствии Петр называл эту победу „виною всех благополучных последований России и матерью Полтавской баталии". В октябре Мазепа соединился со шведами, а 27 июня следующего 1709 г. произошла знаменитая битва со шведами под Полтавою: Карл был совершенно разбит, потерял всю армию и принужден был бежать в Турцию. Так кончился первый период Северной войны.

В Северной войне встретились два знаменитые государя начала XVIII в., два полководца. Оба одерживали блестящие победы и оба терпели жестокие поражения. И оба были совершенно не похожи друг на друга.

Карл XII родился в 1682 г., был, следовательно, на 10 лет моложе своего противника. Молодость его прошла бурно и весело. Стокгольм не помнил такого уличного буяна, каким был 16-летний король: от него мирным гражданам житья не было. То вдруг ему придет фантазия отправиться гулять с компанией удальцов по улицам столицы и срывать шляпы и парики со всех встречных, то вдруг к великому ужасу молящихся ворвется он с дружиной в церковь, с шумом и хохотом переломает все скамьи и заставит публику простоять всю обедню. Раз он со своею компанией ворвался в сеймовую залу и устроил там охоту за зайцем; нередко компания разгуливала ночью по городу, разбивая стекла камнями и пугая обывателей. В народе раздавался ропот, в церквах произносились исполненные жалоб проповеди на текст: „горе той стране, в которой князь юн, любяй вино пити". Не раз делались Карлу представления о перемене поведения, но всякого сановника, входившего в его комнату с серьезным предложением, он бесцеремонно выталкивал за дверь. Так было до начала войны. С этого момента он резко изменился; силы клокотали в нем, не находя выхода, война открыла им настоящее русло. Карл начал войну 18 лет и мы видели, к каким блестящим победам повел он шведские

войска. Война и была его истинным призванием; он рожден был воином. Таким понимали его и современники. „Король,— писал о нем французский посланник в Стокгольме,—мечтает только об одной войне, ему слишком много насказали о подвигах предков. Сердце и голова его наполнены подвигами предков и он считает себя непобедимым во главе своих шведов". В нем, действительно, много было сходного с его предками, с древними предводителями северных варяжских дружин, которые в IX столетии тревожили Европу своими нападениями. О таких древних витязях поют в Швеции народные песни (саги). Древний варяжский витязь и сказался в Карле XII. Менее всего он был государственным человеком: война для войны была единственною его деятельностью, и войну он вел не так, как ее обыкновенно вели в XVIII в. Как древняя варяжская дружина, налетал шведский отряд во главе с королем на неприятельское войско, и дело решалось одним натиском. Король был всегда во главе, он щеголял храбростью, шутил и смеялся под пулями, как на каком-нибудь балу. Но он не был полководцем в полном смысле этого слова: никакого штаба, никакой администрации его войско не имело. Всю надежду возлагал он на тот отряд, во главе которого он стоял, и нисколько не заботился о том, что делается в тылу армии, соразмерны ли силы с неприятельскими, и хватит ли продовольствия солдатам. Вот несколько отзывов о нем его собственных генералов. Один говорил: „Наш король так крепко надеется на помощь Божию, что ни о чем больше не думает, как о войне"; другой писал: „Он уже больше не слушает чужих советов; он принимает такой вид, что как будто Бог непосредственно внушает ему, что надо делать". „Несмотря на холод и голод,— рассуждает третий,—король не хочет отпустить нас на зимние квартиры. Думаю, что если у него останется только 300 человек, то он с ними вторгнется в Россию, не заботясь, чем будут солдаты питаться. Если кого-нибудь из наших убивают, то это нисколько его не трогает".

Совершенно иного рода военным деятелем был Петр. В личном мужестве он едва ли уступал Карлу, но он никогда не рисовался им и не храбрился напоказ. Карл не хотел знать ничьих советов; Петр в тех случаях, когда участвовал в сражениях, старался брать себе второстепенную роль: он бился, как бомбардир или капитан, предоставляя команду своим генералам. Но, предоставляя блеск и лавры генералам, он брал на себя ту тяжелую, неприятную, но необходимую сторону дела, за которую всегда бранят в случае неудачи и редко благодарят в случае успеха. Но здесь он уже был главным распорядителем, центром, в котором сходились все нити военной администрации. Вся административная и хозяйственная сторона войны, движения войск,

их расквартирование, провиант, оружие, амуниция, снаряды, набор рекрут и лошадей, вся эта будничная и прозаическая часть войны, но та именно часть, которая и рождает победу, лежала на нем. Мы видели, какую лихорадочную работу обнаружил Петр после поражения при Нарве. Петр не только сам действовал, он вокруг себя все приводил в движение. Он не только не терял присутствия духа во время неудачи, но и обладал уменьем утешить, ободрить и успокоить других. „Не извольте о бывшем несчастии печальным быть,— писал он Шереметеву, разбитому при Гемауертгофе,— понеже всегдашняя удача многих людей ввела в пагубу, но извольте забывать и паче людей ободрять". Это были качества, драгоценные для той сложной операции, какою стала война в XVIII в. Карл решал победу одним ударом; Петр подготовлял ее долговременною, трудною и хлопотливою работою. Вот почему его победы не были так неожиданны, поразительны и блестящи, но зато и поражения, им испытанные, не были так решительны, отчаянны и безнадежны. Карл был замечательным командиром на поле битвы, Петр—замечательным военным организатором. Успех доставался ему трудно, но этот успех был прочен. Вполне он обнаружился в Полтавской битве.

Полтавская победа имела очень важные последствия для дальнейшего хода военных действий. Шведская армия была теперь уничтожена. Карл XII с небольшою свитою бежал в турецкие владения и поселился в городе Бендерах на р. Днестре, возбуждая Турцию к войне с Россией. Уничтожение шведской армии развязало руки Петру на Севере. Осенью того же 1709 г. началось завоевание Лифляндии. В ноябре начата осада Риги: царь первые три бомбы пустил сам и писал об этом Меншикову: „Благодарю Бога, что сему проклятому месту сподобил мне самому и отомщения начало учинить". Летом 1710 г. окончено было покорение Лифляндии и Эстляндии: в короткий промежуток времени сдалась Рига, Пернов, Аренсбург и Ревель. В то же лето взяты были главные города Карелии: Выборг и Кексгольм.

Вторым последствием Полтавской битвы была война с Турцией, 1711 г. Очень может быть, впрочем, что она вспыхнула бы и без этого повода. С самого мира 1700 г. отношения Петра с Турцией были очень натянуты. Азов в руках русских был для турок бельмом на глазу. Эта крепость была в слишком близком соседстве с подчиненным Турции ханством Крымским; из нее легко было напасть на Крым. Это был также военный порт, где находил себе пристанище и защиту с каждым годом увеличивающийся, благодаря деятельной работе воронежской и таганрогской верфей, русский флот, который мог сделать набег и на самую Турцию. Турция и слышать не хотела о дозволении русским торго-

вать на Черном море. „Султан смотрит на Черное море, как на свой внутренний дом,—говорили турецкие государственные люди,—куда он не пустит ни одного чужеземца". В Константинополе подумывали даже засыпать пролив, соединяющий Азовское море с Черным, и на созданном таким образом перешейке воздвигнуть сильные крепости для устрашения запертых русских кораблей. Ясно, что при таком настроении Турции достаточно было какого угодно предлога, чтобы вспыхнула открытая война. Такой предлог был доставлен Полтавской битвой. Карл деятельно агитировал за войну при Турецком дворе, посылая туда своих приближенных. Самая его личность, кроме того, служила поводом к раздорам. Русское правительство требовало сначала его выдачи, на что, конечно, Турция согласиться не могла; в ответ на эти требования она жаловалась на нарушение ее прав русскими войсками, которые, преследуя Карла, перешли границу и вступили на турецкую территорию. Тогда Петр очень энергично потребовал высылки Карла из турецких владений, грозя в противном случае войною. Он чувствовал себя связанным в дальнейших действиях против Швеции, так как постоянно должен был опасаться нападения турок под предводительством такого полководца, каким был Карл. Как раз во время посылки этого ультиматума Карлу при помощи интриг удалось добиться в Константинополе отставки дружественного России визиря и посадить на место враждебного, и ответом на ультиматум Петра было об'явление Портою войны 20 ноября 1710 г. Военные действия начались только уже в 1711 г. Весною русские войска стянуты были к реке Днестру. Царь заключил союз с господарем княжества Молдавии [1]) Дм. Кантемиром. Желание защитить владения союзника и надежда на восстание подвластных Турции христианских народов, вожди которых в переписке с Петром обещали это, побудили Петра двинуться к реке Пруту, несмотря на то, что войско не снабжено было запасами, а весь хлеб в той стране, через которую надо было проходить, был поеден саранчей. Поход на Прут был поэтому труден, солдаты были истомлены. Едва русские передвинулись на эту линию, показалась вдруг огромная турецкая армия, до 190 тысяч человек, которой никто не ожидал встретить так скоро. Положение русских, которых всего было около 38 тысяч, притом без провианта, было отчаянное. Только недоразумение спасло Петра: визирь, вероятно, не знал хорошо положения дел в русском лагере и поторопился заключить мир, как только его предложили. Петр готов был идти на самые тяжкие условия. Отправляя

---

[1]) Княжества Молдавия и Валахия слились потом в XIX в. в одно государство—Румынию.

к визирю подканцлера Шафирова для переговоров, он разрешил ему не только соглашаться на уступку Азова, но и на возвращение всех завоеванных у Швеции областей, кроме Ингрии, за которую разрешал, однако, пожертвовать старым русским городом, Псковом. Но с турецкой стороны удовольствовались только Азовом, да обязательством срыть крепость, построенную на границе с Крымом. На этих условиях и был заключен мир 12 июля 1711 г. Один из иностранцев, служивший в русском войске, замечает, что „если бы утром 12 июля кто-нибудь сказал, что мир будет заключен на таких условиях, на которых был заключен, то его сочли бы сумасшедшим". Однако и эти условия, на которые не смели даже и надеяться, были очень тяжелы. В особенности чувствовал тяжесть их Петр, которому приходилось терять плоды многолетних забот и трудов, потраченных на завоевание Азова и постройку Азовского флота. Заключение мира с Турцией позволило опять все силы направить на продолжение войны с Швецией.

После Полтавской битвы возобновился тот союз, которым начата была Северная война. В сентябре 1709 г., возвращаясь в Петербург, царь имел свидание с саксонским курфюрстом, которого вновь посадили на польский престол, свергнув избранника Карла, Станислава Лещинского, и Август опять заключил союз с Петром против Швеции. Весть о Полтавской победе заставила примкнуть к союзу в октябре того же года и Данию, без всякой денежной субсидии, которой она раньше требовала за присоединение к союзу. Так Полтавская победа подняла головы прежним союзникам Петра и побудила их протянуть руки русскому царю. Эта победа произвела сильное впечатление в Европе и заставила переменить взгляд на значение и силу русского государства. Знаменитый философ Лейбниц после битвы при Нарве высказал свое сочувствие шведам и предсказывал Карлу XII завоевание всей России до Амура. После Полтавской битвы он переносит свое сочувствие на царя, называет эту битву достопамятным событием в истории и полезным уроком для будущих поколений. Маленький Вольфенбюттельский князек, с которым Петр начал переговоры о браке своего сына царевича Алексея с его дочерью Шарлоттою, едва удостаивал царя вниманием, указывал на опасное положение Петра в России и, считая его ничтожным в ряду государей, говорил, что никогда Россия не добьется видного положения в Европе, так как ее никогда не допустят до обладания Балтийским побережьем. Теперь этот самый князек приходил в восхищение от мысли породниться с русским домом, и брак царевича очень скоро устроился. Выдающееся положение, которое Россия заняла после битвы, побудило примкнуть к Северному союзу два немецкие

государства, до сих пор медлившие и выжидавшие: Ганновер и Пруссию (1714 г.). Приманкой для вступления в союз были для того и для другой шведские владения в Германии: для Ганновера—Бремен и Верден, для Пруссии—Померания. Союз с Ганновером был, однако, не прочен и не продолжителен; союз с Пруссией отличался, наоборот, большою прочностью. Сближение с Пруссией началось сейчас же после Полтавской победы. После свидания с Августом II Петр виделся в Мариенвердере и с прусским королем Фридрихом, с которым заключен был оборонительный союз. Преемник Фридриха I, Фридрих Вильгельм I, вступил уже в союз наступательного характера (июнь 1714 г.). Россия гарантировала Фридриху Вильгельму приобретение Штеттина, а Фридрих Вильгельм гарантировал царю приобретение Карелии, Ингерманландии и Эстляндии. Этот знаменитый король, строгий и скупой хозяин, любитель военных экзерциций, питал к личности Петра живейшую симпатию, а Петр умел ему угодить; зная его слабость к солдатам высокого роста, он дарил ему высоких гренадеров.

Итак, второй период Северной войны представляет борьбу союза России, Польши, Дании, Пруссии и Ганновера против Швеции. Вот вкратце ход военных действий. Весною 1712 г. русские войска под начальством Меншикова, как решено было договором Петра с союзниками, вступили в Померанию, которая и сделалась одним из театров войны. Здесь выдающимися крепостями были Штеттин и Штральзунд. Первый сдался Меншикову, второй осаждали короли датский и прусский с июля по декабрь 1715 г. и, несмотря на то, что защитить его явился сам Карл XII, пробравшийся из Турции через Венгрию и Германию, Штральзунд сдался 12 декабря 1715 г. Таким образом Померания к концу 1715 г. была завоевана.

Другим театром военных действий была шведская провинция Финляндия. Овладеть ею, как говорил Петр, надо было для того, чтобы занять выгодное положение при мирных переговорах со Швецией, имея что уступить. „Ежели Бог допустит летом до Абова,—писал он генерал-адмиралу Апраксину в конце 1712 г.,—то шведская шея мягче гнуться станет". Весною 1713 г. вышла под начальством Апраксина к берегам Финляндии эскадра и взяла без сопротивления финляндские города Гельсингфорс и Або. Высадившиеся войска проникли внутрь страны и разбили шведов при Таммерфорсе. В следующем 1714 г. покорение Финляндии было закончено.

Наконец, третьею сценою военных действий было море и побережье самого Скандинавского полуострова. В июле 1714 г. русская эскадра под личною командою Петра одержала блестящую победу над шведским флотом при мысе

Ганге-удде; неприятельский адмирал с десятью галерами попался в плен. На современников эта победа произвела не менее сильное впечатление, чем Полтавская. Петр был за нее возведен Сенатом в звание вице-адмирала. Следствием этой победы было то, что Петр захватил и опустошил Аландские острова, всего в 15 милях от Стокгольма, и навел ужас на Швецию. С тех пор Петр стремился к тому, чтобы сделать высадку на полуостров. Летом 1716 г. готовилась грандиозная высадка из Копенгагена на шведский берег. Четыре флота: английский, голландский, датский и русский, под командою Петра должны были перевезти союзные войска. Но эта высадка не состоялась: англичане и голландцы оказывали поддержку только для видимости: им одинаково невыгодно было допускать господство на Балтийском море, как шведского так и русского флотов, и все дело кончилось демонстративной прогулкой соединенной эскадры в виду шведских берегов, в память чего была выбита пышная медаль. На одной стороне над трофеями изображение Петра и надпись: „Петр Великий Всероссийский“, на другой морской бог Нептун, держащий четыре морских флага государств, принимавших участие в экспедиции, с надписью: „владычествует четырьмя“. Однако эта лесть доставила Петру не много утешения в той досаде на союзников, которую он испытывал за неудачу в этой экспедиции, тем более, что на нее он возлагал большие надежды. Уже в самом конце войны, в то время, когда велись переговоры о мире, русские корабли делали нападения на шведские берега и высаживали войска, опустошавшие окрестности Стокгольма. Эти набеги предпринимались с целью сделать шведов более уступчивыми.

Таковы были главные военные действия в рассматриваемый период. Из этого перечня видно, что их было немного и они были не так важны, как битвы первого периода. Во второй период борьбу вели гораздо более дипломатическими интригами, чем военными движениями; больше скрипели перья в дипломатических канцеляриях, чем гремели выстрелы на полях сражений. Швеция теперь уже не имела достаточной армии для обороны; ее могущество было сломлено и средства подорваны так, что никаких крупных военных действий и нельзя было ожидать. Но между союзниками, действовавшими против нее, не было согласия. Интересы их расходились. Каждый старался урвать как можно больший кусок шведских владений себе, как можно меньше тратя сил при этом и меньше давая другим. Отсюда такое взаимное раздражение между союзниками, что, читая ноты их дипломатов, думаешь скорее, что дело идет между неприятелями, чем между дружественными державами. Вследствие этих усобиц война со Швецией тянулась вяло и нерешительно.

На Петра такое положение дела производило удручающее действие. „Письмо ваше я получил,—пишет он раз Меншикову, осаждавшему Штеттин,—на которое ответствовать кроме сокрушения своего не могу, ибо что делать, когда союзников таких имеем. Я себя зело бессчастным ставлю, что я сюда приехал. Бог видит мое доброе намерение, а их и иных лукавство. Я не могу ночи спать от сего трактования". Еще более резко его другое письмо к Екатерине из Копенгагена в то время, когда там готовилась неудавшаяся экспедиция на шведский берег. „О здешнем об'являем,—писал царь,—что болтаемся втуне, ибо что молодые (т.-е. нес'езжаные) лошади в карете, так наши соединенные (союзники)". Петр тем сильнее должен был чувствовать последствия этих раздоров, что все союзники, кроме разве только прусского короля, были недружелюбно к нему настроены, и некоторые из них, как например, курфюрст ганноверский, худо скрывали свою ненависть и раздражение. Такое отношение союзников к Петру было вызвано преобладающим значением, которое получала Россия в союзе. Петр был хозяином положения. Русские войска стояли в Германии. Было опасение, что Россия потребует себе львиную долю добычи. Отсюда зависть, клеветы, обвинение Петра в измене общему делу, в намерении заключить сепаратный мир со Швецией,—словом, вся грязная международная накипь, которою наполнялись выходившие тогда многочисленные политические брошюры, доказывавшие, как опасно может быть для других держав чрезмерное усиление России. Отчасти Петр сам был виною такого опасливого и подозрительного отношения к себе союзников: он иногда слишком уж по-хозяйски распоряжался в их землях, не щадя их самолюбия. Приехав раз в Данциг, во владение польского короля, Петр немедленно распорядился оштрафовать жителей за то, что в гавани Данцига стояло несколько шведских кораблей.

Петр стал ясно понимать, что с северным союзом он не добьется никаких важных результатов, и у него возникло стремление заручиться новыми союзниками. С этой целью он предпринял поездку в Париж, чтобы склонить Францию к Северному союзу. Но это дело было совершенно безнадежное: Франция, враждуя с Габсбургами, дружила с их врагами, действуя за одно с Швецией, с которой у России была теперь война, и с Турцией, с которой у России в царствование Петра были дурные отношения. Следовательно, интересы России и Франции были в то время прямо противоположны. В августе 1717 г. в Амстердаме был заключен договор между Францией, Россией и Пруссией, который и был плодом поездки. Плод этот был не очень утешителен. Франция отказалась от всякого деятельного участия в войне, она даже выговорила себе право сохранять имевшийся у нее

договор со Швецией до истечения его срока. Все, что она обещала, это признание будущего мирного договора России со Швецией.

Эта неудавшаяся попытка привлечь нового союзника побудила Петра подумать о заключении мира со Швецией. После продолжительных переговоров сначала на Аландских островах (1718—1719 г. г.), а потом в финляндском городе Ништадте мир был заключен 30 августа 1721 года. По Ништадтскому миру Россия приобрела значительную долю шведской территории, прилегающей к Балтийскому морю: Лифляндию с городом Ригой, Эстляндию с Ревелем, Ингрию и Карелию (теперешнюю Петербургскую губернию) и часть Финляндии с городами Выборгом и Кексгольмом. Приобретение моря, у которого сейчас же возникла столица, скоро выросшая до степени важнейшего торгового пункта России, сопровождалось огромными последствиями для хозяйственной жизни страны. Как только было завоевано Балтийское море, стало изменяться направление русской внешней торговли. Прежде она направлялась к северу, к Белому морю. Архангельск был главным пунктом этой торговли; туда каждое лето приходили европейские корабли, привозившие произведения западной фабрики и увозившие произведения русской природы. Направление торговли к Балтийскому морю, значительно более удобному, как по самому географическому положению, так и по тому, что на его берегу были приобретены гавани Ревель и Рига, быстро подорвало значение Архангельска, а вместе с тем рост и процветание северных русских городов, через которые шел прежний торговый путь, и эта часть государства, некогда кипевшая жизнью, затихла и запустела.

Не менее важны были и политические последствия Северной войны. Северная война отняла у Швеции то выдающееся положение, которым она до той войны пользовалась, и низвела ее до уровня второстепенной державы, какою она и остается до настоящего времени. Наоборот, Россия, прежде мало значившее государство, сделалась великой державой. Это значение великой державы выражается в той активной роли, которую Россия начинает играть с того времени в общей европейской политике. С тех пор ни одно крупное европейское событие не остается для нее чуждым. Это новое значение России было ясно сознано уже современниками Петра и выразилось в том новом титуле, который тотчас же по заключении мира принял ее государь: 20 октября 1721 г. Сенат постановил поднести Петру титул Императора Всероссийского. Это поднесение состоялось 22 октября после торжественного богослужения в Троицком соборе в Петербурге. Канцлер граф Головкин говорил Петру приветственную речь, в которой указывал, что благодаря славным и мужествен-

ным воинским и политическим делам Петра, его подданные „из тьмы неведения на феатр славы всего света и тако рещи из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены".

С окончанием Северной войны началась новая война—с Персией. Причины ее были такого же характера, как и причины войны со Швецией. Заботясь о развитии торговли на Балтийском море, Петр не упускал из виду ее успехов и на Каспийском. Оба моря были связаны водными путями; Балтийское должно было служить для торговли с Европой, Каспийское для торговли—с Азией. Торговые отношения и до Петра производились там в довольно крупных размерах. Петр надеялся развить их еще более. В инструкции отправляемому в Персию послом знаменитому впоследствии Артемию Петровичу Волынскому предписывалось проведать, „нельзя ли через Персию учинить купечество в Индию". Этому послу удалось заключить с Персией очень выгодный для России торговый договор. Но положение русской торговли было в то время незавидно, благодаря тому беспорядку, в котором находилась тогда Персия. Волынский очень изобразительно говорит в своем донесении о персидском шахе и о порядках в Персии: „здесь такой ныне глава, что он не над подданными, но у своих подданных подданный, и чаю, редко такого дурачка можно сыскать между простыми, не токмо из коронованных. Того ради сам ни в какие дела вступать не изволит, но во всем положился на своего наместника Ехтма-Девлера, который всякого скота глупее, однако у него такой фаворит, что шах у него изо рта смотрит и что велит, то и делает". „Все дела у них,—продолжает он,—идут беспутно, как попалось на ум, так и делают без всякого рассуждения. От этого так свое государство разорили, что, думаю, и Александр Великий (Македонский) в бытность свою не мог войной так разорить; не только от неприятелей, и от своих бунтовщиков оборониться не могут, и уже мало места осталось где бы не было бунта". От этого беспорядка, благодаря отсутствию власти и защиты, страдали находившиеся в Персии русские купцы, которые часто подвергались грабежам и насилиям. Дипломатическим путем при таком положении дел в Персии трудно было чего-нибудь добиться для защиты русских торговых интересов, а слабость Персии давала надежду на успех вооруженного предприятия. Действовать вооруженной рукой возбуждал Петра и Волынский: „Нам без всякого опасения начать можно, писал он государю,—ибо не только целою армией но и малым корпусом великую часть (Персии) к России без труда присовокупить можно". У Петра еще задолго до окончания Северной войны созрела мысль о персидском походе, но он ждал заключения мира со шведами, избегая войны на два фронта.

Как только этот мир был заключен, тотчас же начались приготовления к новой войне. К тому же летом 1721 г. произошло событие, давшее законный и очевидный предлог к ее началу. Возмутившиеся против шаха его подданные напали на город Шемаху, в котором был центр русской торговли с Персией и жило много русских купцов. Несколько из них было перебито бунтовщиками, а имущество их и товары разграблены. Ускорить начало войны могло еще опасение захвата персидских владений со стороны Турции. В мае 1722 г. Петр Окою и Волгою отправился на театр военных действий; 24 июля он высадился на персидскую территорию. В течение августа были приобретены приморские городки Тарки и Дербент. Успехи были настолько очевидны, что Петр в начале октября вернулся в Астрахань, предоставив окончание войны полковнику Шипову и генералу Матюшкину. 12 сентября 1723 г. был заключен между Россией и Персией мирный договор, по которому оба государства вступили в далеко не равные обязательства. Россия обязывалась оказывать его шахову величеству постоянную дружбу и вспоможение против всех его бунтовщиков, а Персия в вознаграждение за эту будущую помощь уступила России в вечное владение города Дербент и Баку со всеми к ним принадлежащими землями и местами. Следствием этой войны было приобретение Россией западного берега Каспийского моря.

Из нашего беглого обзора можно видеть, что война при Петре тянулась без перерыва целых 28 лет, если считать за ее начало Азовский поход 1695 г. Петр начал воевать на 24 году от роду, а кончил на 52-м только за год с небольшим до своей смерти. Его царствование, в течение которого шло наиболее обширное преобразование внутреннего строя государства, было в то же время временем наиболее сильного военного напряжения: Россия постоянно воевала в течение XVII века, но никогда так продолжительно и с такими тяжелыми усилиями, как при Петре. Эти два явления: война и преобразования имеют причинную связь между собою. Война была одной из причин предпринятых царем преобразований. Тяжелое государственное бедствие, которым была продолжительная война, раскрыло и показало те недостатки, которыми страдало русское государство, подобно тому, как в организме физические недостатки и пороки обнаруживаются ярче, когда он борется с тяжелою болезнью. Эти недостатки и вызвали потребность в их исправлении.

Итак, война была главным двигателем петровской реформы. Реформа прежде всего и затронула те стороны государственной жизни, с которым военное дело ближе всего соприкасалось. Для войны прежде всего нужны были войско и деньги. С преобразований в войске и государственном хозяйстве и началась реформаторская деятельность Петра.

VII.

Войско и флот.—Финансы.

Армия Московского государства XVII века составлялась из войск двоякого рода: дворянской конницы и стрелецкой пехоты. Все уездные дворяне-помещики, так называемые „дворяне городовые и дети боярские“ образовали армейскую кавалерию. Эта кавалерия делилась на уездные полки. Дворянство каждого уезда составляло особый полк, которым оно выходило на службу; поэтому полки эти и носили названия по уездным городам: вязьмичи, тверичи, коломенцы и проч. Уездное дворянское общество выбирало своих предводителей „окладчиков“, которые обязаны были следить за службой членов этого общества. Время от времени правительство предпринимало проверку дворянских полков. В уезд посылалась из Москвы комиссия из боярина с товарищами, которая производила смотр и разбор дворянам: дворянских сыновей „недорослей“, достигших 15-летнего возраста, зачисляла в службу и наделяла землею в поместье. За военную службу дворяне получали участки государственной земли в поместье, т.-е. во временное владение; старым, дряхлым и увечным дворянам, негодным уже к службе, комиссия давала отставку. Согласно показанию окладчиков она устанавливала, соответственно с величиной поместного участка, в каком вооружении, в сопровождении скольких слуг и на скольких конях каждый дворянин должен был являться на службу.

Это дворянское войско, когда оно собиралось, представляло из себя необыкновенно пеструю картину. Оно отличалось полным отсутствием правильного строя и всякой военной выправки. Рядом с дворянином, вооруженным огнестрельным оружием, выезжал дворянин с дедовским луком и стрелами в колчане (саадаке) за плечами. Никакого военного обученія не существовало. Собирать такое войско было чрезвычайно трудно. По первой повестке дворянин должен был приготовиться к походу: снарядить оружие, лошадей и заготовить провиант. По второй повестке он должен был явиться на указанный сборный пункт. На сборном пункте являющихся отмечали в списке словом „есть“, не явившихся—словом „нет“. За „нетчиками“ посылали, приводили их на службу силою. В книге крестьянина-писателя XVII—XVIII в. Посошкова „О скудости и богатстве“ есть изобразительный рассказ об одном таком знакомом ему крокющимся от службы дворянине. Этот крокющийся дворянин или посланных за ним вести его на службу „угобзит дарами“ и они оставят его в покое, или, если это не удастся, прики-

нется тяжко больным или юродивым: влезет в пруд по горло и там сидит, а когда посыльщики уйдут, болезнь свою и юродство сложит и тогда оказывается очень храбр—„на соседей своих яко лев рыкает“.

Стрелецкая пехота подразделялась на полки, около тысячьи человек в каждом, под начальством „стрелецких голов“ или полковников. Полки пополнялись „прибором“, т.-е. приглашением свободных людей, т.-е. таких, которые не обязаны были государству другой службой и не были записаны „в тягло“, т.-е. не были плательщиками податей. Стрельцы селились в городах особыми слободами, получали земельные наделы и дворы и в мирное время занимались земледелием и торговлей и также очень мало обучались военному строю, не были „регулярным“ войском.

Правительство новой династии уже задолго до Петра Великого сознало всю недостаточность московских боевых рессурсов, дворянской конницы и стрелецкой пехоты против регулярных войск соседей, с которыми приходилось вести борьбу. Уже при Михаиле Феодоровиче началось введение иноземного строя.

Но настоящая регулярная армия была заведена Петром Великим. Ее основой были известные потешные полки: Преображенский и Семеновский. До Азовских походов эти постоянные и регулярные полки, обученные вполне по иноземному, упражнялись на маневрах, происходивших по берегам Москвы-реки, сражаясь против стрелецких полков. Впервые в широких размерах регулярные полки были организованы перед Северной войной. В ноябре 1699 г. был об‘явлен набор рекрутов, из которых был сформирован 31 полк, численностью в 32 тысячи человек. Эти полки были обмундированы по новому образцу в зеленые кафтаны и треугольные шляпы, вооружены фузеями (ружьями) и за зиму настолько обучены воинскому артикулу, что саксонский генерал Ланген доносил Августу II, что он к удивлению своему нашел у московского царя 40 тысяч превосходной пехоты, которая не уступит немецкой. Под Нарвою, однако, эта армия была на-голову разбита. На место разбитой армии энергией и организаторским талантом Петра создана была новая, постоянно пополняемая и возраставшая в числе. В последний год его царствования эта армия состояла из 126 полков, кроме гвардии и артиллерии, и распадалась на полки пехотные и драгунские, а по способу вооружения на фузелерные—вооруженные ружьями, „фузеями“, и гренадерские—снабженные сверх того особыми ручными метательными снарядами, гранатами. Эти полки обучались правильному (регулярному) военному строю и не распускались уже по домам по окончании войны.

В порядке пополнения новой армии произошли измене-

ния. Прежде часть военных сил доставляло дворянство, служившее обязательно, лично и наследственно, а другую часть доставлял „прибор", т.-е. вербовка охотников, и только во время войн бывал набор так называемых „даточных" людей с определенного числа крестьянских дворов; но „даточные люди" тотчас после войны распускались. При Петре для пополнения армии введены были рекрутские наборы. Рядовые в армейские полки стали набираться из тяглых (податных) сословий: из посадских людей и из крестьян. Посадские люди и крестьяне обязаны были ставить с известного числа дворов, напр., с каждых 20 дворов, рекрута. Введенные Петром рекрутские наборы просуществовали очень долго, до времени императора Александра II, до 1874 г. Но попрежнему в военной службе должны были пожизненно служить все дворяне, и военная служба продолжала быть повинностью дворянства. Дворяне служили рядовыми в гвардейских полках: Преображенском, Семеновском и других и занимали офицерские должности в армейских полках. Итак, при Петре Великом военная служба стала повинностью не только для служилого сословия—дворянства, но и для тяглых сословий. Дворянство отбывало ее поголовно. Тяглые сословия: посадские люди и крестьяне несли ее, выставляя рекрутов, во время рекрутских наборов.

Раз армия стала постоянной, являлся вопрос о средствах для ее содержания. Прежде служилые люди обеспечивались землею: поместьями и вотчинами, сверх того они получали и денежное жалованье, но далеко не все и не каждый год. О продовольствии во время похода должен был заботиться каждый служилый человек сам, привезя с собою в поход на нескольких подводах запасы из деревни на несколько месяцев. Теперь для снабжения армии всем необходимым—оружием, обмундировкой, провиантом и жалованьем—организована была целая система военного хозяйства. Содержание армии было устроено оригинально. Оно было приведено в связь с административным разделением России на губернии. На каждую губернию было возложено содержание нескольких полков, которым она и обязана была высылать ежегодно определенное количество денег и хлеба.

Регулярная и постоянная армия, сформирование которой было таким важным вопросом в государстве, принужденном вести почти непрерывную войну, и на создание которой ушло так много правительственных забот и затрачено так много народных средств, наложила свой отпечаток на двор, высшее общество, на состав администрации и на ее приемы. Везде стала чувствоваться фронтовая выправка и казарма. Государь, носивший прежде одежду более близкую к одеянию духовных лиц, оделся в военный мундир, проходил последовательно военную службу. Прежние придворные мо-

сковские церемонии, весь этот чинный, придворный порядок, напоминавший торжественное богослужение, стал уступать место военным экзерцициям и вахт-парадам. Правящий класс, дворяне, поголовно одетые в военные мундиры, проводившие обязательно несколько лет в казарме, внесли потом военные привычки и приемы в гражданские учреждения. Бюрократическая армия чиновников напоминала своею выправкой армию солдат. Чиновничество подчинено было такой-же суровой дисциплине. Действия государственных учреждений, коллегий, контор и канцелярий были также точно строго расписаны и определены, как действия полков и дивизий.

Возникновение постоянной армии при Петре можно рассматривать как завершение военных реформ, предпринимавшихся его предшественниками. Создание флота было вполне делом Петра Великого. В этом деле предыдущее время не подготовило ничего, кроме самой мысли о необходимости приобретения моря, как дешевого и свободного пути сообщений для торговли с Западной Европой.

Любовь к плаванию и кораблестроению проявилась у Петра с детства. Море и кораблестроение сделались на всю жизнь его величайшей страстью. Приобретя познания в кораблестроительном искусстве в Голландии и Англии и став хорошим корабельным инженером, Петр в Петербурге не мог пропустить дня, чтобы не зайти в адмиралтейство и не поработать на верфи. Как мы уже знаем, с помощью флота, быстро построенного в зиму 1695—6 г.г., был взят Азов. Таким образом Россия получила доступ к морю. Решено было завести постоянный флот. Началось усиленное кораблестроение на верфи, основанной при впадении р. Воронежа в Дон; для содержания этой верфи были назначены доходы с нескольких окрестных городов, которые были приписаны к г. Воронежу. На общество была возложена новая ранее неизвестная повинность кораблестроения, для чего все крупные землевладельцы были расписаны на „кумпанства“. Каждое кумпанство должно было заготовить необходимый материал, поставить рабочих, нанять иностранных мастеров, выстроить определенное число кораблей на Воронежской верфи. На посадское население была возложена постройка 12 кораблей; но когда некоторые гости стали просить о замене этой натуральной повинности денежной, на купечество в наказание за это было наложено еще два корабля. Благодаря работам кумпанств, в 1699 г. на Дону появился внушительный по количеству флот, с которым Петр вышел в море, провожая до Керчи назначенного послом в Турцию дьяка Е. Украинцова. Петру непременно хотелось отправить посла морем на новом русском корабле. Прибытие этого русского военного корабля в Константинополь действительно

произвело там сильное впечатление. Султан, великий визирь, множество сановников и народа являлись осматривать корабль и по городу стали ходить слухи о скором появлении целой русской эскадры. Впечатление усилилось еще более, когда вскоре по прибытии среди глубокой ночи с корабля, бросившего якорь перед самым султанским дворцом, вдруг неожиданно раздалась канонада. Оказалось, что капитан корабля, голландец Памбург, устроил на судне пирушку, затянувшуюся далеко за полночь, и, придя в веселое настроение, приказал без всяких причин палить из всех пушек, забыв о месте стоянки корабля и о ночном времени, одинаково неудобных для салютов. В особенности сильно были встревожены обитательницы султанского гарема, и послу Украинцеву стоило многих хлопот уладить возбужденное этим происшествием недовольство турецкого правительства.

К 1700 г. Азовский флот состоял из 56 кораблей, выстроенных частью кумпанствами, частью казною. Завоевание берегов Балтийского моря отвлекло внимание Петра от Азовского флота, а неудачный конец Прутского похода и возвращение Азова Турции сделало его совершенно ненужным.

Для постройки судов Балтийского флота была учреждена верфь на берегу р. Свири в Лодейном поле, так называемая Олонецкая верфь, а затем и в самом Петербурге, там, где теперь находится старое адмиралтейство. Балтийский флот рос с каждым годом и сделался внушительной силой, благодаря которой Россия стала господствовать на Балтийском море и держала в страхе Швецию и другие прибалтийские государства. Сильные морские державы: Англия, Голландия и Франция стали теперь с уважением относиться к голосу России в международной политике.

К концу царствования Петра, Балтийский флот состоял из 48 больших линейных парусных кораблей и 787 галерных (гребных) и других судов.

Кроме создания регулярной армии и флота, Петру же принадлежит составление военного законодательства. В 1716 г. был издан Воинский устав, определяющий обязанности каждого военного чина. В 1720 г. был издан Морской устав, определявший правила морской службы.

Переустройство армии и создание флота вызвали значительные затраты казны и должны были отразиться значительными последствиями на состоянии государственного хозяйства.

До нас дошло несколько росписей государственного дохода и расхода времени Петра Великого. Сохранился бюджет 1680 г., затем бюджеты первых 10 лет XVIII в. и, наконец, бюджеты нескольких последних лет царствования Петра. Сравнивая их между собою, мы видим, как росли государственные расходы и доходы. Среди расходов расход на во-

енные нужды, на армию и флот занимает главное место. В 1680 г. общая сумма расходов достигала всего 1.500.000 р., из этой суммы на нужды армии шло 750.000 р., т.-е. ровно половина; в 1701 г. всего расходов было произведено 2.500.000 р., на армию и флот в этом числе 1.964.000 р., т. е. больше 75% или $^3/_4$ всего расхода; в 1710 г. всего расходов было 3.834.000 р., из этого числа на армию и флот 3.010.000, т.-е. более 80% или $^4/_5$ всего расхода.

Остальные расходы сравнительно с военными занимают более чем скромное место в бюджете. Благодаря расчетливости и бережливости Петра сильно сократились расходы по содержанию царского двора. В бюджете 1680 г. этот расход занимает второе место после военного (15%) 224.366 р., Петр низводит его ровно вдвое к 1701 г.—101.406 руб. По свидетельству под'ячего XVII в. Котошихина, составившего описание Московского государства при царе Алексее Михайловиче, в его время на одну только рыбу на царский обиход тратилось более 100 тысяч руб.; при Петре все содержание двора (кроме построек) обходилось в ту же сумму. Вместе с тем в бюджетах Петра появляется один расход, неизвестный прежним бюджетам, именно расход на народное образование. В бюджете 1701 г. он достигал едва $^1/_{700}$ всех расходов, а в 1724 г. этот расход повысился до $^1/_{300}$. Величайшего напряжения военные расходы достигают к 1710 г., т.-е. к моменту перелома в ходе Северной войны. Бюджет в этот год был составлен с дефицитом (т. е. с перевесом расходов над доходами) в 500.000 руб. Чтобы покрывать эти с такой быстротой растущие расходы, правительство Петра должно было усиливать старые источники дохода и изыскивать новые.

Доходы в то время получались путем взимания налогов, прямых и косвенных, от выделки монеты и нескольких монополий. Прямые налоги подразделялись на обыкновенные и чрезвычайные; обыкновенные прямые доходы доставляли одну треть всей суммы доходов; из косвенных налогов таможенные сборы и кабацкие давали немного менее половины (до 45%) всего дохода. Суммы остальных сборов точно установлены быть не могут.

По всем этим статьям доходы возрастают при Петре. Правительство увеличивает размеры хозяйственных операций страны и доводит платежную способноть народа до высшей степени напряжения. Оно увеличивает число казенных монополий. К прежним товарам, право торговать которыми принадлежало исключительно казне, каковы были вино, меха, икра, смола и др., присоединяются новые: табак и соль. В XVII в. при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче курение табаку и ввоз его были воспрещены под

суровыми наказаниями. За курение табаку закон грозил резать носы. Петр сам стал курить трубку, ввоз табаку был разрешен и стал источником казенного дохода. Казна отдавала право ввоза табаку и торговли им на откуп. Соль стала предметом исключительной казенной продажи с 1705 г., причем она пущена была по цене вдвое дороже той, по которой ее ставили подрядчики в казну, а последние ставили ее по $10^1/_2$ коп. за пуд. Дороговизна соли, бывшая уже причиной бунта при царе Алексее Михайловиче, в царствование Петра была одною из причин народного недовольства. Значительный доход извлекала казна из принадлежащего ей права чеканить монету. Делалось это таким образом. Накопившаяся в казне полноценная иностранная монета перечеканивалась с прибылью на русскую более нископробную. Кроме того скупалась хорошая высокопробная русская монета и переливалась в плохую нископробную, но по той же номинальной цене. Таким образом вместо высокопробной серебряной копейки чеканилась нископробная серебряная копейка, а остающийся от этой перечеканки излишек серебра составлял казенную прибыль. Однако вследствие такой операции деньги стали падать (к концу царствования упали на $50^0/_0$), что выразилось повышением цен на все товары и служило также одною из причин народного раздражения. Повышены были размеры платежа с промыслов, облагавшихся и прежде: с рыбных ловель, мельниц, бортей, мостов и перевозов. Установлен был новый сбор с бань. Сначала предполагалось уничтожить все частные бани в городах и сохранить только торговые, чтобы обложить этот промысел особым сбором; но затем, так как почти в каждом городском хозяйстве, также как и в деревенской усадьбе, имелась своя особая баня, решено было их сохранить, наложив на них плату в размере трех рублей, рубля или 15 коп., смотря по сословному положению обывателя. К прежним пошлинам: судной (за отправление правосудия) и печатной (за приложение печати к выдаваемым правительственными местами актам) присоединена была гербовая с актов, которые должны были писаться на гербовой бумаге, продаваемой из казны. Гербовая пошлина введена была по предложению Курбатова, крепостного человека гр. Б. П. Шереметева, впоследствии занявшего высокий пост на государственной службе; он сделан был архангельским вице-губернатором. Косвенные сборы—таможенный ($10^0/_0$ с цены продаваемых товаров) и кабацкий за продаваемое из казны вино, бывшее также предметом казенной монополии—оставались те же, какие были и в XVII в. Взимание их поручалось выборным из посадского населения таможенным и кабацким бурмистрам, как стали теперь называться прежние таможенные и кабацкие головы. Так как служба этих бурмистров была повин-

ностью посадского населения, то взимание этих сборов ничего не стоило казне.

Наиболее важные и сложные меры были приняты относительно прямых податей. Во-первых, появлялись все новые и новые *чрезвычайные* прямые налоги, которых правительство требовало на удовлетворение различных то и дело возникавших нужд: на провиант для флота, на провиант собранным для постройки Петербурга работникам, на покупку драгунских лошадей, на постройку Кронштлотской или Архангельской крепости и т. п. Установлено было и несколько новых, *обыкновенных* прямых (повсегодных) налогов, например, платежи в военный приказ, в адмиралтейский приказ, „на дело кирпича“ и т. п. Во-вторых, правительство старалось точнее высчитывать податную единицу, с которой взимались прямые налоги. Такою податною единицею в последней четверти XVII в. сделался посадский и крестьянский двор. Время от времени правительство предпринимало переписи этих дворов; последняя такая перепись состоялась в 1678 г. Предполагая значительное увеличение народонаселения, правительство в 1710 г. предприняло новую подворную перепись, от которой ожидало значительного прироста податных единиц-дворов. Но к удивлению перепись дала противоположные результаты: в северных и средних губерниях, тогда наиболее населенных, не только не обнаружилось прибыли населения, но оказалась значительная убыль: по всей России переписные книги 1678 г. насчитывали 789.311 дворов тяглых, перепись 1710 г. насчитала 635.412 дворов, т. е. почти на $^1/_5$ меньше. По отдельным местностям процент убыли был еще больше. Так, по Архангельской и Петербургской губерниям он доходил до 40, а по затронутой войною Смоленской—до 52,7.

На такую убыль населения оказали свое действие усиленные наборы рекрут и работников, которые были сделаны в первые годы Северной войны и вытягивали из населения значительное количество молодых людей, массами затем погибавших в сражениях или вследствие сильно распространенной болезненности на кораблях и в рекрутских партиях на пути в армию. Громадная смертность развита была также среди работников, собранных для постройки Петербурга, Кронштадта и Ладожского канала, вследствие плохих санитарных условий, в которых им приходилось работать. Масса населения, раздраженная тягостью повинностей, налагаемых государством, бежала в те местности, где беглецы расчитывали укрыться от сборщика податей. Заселение юго-восточных и южных окраин значительно усилилось в это время благодаря бегству русского крестьянина с севера и из центра, начавшемуся, впрочем, еще ранее. Благодаря бегству значительной доле населения удалось не попасть в перепис-

ные книги. Разочарованное результатами переписи 1710 г. правительство приписало обнаруженную ею убыль податной единицы неточности приемов переписи и небрежности переписчиков. Взимание податей велено было продолжать по старым книгам 1678 г.

Третьей мерой относительно прямых податей являлось введение новой единицы обложения, отдельной податной души. Мысль о подушной подати давно уже занимала Петра. Ввести подушную подать предлагали ему составители проектов, имевших целью поднять доходы казны. Эти прожектеры или „прибыльщики", как их тогда называли, приходили к мысли о подушной частию самостоятельным путем, частию подражая французскому податному устройству, где была такая подать. Решение созрело у Петра к ноябрю 1718 г. Было предписано произвести поголовную перепись тяглого населения. „Взять сказки у всех (землевладельцев), писал Петр в указе 26 ноября 1718 г.,—дать на год сроку, чтоб правдивые принесли, сколько у кого в которой деревне душ мужского пола". Эта перепись возложена была на местную администрацию. Подача сказок затянулась, однако, гораздо долее годового срока. Когда, наконец, стали поступать сказки, в них обнаруживались признаки утайки душ, вызванной желанием уменьшить податное бремя. Это повело к назначению „ревизии", т.-е. пересмотра переписи, принявшего крайне тяжелый характер: в губернии были разосланы генералы с целыми отрядами штаб и обер-офицеров, снабженные очень обширными полномочиями. Эти военные комиссии проверяли переписи беспощадно расправлялись с укрывателями душ. За военным переписчиком двигался палач с кнутом и виселицей, так как утайка наказывалась смертною казнью. Цифра утаенных оказалась, действительно, огромной. В шести губерниях по сказкам было насчитано 3.036.906 душ, ревизия открыла еще 1.123.056, т. е. больше чем на треть. К 1722 году Петр по данным ревизии приблизительно определил общее число крестьянских душ в 5 миллионов. Расчет величины подушной подати был произведен арифметическим путем. Был высчитан расход на армию; он выразился в круглой цифре в 4 миллиона рублей: эти 4 миллиона были распределены на 5 миллионов душ на каждую пришлось по 80 коп.—в таком резмере подушная подать первоначально и была назначена. В 1724 г. установлена была, наконец, действительная цифра крестьянских душ: 5.401.000. По тому же расчету подушный оклад был убавлен до 74 коп. На посадских и государственных крестьян к первоначальной цифре оклада в 80 коп. прибавлено было еще 40 коп. оброчных денег взамен тех взносов, которые помещичьи крестьяне платили своим помещикам. Таким образом помещичьи крестьяне должны были платить по 74 коп. с

души, а посадские люди и государственные по 1 р. 20 к. с души, так называемый 40-алтынный оклад.

Введение подушной подати было одной из самых прочных реформ Петра: подать эта просуществовала до царствования Александра III. Введение ее сопровождалось целым рядом последствий и в государственном хозяйстве, и в народном, и в общественном устройстве. В государственном хозяйстве она совершенно изменила вид бюджета, стала в нем играть первенствующую роль, тогда как прежде эта роль принадлежала косвенным налогам. В бюджете 1724 г. весь государственный доход был исчислен в 8.500.000 рублей; из них 4.600.000 (54,1%) должна была дать подушная подать, тогда как на долю косвенных налогов в том же бюджете приходилось 2.100.000, т. е. 25%.

На народное хозяйство она пала новой тяжестью. Современники говорят, что она была вдвое тяжелее прежних налогов. Подать была тяжела оттого, что ревизская душа стала счетной единицей. По числу этих душ рассчитывалась сумма подати, падавшая на имение, на общину государственных крестьян или на посадскую общину. Так напр. на имение, где насчитано было 500 душ, налагалось 370 рублей подати. Затем эта сумма разверстывалась между отдельными хозяйствами самим населением по средствам каждого хозяйства. При той убыли населения, которая замечалась на севере и в центре России, остающимся на местах крестьянам и посадским приходилось платить не только за себя, но и за беглецов. Притом среди остающихся значительную часть составляли малолетние, старики, больные и вообще неработоспособные и нищие, не могущие платить за себя, так что вся тягость подати, рассчитанной по числу душ, записанных в ревизию, падала на сравнительно немногих действительных плательщиков. Тяжесть подати увеличивалась еще крайне упрощенным способом ее взимания. Собирать ее должны были сами же полки, расквартированные с окончанием войны по деревням: на каждый полк было назначено такое количество душ, сбор с которого был необходим на ежегодное содержание полка. Полковые начальства собирали иногда подушную и выколачивали недоимку с беспощадной жестокостью. Подушная подать содействовала в деревне развитию общинного землепользования, так как крестьяне при каждой ревизии,—а ревизия повторялась приблизительно через 20 лет,—стали переделять землю по душам.

Не менее важно было влияние подушной подати на общественный строй. Действие подушной подати выразилось в следующем. Во-первых, она затянула в крепостную неволю значительное количество прежде свободных людей, так называемых „вольных, гулящих“ людей, не тяглых и не служилых. Эти люди должны были или записаться в службу,

или приписаться к какому-либо из классов, обязанных платить подушную: к посадским людям, к государственным крестьянам или к помещичьим крепостным, и в этом последнем случае подушная подать сделалась одним из источников крепостного права. Во-вторых, подушная подать смешала очень различные прежде виды крепостных людей - холопов и крестьян. Холопы до подушной подати не платили податей, считаясь полной собственностью, как бы вещами господина; помещичьи крестьяне, все более становясь крепостными, все же продолжали платить государственные подати. Но уже в последней четверти XVII века к платежу податей был привлечен один из видов холопства, „задворные люди“, которые, получая от господ отдельные пахотные участки, в хозяйственном отношении ничем не отличались от крестьян: они были внесены в переписные книги 1678 г. Законодательство о подушной подати пошло в направлении, первый шаг в котором был сделан в XVII веке, и закончило привлечение холопства к податям. Последовательно один за другим подвергались обложению подушною все виды холопства: сначала холопы, сидевшие на отдельных участках, затем работавшие на барских пашнях и, наконец, жившие в деревенских и городских дворах, т. е. дворня, прислуга. Подать упала одинаково на крестьян и на холопов. Она возвышала, следовательно, холопа до крестьянина и понижала крестьянина до холопа, создавая единый класс крепостных людей, несвободных, но и не теряющих связи с государством, обязанных платить ему подати. В общем подушная подать резко разделила русское общество на две группы: служилую и податную. Отношения, сложившиеся между обеими группами, можно обозначить так: все, кто служили в военной или гражданской службе, были свободны от подушной подати; все, кто не служили, были обязаны платить ее.

VIII.

Торговля и промышленность.

Вводя новые налоги и повышая старые, Петр вместе с тем заботился о производительности народного труда и для этого старался развивать торговлю и промышленность. Из мер, принятых относительно торговли, наиболее важны относящиеся к торговле внешней. Увеличены были пошлины на товары, привозимые к Архангельску, и понижены на товары, привозимые в Петербург. Этим достигнуто было, что Петербург стал первым торговым портом. В 1726 г. в Архангельск было привезено товаров всего на 36 тыс. руб., а в Петербург—на 1.550.000 руб. Также для развития торговли устраивались водные пути сообщения, по которым долж-

но было итти товарное движение между Петербургом и внутренними областями: каналы Вышневолоцкий, связавший Неву с притоками Волги, и Ладожский, для обхода бурного Ладожского озера. Сооружение последнего потребовало много жертв и закончено было только в царствование Анны Иоанновны.

Петр старался развить сельское хозяйство. По его приказанию выписывались из-за границы для разведения в России улучшенные породы скота. Так разведены были холмогорская порода рогатого скота на севере России и улучшенные породы овец на юге. Был издан закон, предписывавший снимать хлеб косами, вместо жнитва серпами. Введено было табаководство. Петр заботился о развитии шелководства и виноделия в прикавказских местностях. Но самою большою его заботой было устройство в России фабрик и заводов.

Насаждение крупной фабрично-заводской промышленности было одной из перемен, внесенных в русскую жизнь при Петре. До тех пор в нашем отечестве существовало лишь мелкое кустарное производство, издавна в том или другом районе, смотря по тому, какому промыслу благоприятствовали местные условия. Так, в Новгородской области существовала кустарная железоделательная промышленность. Здесь добывалась железная руда, из которой местные крестьяне на небольших домашних горнах выделывали серпы, косы и топоры. Суздальский и Шуйский уезды с тогда уже знаменитыми селами Ивановым (Иваново-Вознесенск), Дуниловым, Лежневым были известны производством холстов и полотен, которые приготовлялись на небольших домашних станках в крестьянских избах. В различных уголках России еще в XVII веке заметна кустарная промышленность, та же самая, которая гнездится там и поныне: село Холуй (Владимирской губ.) уже и тогда производило иконы; село Павлово (Нижегородской губ.) выделывало железные замки и т. д. Это мелкое производство поставляло товары не только на внутренний рынок, но производило товары и для заграничного отпуска. По свидетельству иностранного наблюдателя русской экономической жизни, Кильбургера, относящемуся к 70-м годам XVII века, ежегодно отпускалось за границу более 30 тысяч аршин русского холста, и в один год было вывезено за границу через Архангельск 168.500 аршин грубого сукна, цена которому была тогда 5—6 коп. за аршин.

Для того, чтобы скупать продукты мелкого кустарного производства по отдельным крестьянским избам и отправлять их большими партиями за границу, нужны были значительные капиталы. Эти капиталы были уже налицо в XVII веке. Но, эти капиталы, находившиеся в торговле, не касались пока промышленности. Московские капиталисты-

гости вели, по словам Котошихина, торговые обороты до сотни тысяч рублей (до миллиона, если перевести на деньги начала XX в.). Но, охотно пуская деньги в торговлю, московские гости совершенно не умели вкладывать их в производство. В Московском государстве XVII в. шла бойкая торговля и существовал значительный торговый класс, но промышленность, кроме соляного промысла, который в обширных размерах вели северные монастыри и именитые люди Строгановы в своих Сольвычегодских и Соликамских вотчинах, и кроме нескольких заведенных иностранцами при помощи казны фабрик и заводов, переживала мелкую форму и находилась всецело в народных руках; класса фабрикантов Московское государство не знало. Переход от мелкого производства к крупному и притом от частного к казенному или пользующемуся казенной поддержкой, от народной кустарной промышленности к государственной фабрично-заводской был одним из наиболее заметных экономических явлений в России в XVIII в.

Эта перемена вызывалась двумя причинами. Первою была война, которая задала русской промышленности ряд новых и тяжелых задач, требовавших притом ускоренного разрешения. Война вызвала к существованию огромную регулярную армию и совершенно новое явление—военный флот. Явилась необходимость в усиленном производстве предметов вооружения и снаряжения: потребовалось огромное количество сапог, мундиров, ружей, пушек, ядер, пороху, холодного оружия, канатов, парусов и множество других вещей, необходимых для военного и морского дела. Существовавшие ранее кустарные промыслы не могли удовлетворительно справиться с новыми и внезапными запросами. Их продуктов было недостаточно, и многие из них не годились для армии: сапоги из приготовленной с дегтем кожи промокали, сукно было слишком грубо для мундиров: иных отраслей промышленности, в которых теперь почувствовалась нужда, и совсем не существовало, а между тем война сокращала и частью пресекала иностранный ввоз. Таким образом ставились на очередь три задачи: расширять, усовершенствовать, а в значительной мере и создавать вновь различные отрасли производства. За эти задачи взялось само государство, учреждая или содействуя учреждению фабрик и заводов, насаждая промышленность в крупном виде и основывая ее на крупном капитале.

Учреждение фабрик и заводов, насаждение крупной фабрично-заводской промышленности соответствовали теоретическим взглядам того времени. Тогда господствовало политико-экономическое учение „меркантилизм“, по которому богатство страны заключается в деньгах, в драгоценных металлах. Страна тем богаче, чем больше в ней золота и

серебра. Поэтому цель экономической политики государства— привлечь в страну как можно более драгоценного металла. Средством для этого признавалось, во-первых, расширение вывоза товаров из страны, притом вывоза сфабрикованных предметов предпочтительно перед вывозом сырья, во-вторых, сокращение ввоза так, чтобы разница между вывозом и ввозом оплачивалась деньгами, притекающими тогда в страну. Для сокращения ввоза устанавливается высокий таможенный тариф. Для расширения вывоза государство предпринимает ряд мер к усилению производства. Оно учреждает фабрики; оно поощряет учреждение их частными лицами, снабжает предпринимателей средствами, обеспечивает им сбыт предметов казенными заказами и предоставляет им разного рода льготы и выгоды. Давая частной промышленности средства, государство сохраняет за собой контроль над этой промышленностью, вмешивается в технику производства, устанавливая для нее самые мелочные и подробные правила и вообще держит промышленность под своей постоянной опекой.

Вообще, Петр Великий ни в чем не был теоретиком, ничто не давалось ему с таким трудом, как отвлеченные теории. Но взгляды меркантилистов были тогда ходячими взглядами. Приложение этих взглядов на практике он мог хорошо наблюдать за границей, главным образом во Франции, фабриками и заводами которой он особенно интересовался, когда был в Париже и в Версале в 1717 г. В своей экономической политике он держался тех же приемов. Высокими таможенными пошлинами по тарифу 1724 г., доходившими до 37% с цены привозимых товаров, он стесняет ввоз иностранных продуктов. В то же время он заводит крупную промышленность и усиленно поддерживает отечественное производство. Что принятые им меры к развитию фабричной промышленности вызывались не одними только военными потребностями, а имели более широкое значение и были именно практическим приложением идей меркантилизма, видно из того, что Преобразователь создавал и поощрял различные производства, не относившиеся к армии и флоту или вообще к военному делу. Так, например, основывались шелковые, бархатные, ленточные фабрики, шпалерная фабрика в Петербурге для выделки гобеленов (тканых обоев) по образцу французских и т. п. Разумеется, Петр не шел так далеко, чтобы, поднимая русское фабричное производство, мечтать о вывозе русских фабрикатов за границу, но он руководился по крайней мере мыслью дать возможность стране обходиться продуктами своей обрабатывающей промышленности и этим сократить иностранный ввоз.

При основании разного рода производств правительство Петра, во-первых, сосредоточивало потребный для учреждений фабрик и заводов капитал, во-вторых, организовало

необходимый для них труд. Для образования капиталов оно старалось соединять отдельных частных предпринимателей в промышленные компании, заставляло их складываться деньгами. Так, например, была составлена такая компания из приближенных к царю лиц: Шафирова, Толстого и Меншикова для производства шелку, бархату и других подобных материй. Пример, впрочем, оказался не из удачных: Шафиров скоро поссорился с Меншиковым. Петр принужден был выключить последнего из компанейщиков и заменил его Апраксиным, от чего, впрочем, дело не пошло лучше.

Насаждая промышленность, государство действовало двояким образом: или оно само непосредственно выступало предпринимателем и учреждало казенные заводы и фабрики, или содействовало частной предприимчивости и поощряло ее разного рода облегчениями и льготами. Основав фабрику, снабдив ее всем необходимым и пустив ее в ход, казна сдавала ее в аренду „содержателям“. Такая аренда казенной фабрики была тогда наиболее распространенной формой участия частных лиц в промышленности. Льготы, которыми государство снабжало частных предпринимателей, открывавших заводы и фабрики, и казенных арендаторов, заключались в следующем. Посадские люди, заводившие фабрики, освобождались на некоторое число лет от всяких служб, которыми они были обязаны государству, при чем обыкновенно на практике это освобождение затягивалось и сверх срока. Для фабрикантов и заводчиков, их семей и рабочих устанавливалась по гражданским делам особая подсудность. Они судились только в мануфактур-коллегии или в берг-коллегии, и были неподсудны местным губернским и уездным судебным учреждениям. Кроме этих личных преимуществ фабриканты и заводчики получали ряд материальных выгод для самого производства. Изделия фабрик и заводов освобождались от пошлин при продаже; были случаи установления монополии в пользу той или другой компании. Так, упомянутое выше товарищество Шафирова и Толстого получило исключительное право на производство шелковых и бархатных материй. Для большинства фабрик государство являлось и наиболее значительным покупателем. Наконец, оно приходило на помощь предпринимателям прямо с денежными субсидиями, выдавая беспроцентные денежные ссуды на определенное число лет с обязательством погасить долг продуктами производства.

Таковы были приемы государства для разрешения первой задачи—для привлечения капиталов к промышленности. Оно действовало тут „не предложением только, но и принуждением“, как писал Петр, т.-е. составляло компании, не осведомляясь о желании зачисляемых в них членов и отдавая в аренду казенные фабрики торговым людям, „хотя

и неволею", как сказано в одном указе. Эти старания не оставались без успеха: капиталы привлекались и организовывались; являлись отдельные предприниматели и устраивались компании. Труднее было справляться с организацией другого необходимого элемента производства—труда. Притом на крупную фабрику того времени требовался труд очень искусный и тонкий, так как до открытия силы пара и изобретений паровых двигателей и машин на фабрике XVIII века все почти производилось ручным трудом. Работа от руки требовала гораздо более искусного работника, чем какой нужен при машине, заменяющей человеческое искусство в работе и нуждающейся только во внимательном наблюдении и тщательном уходе за собой. Поэтому вместе с созданием фабрик предприниматели должны были создавать и фабричного рабочего, подготовляя его выучкой. Но главная трудность состояла даже не в том, чтобы его обучить, а в том, чтобы найти. Лучшей рабочей силой для мануфактуры был свободный труд вольнонаемного работника, и это уже начинали сознавать предприниматели того времени. Тем не менее фабрика XVIII в. принуждена была пользоваться несвободным трудом вследствие недостатка свободных рук при тогдашнем крепостном строе, и даже предпочитала его, потому что она затрачивала средства на подготовку и обучение рабочего и слишком много теряла в нем в случае его ухода. Учреждая крупную фабрично-заводскую промышленность, Петр принимал меры к обеспечению ее несвободным трудом. В этих мерах заметны два взгляда на значение фабрично-заводской работы. Во-первых, она приобрела характер наказания: завод и фабрика стали тюрьмой, куда направлялись преступные элементы. Еще в 1699 г. тюменскому воеводе было предписано назначать в работу на кирпичных заводах „татей, мошенников, и пропойц", сковывая по два человека шейными и ножными железами. В 1701 г. нерчинский воевода получил предписание для той же цели назначать ссыльных. В одном из писем к кн. Ромодановскому Петр просит его доставить человек 200 воров, необходимых для работы. Некоторую часть рабочего персонала на полотняных и парусных заводах составляли так называемые „винные (т.-е. виновные) бабы и девки",—женщины отправленные туда в наказание. В городах предписывалось учреждать на городские средства особые „прядильные домы", в которые заключать „неистовый женский пол". Во-вторых, труд на фабрике и заводе рассматривается, как вид повинности. Законодательство Петра, преследуя и стараясь искоренить класс вольных людей, незанятых никакою службою, предписывало всякого рода „гулящих людей", нищих и праздношатающихся отдавать на фабрику. Такие люди получили название „вечно отданных на фабрику" и стали принадле-

жать фабрике потомственно. Так появились особые крепостные, принадлежащие фабрикам. В знаменитом законе 18 января 1721 г. эта мера получила широкий характер: купцам разрешалось покупать к фабрикам и заводам целые деревни крепостных крестьян; но такие деревни в отличие от дворянских становились принадлежностью именно фабрик, как учреждений, а не собственностью их владельцев, и без фабрик не могли быть отчуждаемы; впоследствии эти крепостные получили название *поссесионных* крестьян. Легко понять, почему фабрикантам и заводчикам жаловалось право приобретать крепостных крестьян, которое принадлежало служилым людям, дворянству: занятие фабрично-заводской промышленностью рассматривалось, как государственная служба, и собственники или „содержатели крупных фабрик стали получать чины по табели о рангах. Эта служба со времени закона 1721 г. стала поддерживаться теми же средствами, которыми до тех пор поддерживалась военная и гражданская служба, т.-е. землею с крепостным населением. Фабриканты и заводчики получили перед помещиками даже особые преимущества в крепостном праве: в 1722 г. им было разрешено не выдавать беглых крепостных, поступивших к ним на фабрики, и дворянство указывало на фабрику, как на главный канал для крестьянских побегов.

Все эти старания, направленные к насаждению и развитию фабрично-заводской промышленности, принесли уже при Петре заметные плоды. Наиболее видные успехи сделала металлургическая промышленность. Ее районы были уже предуказаны ранее, и теперь капитал шел туда разыскивать до-петровского кустаря. Капитал преобразил производство: мелкие домашние горны уступили место крупным заводам, на которых прежний кустарь является в виде рабочего. Крупные заводы были основаны в тех местностях, где, как мы видели, добывалась и обработывалась руда уже раньше. Таковы были Петровские и Повенецкие заводы в Олонецком крае, тульские казенные заводы и частные Демидова и Баташева. Особенно широкое развитие стала получать металлургическая промышленность в горном округе Урала по обе его стороны: по верховьям Камы в Кунгурском и Соликамском уездах и по верховьям рек, входящих в систему Оби, в Верхотурском и Екатеринбургском уездах. По одной из многочисленных ведомостей, хранящихся в кабинетных бумагах Петра Великого, в 1718 г. было выплавлено на русских заводах 6.641 тыс. пудов чугуна, из которых 868 (13%) на казенных заводах, а остальное количество 87%) на частных. Такая масса добываемого металла позволяла без труда вооружать армию и флот и вести Северную войну оружием собственного изготовления.

Менее успешно, чем горное дело, шло суконное произ-

водство. Уже в начале XVIII в. в Москве заведены были частные суконные фабрики посадских людей Серикова и Дубровского, а в 1705 г. Петр с радостью писал Меншикову, что „сукна делают и умножается сие дело изрядно и плод дает Бог изрядный, и я сделал себе кафтан из него к празднику". В одном указе 1712 года высказывается даже мысль о том, что лет через пять суконное дело до такой степени разовьется, что для обмундирования армии можно будет обойтись русским сукном, не покупая заграничного. Число суконных фабрик, действительно, росло. Одеть всю армию только русским сукном Петру, однако, не удалось, и правительству пришлось прикупать для этой цели некоторое количество немецкого сукна.

Полотняное дело было одним из самых развитых уже до Петра, благодаря распространению культуры льна и конопли в крестьянском хозяйстве и несложности самого производства, вполне доступного домашним средствам. Кустарная выделка полотна в тех же районах, где и в наши дни сосредоточиваются прядильное и ткацкое производства, как льняное (ярославский уезд), так и хлопчато-бумажное (суздальский, иваново-вознесенский и шуйский районы), была настолько сильна, что могла бы конкурировать с фабрикой; но законодательство Петра своим вмешательством нанесло этой отрасли промышленности тяжелый удар. Заботясь об увеличении вывоза русских полотняных изделий за границу и совершенно не будучи знаком с условиями домашнего производства, Петр издал указ, чтобы ширина выделываемых в России полотен вполне соответствовала заграничной и воспретил, под страхом обычных тогда суровых взысканий, выделку узкого полотна, какое вырабатывалось кустарями. По провинциям из местных служилых людей были назначены мануфактур-коллегией особые надзиратели за соблюдением этих законов, „дворяне у присмотру пенечного дела, и делания широких полотен", как они официально назывались. Между тем делать широкие полотна указанных в законе размеров, в аршин с четвертью и в $1^1/_2$ аршина, домашним способом оказывалось совершенно невозможным по той простой причине, что станки, необходимые для полотна такой ширины, не помещались в тогдашних крестьянских избах. Широкие полотна могли выделываться только на фабриках, которые стали заниматься также производством тонкого, высших сортов, полотна, какого не умели делать кустари.

Подведем итоги сказанному о фабрично-заводской промышленности при Петре. До Петра преобладающей формой промышленности было мелкое кустарное производство. С XVIII века правительство начинает искусственно насаждать крупную промышленность, вызванную казенными, главным образом, военными нуждами и опирающуюся на современные

политико-экономические взгляды. Удовлетворяя казенные потребности, эта промышленность получила казенный характер. Оба элемента производства—и капитал, и труд—были организованы государством в значительной степени принудительным путем. Правительство насильственно составляло капиталы, образуя промышленные компании, которым оно давало также казенные субсидии. Оно же устраивало труд на фабриках и заводах, придавая ему те же несвободные формы, в каких он уже действовал в земледельческой промышленности. Фабрике дано было право владеть крепостными деревнями. Успехи фабрично-заводской промышленности были на первых порах быстры, но не прочны. Сделав порывистое движение вперед при Петре, благодаря его энергичной поддержке, эта промышленность затем слабеет и развивается очень туго, постоянно нуждаясь в самой заботливой опеке со стороны государства.

IX.

Народное просвещение.

Другим средством поднятия производительности народного труда было распространение знаний, народное просвещение. Петр хорошо понимал пользу просвещения и старался распространить его в России. До Петра просвещение не шло дальше грамоты, т.-е. обучения чтению и письму. Никаких наук не преподавалось. Притом обучение грамоте было личным частным делом каждого. Кто желал учиться, подыскивал себе грамотного человека, у которого и выучивался за условленную плату азбуке, складам и чтению. По большей части такими уроками занималось духовенство. Государство не учреждало школ. Первою государственною школою была высшая школа в Москве, учрежденная при царевне Софье и получившая название Славяно-Греко-Латинской академии. По первоначальному замыслу это должно было быть высшее общеобразовательное училище в роде университета; но на практике из академии создалась специальная богословская школа. Во главе академии были поставлены ученые греки, братья Софроний и Иоанникий Лихуды, присланные константинопольским патриархом. Греческий язык, в котором видели оплот православия против латинских заблуждений, был положен в основу преподавания в академии. Лихуды, однако, действовали недолго. Они навлекли на себя чем-то неудовольствие нового патриарха Адриана и были отставлены в 1694 г. С их удалением академия пришла в упадок. Расстроилось преподавание; пришло в негодность и самое здание академии, остававшееся без ремонта: развалились

печи, обрушился потолок. Петр думал первоначально восстановить академию, расширив круг преподаваемых в ней наук, но потом бросил эту мысль. В первые годы реформы ему нужна была не общеобразовательная школа с преобладанием риторики, ему нужен был мореплаватель, артиллерист, инженер, техник, дипломат, знающий язык и политику,—словом, человек, прошедший специальную выучку для военной или гражданской службы. С этой целью специальной подготовки к службе государство открывает в начале XVIII века целый ряд учебных заведений. Для обучения навигацкой науке (мореплаванию) молодые люди посылались за границу, но они являлись за границу слишком неподготовленными, не зная ни иностранных языков, ни тех математических наук, которые необходимы для мореплавания. В 1700 г. в Москве на Сухаревой башне была открыта Навигацкая школа. Во главе ее был поставлен вывезенный Петром в Россию из Англии профессор Фарварсон, который обучал в школе в сотрудничестве с двумя англичанами. В школу было предписано набирать детей всех сословий от 12 до 17 лет, но затем, так как охотников поступать в школу оказывалось мало, стали принимать и 20-летних. В ней преподавались математические науки: арифметика, геометрия, тригонометрия, геодезия, астрономия. Эта математическая навигацкая школа стала во главе целой сети провинциальных низших математических или, как их стали называть, „цыфирных“ школ. Когда в Навигацкой школе стали кончать ученики, прошедшие ее курс, они стали рассылаться по провинциям с тем, чтобы завести при архиерейских домах и при значительных монастырях школы и обучать в них детей всех сословий от 10 до 15 лет „цыфири (арифметике) и некоторой части геометрии“. Без свидетельства об окончании курса в такой школе священникам воспрещалось венчать молодых людей. Таких цыфирных школ было открыто до 42, а число набранных в них учеников достигало 2.000. Таким образом была заведена сеть математических школ с Навигацкой школой во главе. Навигацкая школа в 1715 г. была переведена в Петербург и получила название „Морской академии“, причем она стала сословной: в нее, как и в другие основанные тогда академии, Инженерную и Артиллерийскую, стали приниматься лишь дети дворянства. Параллельно с сетью цыфирных школ создалась другая сеть, духовных училищ. С конца XVII в. кое-где по епархиям просвещенные архиереи, преимущественно из малороссиян, по собственному почину и на свои средства заводили и содержали школы. Таковы были: школа в Ростове, основанная в 1702 г. митрополитом Дмитрием Ростовским, училище в Смоленске, Рязани, Казани: в особенности обширно и хорошо была обстроена школа в Новгороде, основанная митрополитом

Иовом, пригласившим в руководители ее отставленных от академии братьев Лихудов, которые и подняли преподавание в этой школе на неизвестную другим школам высоту. Ученики Новгородской школы Иова основали до 16 низших школ в Новгородской епархии. С учреждением синода и изданием устава его или так называемого „Духовного регламента“, в 1721 г., учреждение епархиальных школ, бывшее до той поры делом частного почина некоторых архиереев, стало обязательным для всех архиереев и к 1725 г. таких духовных училищ открыто было до 46. Учителями в них являлись кончившие в Московской Славяно-Греко-Латинской академии, вновь оживленной и сделавшейся окончательно богословским учебным заведением, которое стало таким образом во главе сети духовных школ подобно тому, как Морская академия стояла во главе школ цыфирных. В Духовный регламент составитель его, псковский архиепископ Феофан Прокопович, внес статью, содержащую устав духовной школы. В этих статьях дается как бы образец духовного училища. Феофан широко ставил задачу обучения в своем уставе и проводил новый для того времени взгляд на приемы воспитания. В программу духовной школы он вводил не только словесные науки, как грамматику, логику с диалектикой, риторику, философию и богословие, но и математические, как арифметику и геометрию, физику, и науки, имеющие дело с фактами, как историю, географию, политику. Новый прием воспитания, вносимый Феофаном в духовную школу, заключался в том, чтобы захватить ребенка в раннем возрасте и совершенно оторвать его от грубой, невежественной окружающей среды и переделать его натуру в наглухо закрытых стенах школы. Принимать детей в школу рекомендовалось не старше чем в 10-ти-летнем возрасте, „ибо такого возраста дети“, пишет Феофан, „еще не вельми обучилися злонравия и если обучилися, однакож не закрепли обычаем и можно таковых нетрудно отучить“. Первые три года школьник совсем не должен был видаться с родными; впоследствии разрешается отпускать его к родным, но не чаще, чем два раза в год, и не больше, как на 7 дней каждый раз. Общежитие учеников в школе строго закрытое, устроено „образом монастыря“. Регламент предписывал каждому ученику место отвести при стене, где „стоит его кроватка складная; такоже шкаф на книги и иные вещицы и стулик для сидения“. Жизнь идет по строжайшему расписанию, определяемому звоном „колокольца“, который возвещал время всякому делу и покою: когда спать ложиться, когда вставать, когда молиться, итти за трапезу и пр. Ежедневно полагалось на прогулку два часа после обеда и ужина, при чем ученики должны были упражняться в играх, „честных и телодвижных“. Для развлечения за столом устраи-

ваются чтения историй воинских или церковных или играет музыка. Дважды в год однообразие школьной жизни нарушается устройством торжеств: диспутов, комедий или риторских экзерциций, цель которых развить в учениках „честную смелость“, которая требуется для предстоящей им дальнейшей деятельности—проповеди слова Божия. „Таковое молодых людей житие,—говорит регламент,—кажется быть заключению пленническому подобное, но оно окажется сладким всякому, кто к нему привыкнет.“ Во главе академии стоит ректор, за поведением учеников наблюдает „префект“, который назначается из людей, хотя и неученых, „обаче честного жития человек не вельми свирепый и не меланхолик“. Префект мог наказывать малых розгою, а больших словом укоризненным. Только уже если ученик упорно не поддается воздействию этих средств, „окажется детина непобедимой злобы“, тогда его можно подвергнуть исключению. Такая система воспитания должна оказать на природу воспитанника самое благотворное влияние и в корне переделать его нрав: „дитя, аже и тигр нравом будет,—пишет Феофан,—агнчую тамо (в школе) восприемлет кротость“.

Итак, при Петре впервые возникло и было распространено школьное образование. Почти в каждом провинциальном городе оказалось две школы: светская и духовная. Сеть духовных школ оказалась крепче и прочнее сети школ светских. Духовные школы не прекращали своего существования, из них возникли позднейшие епархиальные духовные семинарии. Цыфирные школы стали пустеть, и в 1727 г. в них уже считалось всего 500 учеников. Они потом закрывались или переходили в гарнизонные школы для солдатских детей. Между той и другой школой завязывалась борьба за учеников. Не следует забывать, что отношения школы к ученику и ученика к школе в то время не были похожи на теперешние. Школа рассматривалась как служба или как предварительная ступень к службе. Ученики во время прохождения курса получали жалованье и подвергались здесь тем наказаниям, которые грозили за неисправности по службе. Их приходилось вербовать в школу насильно и насильно там удерживать. „Недоросль“ того времени, проведший детство в деревенском приволье, не знавший никаких стеснений и вдруг попавший под суровую дисциплину в школе, обязанный все делать по звону колокольца, конечно, чувствовал себя в стенах школы, как птица в клетке, и при удобном случае обнаруживал стремление бежать. В каждой школе значительный процент учеников оказывался „в бегах“, подобно тому, как и в списках служилых людей всегда оказывались „нетчики“. Школа отталкивала от себя своими жестокими педагогическими приемами. По уставу даже двсрянской Морской академии в каждом классе вместе с учителем

должен был находиться солдат из отставных с длинным хлыстом в руках, которым он возбуждал внимание учащихся и тут же расправлялся с провинившимися. Тогдашние руководства были мало понятны, а телесные наказания грозили на каждом шагу. Не ограничиваясь организацией школы, Петр много заботился о книге. Постоянно по его повелению писались, переводились, издавались и распространялись в публику разного рода книги, между прочим, и различные учебные руководства, от научных сочинений до простых включительно. Эти руководства стали печататься введенным Петром русским гражданским шрифтом, отличным от прежнего славянского.

X.

Дворянство.—Его служба и землевладение.

В XVII в. русский народ делился на сословия, различавшиеся друг от друга лежавшими на них казенными повинностями. Повинностью дворянства была военная служба. Повинностью посадских людей и государственных крестьян был платеж податей и служба по сборам налогов. На крепостных крестьянах лежала кроме податей еще повинность вносить оброк и отбывать барщину в пользу землевладельцев. Сохраняя в общем прежний характер сословий, Петр, однако, произвел в положении каждого из них значительные перемены. Меры, принятые относительно дворянства, коснулись и его службы, и его землевладения.

Служилая обязанность дворянства достигла при Петре наибольшей степени напряжения. Почти все царствование прошло в войнах. Была заведена регулярная армия, которая отличалась от прежнего ополчения не только тем, что состояла из регулярно обученных полков, но и тем, что была постоянной и ее контингент не распускался по домам во время антрактов между походами, как это бывало прежде. Став напряженнее, служба сделалась также и сложнее. К сухопутной службе присоединилась со времени постройки флота и морская, считавшаяся особенно тяжелою и особенно нелюбимая дворянами: в 1730 г. они единодушно просили освобождения от нее. Регулярная армия и флот пред'являли и более высокие и более сложные требования служилому персоналу. Прежде от дворян, являвшихся на службу, требовалось только, чтобы они приезжали „конны, людны и оружны“. Теперь этого было мало, и они были обязаны являться с некоторой образовательной подготовкой. Таким образом, служба была отягчена еще обязательным обучением, которое рассматривалось так же, как служебная повинность.

Самый порядок прохождения службы был изменен при Петре знаменитым законом 24 января 1722 г., так называемой „Табелью о рангах". Это один из наиболее обильных последствиями указов Петра и один из самых прочных. Его значение заключается в следующем. Во-первых, он отделял военную службу от гражданской, устанавливая для каждой особые чины. Во-вторых, указ 24 января 1722 г. распределял все должности государственной службы на 14 классов или рангов, которые каждый служилый человек должен был проходить, начиная с низших. Высшими чинами по табели были генерал-фельдмаршал, генерал-адмирал, государственный канцлер; низшими: фендрик, мичман и коллежский регистратор. С течением времени названия должностей, расписанные в табели, обратились в почетные наименования, чины. Это расписание всех должностей на 14 классов, которые должны были проходиться последовательно каждым служилым человеком, какого бы знатного происхождения он ни был, вносило новый порядок в служебное движение. Теперь значение получала не знатность породы, как раньше, а личная заслуга. Прежде сын знатного боярина начинал свою карьеру прямо с одного из высших чинов, обыкновенно прямо с чина стольника, тогда как незнатный сын боярский редко поднимался далее второй, третьей ступени чиновной лестницы, и заканчивал свою карьеру в чине городового дворянина. Теперь дети знатных дворян должны были начинать свою карьеру с первых ступеней, а детям незнатных не закрыты были высшие. Движение по ступеням должно было совершаться по мере выслуги определенного числа лет или особых заслуг. Наконец, в третьих—и это был, пожалуй, наиболее важный ее пункт—табель о рангах открывала широкий доступ в дворянство людям из других общественных классов. Каждый дослужившийся до первого обер-офицерского чина в военной службе или до VIII класса в гражданской причислялся вместе с детьми к дворянству. Этот порядок открыл приток в дворянство худородных элементов и приток этот оказался, благодаря расширившемуся при Петре спросу на служилых людей, настолько значителен, что через полстолетия знатное дворянство усиленно просило отменить этот параграф табели, опасаясь, что худородные люди затрут его на службе. Дворянство благодаря этому закону стало гораздо более демократическим по составу. Образовался служилый бюрократический класс, занимающий места в государственных учреждениях и постоянно пополняющийся из разных других слоев населения.

В XVI и XVII веках дворяне владели землею двоякого рода: поместьями и вотчинами. Поместья—это участки государственной земли, которые давались дворянам из казны во временное владение для того, чтобы доходами с них сна-

ряжаться на службу. Когда служба дворянина почему-либо прекращалась, поместье отбиралось в казну и отдавалось другому. Вотчина—это полная собственность, которою собственник мог распоряжаться, как хотел. Петр прекратил вовсе раздачу поместий дворянам и за службу стал вознаграждать исключительно денежным жалованьем, которое и прежде выдавалось служилым людям, но только в виде дополнений к поместьям. Далее, он уничтожил разницу между поместьями и вотчинами. Поместья сделались такою же собственностью их владельцев, как и вотчины. И поместья, и вотчины стали со времени Петра носить одинаковое название „имений“. Земельные владения при переходе по наследству слишком дробились вследствие русского обычая делить наследство между сыновьями поровну. От этих разделов земельные владения мельчали, дворянские фамилии беднели. Чтобы прекратить это дробление имений, Петр, ознакомившись с разными западно-европейскими законами о наследстве, издал указ о единонаследии (23 марта 1714 г.). По этому указу недвижимое имущество переходит по наследству двумя путями: по завещанию и по закону. В первом случае завещатель может передать недвижимость только одному из своих сыновей по его выбору, какому хочет, старшему, среднему или младшему, но непременно одному. Если у завещателя нет сыновей, а остаются только дочери, то он точно также может завещать недвижимость только одной из них по выбору. Движимым имуществом завещатель может распоряжаться по своему усмотрению. Во втором случае, т.-е. при отсутствии завещания, недвижимое имущество переходит к старшему сыну, если же нет сыновей, то к старшей дочери. Наконец, если наследодатель бездетен, то—к ближайшему родственнику. Движимое делится в этом случае между наследниками на прежнем основании. Следует отметить, что закон 23 марта 1714 г. касался не только служилого класса, а простирал свое действие на все классы русского общества, имевшие недвижимость, в чем бы она ни заключалась. Он одинаково имеет в виду, как служилые имения, так и посадские дворы и лавки. Нетрудно, однако, заметить, что; издавая этот закон, Преобразователь имел в виду, главным образом, служилый класс, положение которого указ 23 марта 1714 г. должен был упрочить. Это видно из того поучительного введения, которое царь сам написал к новому закону. Глава первая введения посвящена указанию тех убытков, которые терпит от существующего порядка государственное казначейство. Она озаглавлена: „О податях“. „Например“,— пишет царь,—„ежели кто имел тысячу дворов и пять сынов,—имел дом довольный, трапезу славную, обхождение с людьми ясное: когда по смерти его разделится детям его, то уже только по двести дворов останется, которые, помня

славу отца своего и честь рода, не захотят сиро жить, но каждый ясно—то уж с бедных подданных (крестьян) будет пять столов, а не один, и двести дворов принуждены будут едва не то же нести, как тысяча несла, отчего не разоренья ли суть людям и вред интересам государственным? Ибо податей так исправно не могут платить 200 дворов в казну и помещику, как тысяча дворов... Итак,—заключает Петр, „от того разделения казне государственной великий есть вред, а людям подлым разоренье". Глава II озаглавлена: „О фамилиях". В этой главе автор об'ясняет разделами при наследстве упадок знатных фамилий. „Размножаясь и делясь",—говорит он,—„знатная фамилия—поселяне будут, как уж много тех экземпелей (образцов) есть в Российском народе". Наконец, III глава носит название: „О непотребности". Царь доказывает здесь, что младшие члены дворянских фамилий, в случае обеспечения наследством, не будут искать никаких занятий, как частных, так и на государственной службе. На последнюю они и не пойдут без принуждения. „От них нет никакой пользы для государства, но всякий из них ищет уклоняться от занятий и жить в праздности, которая (по св. Писанию) материю есть всех злых дел".

От нового закона царь ожидает самых благих последствий. Крестьянство не будет терпеть притеснений, так как будет находиться под властью крупных, вполне обеспеченных землевладельцев; государственные доходы будут поступать в казну исправно. Постоянно будут существовать аристократические фамилии, которые „не будут упадать, но в своей яности непоколебимы будут, чрез славные и великие домы". Наконец, младшие сыновья, „кадеты", не обеспеченные наследственным достоянием, принуждены будут стыскивать себе пропитание собственным трудом на различных поприщах деятельности: службой, ученьем, торговлей, и в лице их государство получит работников, которые так необходимы были верховному работнику в эпоху реформы. Из дворянских младших сыновей, занятых торговлею, промышленностию разного рода и профессиями, должна была возникнуть трудолюбивая, деятельная и расчетливая буржуазия, подобная западному третьему сословию.

Указ 23 марта 1714 г. не принес, однако, практических последствий, которые от него ожидались. Он не создал ни землевладельческой аристократии, ни предприимчивого третьего сословия. Он был принят дворянством с крайним неудовольствием, так как влек за собою значительные неудобства. Крупное дворянство справлялось с ним легко, выдавая младшим сыновьям вместо земель деньги, в руках же дворянской мелкоты земля была единственным капиталом. Слишком сильна была привычка в русском обществе делить наследство между всеми сыновьями. Казалось несправедли-

вым отдавать все одному сыну, а остальных обделять. Поэтому дворяне после издания закона поступали так: землю отдавали по указу одному сыну, а движимое имущество— сельско-хозяйственный инвентарь: скот и орудия отказывали другому. Таким образом, случалось, что владелец имения оставался без инвентаря и не мог обработывать земли, а владелец инвентаря не знал, куда его приложить без имения. По единодушной просьбе дворянства указ о единонаследии был отменен в 1730 г. императрицей Анной.

XI.

Преобразование государственных учреждений.

Петр не раз перестраивал государственные учреждения, приспособляя их к новым условиям жизни. Втечение всего его царствования шла усиленная ломка старых и возведение новых учреждений, которые не всегда оказывались прочны и иногда, только что возникнув, скоро опять ломались и заменялись другими. Все же к концу царствования вновь введенные учреждения сложились в систему. Обзор этой системы можно начать с высших центральных учреждений.

На место многолюдной Боярской Думы московских государей, членами которой были три высшие служилые чина: бояре, окольничие и думные дворяне, стал Сенат из 9 членов. Петр учредил Сенат 22 февраля 1711 г., когда собирался надолго уехать на войну с Турцией. Боярская Дума была государственным советом, действовавшим при государе, с которым она почти не разлучалась. Если государь выезжал из Москвы куда-либо в одну из своих летних резиденций, Дума собиралась туда на совещания под его председательством. Дума подавала государю мнения; дела решал сам государь. Сенат, как гласит и самый указ о его учреждении: „определили быть для отлучек наших правительствующий сенат для управления“, устанавливался именно для того, чтобы действовать без государя и управлять государством совершенно самостоятельно. Сенат должен был заменять государя в его отсутствие. Подданные обязаны были повиноваться ему, как самому государю. „Сенату“, писал Петр в одном из указов, определявших права этого учреждения, „всяк да будет послушен так, как нам самому“. Если кто заметит, что сенат в каком-либо деле нарушил присягу, поступил „через принесенное перед Богом обещание“, должен однако молчать до возвращения государя и тогда только мог подать жалобу на решение сената. Состав, права сената и порядок его деятельности устанавливались отдельными, издававшимися один за другим указами и потому постоянно

изменялись. Первоначально все дела в сенате должны были решаться единогласно. С 1714 г. было ему предписано решать дела по большинству голосов. В 1718 г. был издан указ, изменивший состав сената: по этому указу сенат должен был состоять из президентов коллегий; однако в этом оказалось большое неудобство: как высшее учреждение в государстве, сенат должен был иметь надзор за всеми другими учреждениями, а следовательно также и за коллегиями. Таким образом выходило, что президенты коллегий должны были контролировать самих себя. В 1722 г. Петр сознался в сделанной ошибке, писал, что такое распоряжение „не осмотря было учинено“, и назначил в коллегии новых президентов; только президенты трех коллегий: военной, адмиралтейской и иностранных дел сохранили за собою право заседать в сенате. К концу царствования установился более отчетливо и об'ем прав сената. По указам 1711 г. сенат учреждался для замены монарха во время его отлучек, поэтому ему предоставлялась вся полнота верховной власти: законодательной, исполнительной и судебной. В конце 1721 г. после заключения Ништадтского мира, когда явилась возможность думать, что монарху не придется более отвлекаться войною, право законодательства отнимается у сената. Он не может издавать законов, хотя за ним оставлено самое широкое участие в законодательной деятельности путем составления и представления государю проектов закона. На практике сенат никогда не пользовался всею широтою верховной власти даже и в отсутствие государя. Он не издавал сколько-нибудь важных законов без Петра, не вел иностранной политики и не управлял военными действиями. Во всей своей разнообразной деятельности он неизменно хранил одну и ту же главную черту: он был ближайшим исполнителем поручений государя. В области администрации в собственном смысле он являлся ближайшим исполнителем высочайших распоряжений, передавая их в коллегии и области, наблюдая за их исполнением и руководя им.

В 1722 году была учреждена при сенате должность генерал-прокурора. В руках генерал-прокурора сосредоточивались три главные обязанности: во-первых, он сделался главным начальником сенатской канцелярии, где два обер-секретаря исполняли роль его помощников; во-вторых ему поручен был надзор за деятельностию самого сената. В сенате, когда государь не присутствовал, председателя не было, и затруднения, вызванные отсутствием надзора за порядком в заседании, доставили Петру много хлопот. Нравы были таковы, что приходилось сенаторам делать замечания, „что надлежит себя вести, как государственным людям, а не как бабам-торговкам“. Отсюда ряд попыток разрешить этот, постоянно выдвигаемый практикою, вопрос. В 1715 г. был назначен

при сенате особый генерал-ревизор, В. Н. Зотов; он должен был садиться во время заседаний сената за особым столом и наблюдать за порядком, вести протокол заседаний и смотреть за исполнением сенатских указов. Но Зотов исполнял свои обязанности как то вяло, и самая должность генерал-ревизора была через три года уничтожена. Его обязанности были возложены на обер-секретаря сената Анисима Щукина. Ему поручалось наблюдать, чтобы „в сенате все было делано порядочно и суетных разговоров, крика и прочего не было", чтобы дела решались по определенному порядку, как они записаны в реестре. Прочтя дело, обер-секретарь должен был дать сенаторам на размышление и обсуждение полчаса. Для измерения времени он имел особые песочные часы. В случае, если бы дело было очень трудно и притом неотложно, он по просьбе сенаторов мог прибавлять им по получасу, но так, чтобы всего на обсуждение дела пошло не более трех часов, по истечении которых обязан был поднести каждому из сенаторов бумагу и чернила и потребовать написать мнение. Если бы он встретил в этом требовании отказ, то должен был бросить все и итти с докладом к государю или в его отсутствие послать письменное донесение. Но и обер-секретарь не удовлетворил Петра, да он и не мог этого сделать, так как данное поручение поставило его в противоречие: он в одно и то же время был подчинен сенату, как начальник его канцелярии, с которого сенат имел право производить взыскания, и должен был иметь надзор над тем учреждением, которому он был подчинен. Вскоре Петр отменил этот порядок, и надзор за деятельностию сената был поручен штаб-офицерам гвардии, которые должны были дежурить по очереди в заседаниях сената, каждый в течение месяца. Они должны были смотреть, чтобы сенат во всем поступал по данной ему инструкции, в случае отступления от нее три раза напомнить о ней; если же сенат после троекратного напоминания продолжал стоять на своем,—донести государю. „А ежели кто из сенаторов, — энергично прибавляет наказ, данный штаб-офицерам,—станет браниться или невежливо поступать—такого арестовать и отвесть в крепость". Разумеется, такой военный порядок не был сообразен с достоинством ворховного места империи и тоже вскоре был отменен. Для надзора за сенатом был тогда назначен генерал-прокурор П. И. Ягужинский. Он был независим от сената и подсуден только императору. Генерал-прокурор созывает сенаторов в заседания, наблюдает за исправностью посещения их сенаторами, разрешает им отлучки и во время заседаний следит за порядком. Он же является посредником между императором и сенатом.

Третьей обязанностью, возложенной на генерал-прокурора, был надзор за деятельностию всех правительственных мест

в империи. В его руках были два орудия, посредством которых он и действовал в этом отношении. Во-первых, ему подчинены были фискалы с обер-фискалом во главе, провинциал-фискалами в областях и городовыми фискалами в уездах. Обязанность фискалов состояла в том, чтобы надсматривать и проведывать, не производит ли кто неправого суда, не расхищает ли казны и т. д. В вознаграждение за донос фискал получал половину судебного штрафа с уличенного. Во-вторых, во всякой коллегии и во всех высших судах учреждены были прокуроры, подчиненные генерал-прокурору. Отношения прокурора к коллегии напоминают отношения генерал-прокурора к сенату. Прокурор коллегии должен был наблюдать, чтобы коллегия не нарушала закона, и если она это делала, обязан был донести генерал-прокурору. Действуя посредством обоих этих орудий, генерал-прокурор и был, как называл его Петр, „око царево и стряпчий (ходатай) о делах государственных“. При генерал-прокуроре в качестве помощника состоял обер-прокурор, который заменял его в случае отсутствия.

Следующую за сенатом ступень в управлении занимали коллегии, ставшие на место прежних приказов. Приказов было во второй половине XVII в. до 50, и дела были очень неправильно распределены между ними. Коллегий учреждено было всего 10 и распределение дел проведено между ними ясно и отчетливо. Три коллегии ведали внешние отношения государства: коллегия иностранных дел—дипломатические, военная и адмиралтейская коллегия—военные; три коллегии управляли государственными финансами: камер-коллегия собирала доходы, штатс-контор-коллегия играла роль государственного казначейства и заведывала государственными расходами; ревизион-коллегия соответствовала позднейшему ведомству государственного контроля; следующие три коллегии стали во главе промышленности и торговли, это были: мануфактур-коллегия, ведавшая фабрики, берг-коллегия, ведавшая горное и рудное дело, и коммерц-коллегия, ведавшая торговлю. Наконец, юстиц-коллегия ведала судебную часть.

Коллегиальное устройство было также новостью для России. Правда, уже в прежнее время управление иными приказами или воеводство в наиболее важных областях поручалось иногда нескольким лицам совместно, напр., боярину с окольничим и думным дьяком или окольничему со стольником и дьяком, но коллегиального порядка, т. е. коллективных органов, решающих дела по большинству голосов, не было. Как должны были действовать члены приказов: должны ли они были обсуждать и решать дела вместе, или могли их распределять между собою; как они должны были относиться друг к другу,—все это не определялось никакими общими

правилами; им предписывалось вести управление „сообча“ и жить между собою дружно под опасением суровых взысканий за ссоры, а во всем остальном устраиваться самим. На практике коллегиального порядка в этом совместном управлении не было или же существовали его слабые зачатки.

Состав и порядок действий коллегий Петра были определены Генеральным регламентом. Каждая коллегия должна была состоять из президента, вице-президента и нескольких членов: советников и асессоров. Все делопроизводство должно было в целях контроля вестись письменно и потому при коллегии полагался особый канцелярский штат с секретарем, нотариусом, актуариусом, архивариусом, канцеляристами, подканцеляристами, копиистами, подкопиистами, который должен был двигать сложный бумажный механизм с его реестрами, протоколами, выписками и пр. По регламенту заседания коллегий происходили при внушительной внешней обстановке. Зала заседаний коллегии должна быть покрыта добрыми коврами, стол, за которым сидят коллежские члены, ставился под балдахином. Каждое рассматриваемое коллегией дело подвергается первоначально „довольному“ обсуждению, а затем постановляется решение по большинству голосов. Члены подают голоса по старшинству, начиная с младших, „не впадая один другому в речь“. При равенстве голосов голос президента дает перевес. Но президент не начальник коллегии, и это особенно подчеркивается регламентом. Глава XXIV „о комплиментах президентам“ предписывает членам при входе и выходе президента отдать ему честь, встав с места, но освобождает их от должности встречать и провожать президента. Каждому члену предоставляется полная свобода мнения: если его мнение не согласно с большинством, он может требовать, чтобы оно было занесено в протокол.

В связи с установлением коллегий для светской администрации было предпринято преобразование церковного управления. Оба последние патриарха, Иоаким и преемник его Адриан, несочувственно относились к сближению Петра с иноземцами и к его новшествам, заведенным на иностранный образец. Чтобы не встречать более противодействия в такой сильной власти, какою была власть патриаршеская, Петр по смерти Адриана (1700) не назначил ему преемника, а поручил временное управление церковными делами рязанскому митрополиту Стефану Яворскому из ученых малороссийских монахов с титулом „местоблюстителя патриаршего престола“. Такое местоблюстительство продолжалось до 1721 г. В этом году была учреждена для управления церковными делами Духовная Коллегия, получившая название Синода. Этой коллегии была предоставлена патриаршая власть. По

составу своему Духовная коллегия была устроена так же, как и прочие коллегии. Она состояла из президента, вице-президента, советников и ассесоров. Президентом был назначен Стефан Яворский, вице-президентом Феофан Прокопович, любимец Петра, также из малороссиян, человек отличавшийся большою ученостью и красноречием. Он был сотрудником Петра по проведению церковной реформы и написал для синода Духовный Регламент (устав). Синод, однако, выдвинулся из ряда прочих коллегий, занял место на-ряду с сенатом и стал именоваться „правительствующим“. При нем учреждена была должность обер-прокурора, подобно тому, как при сенате был генерал-прокурор. Восточные патриархи прислали свое согласие на учреждение синода.

В декабре 1708 г. появился указ: „Великий государь указал в своем великороссийском государстве для всенародной пользы учинить 8 губерний. Эти губернии и их географические пределы были следующие: 1) Ингерманландская (Петербургская), в которую вошли часть Эстляндии, Ингрия, Карелия (теперешняя Петербургская губерния) теперешняя Псковская губерния, Новгородская, Олонецкая, часть Тверской и Ярославской; 2) Архангелогородская, которую составили теперешние губернии: Архангельская, Вологодская, северная часть Костромской, 3) Смоленская (Смоленская, Калужская); 4) Московская (Московская губерния, часть Тверской, южная часть Костромской, Владимирская, северная часть Рязанской, Тульской и Калужской); 5) Казанская (прежние Казанское и Астраханское царства), Поволжье; 6) Киевская и 7) Азовская, обнимавшая весь тогдашний юг России и разделяемые тульским меридианом,—не следует забывать, что заселенные местности тогдашнего юга России оканчивались теперешней Харьковской губернией; 8) Сибирская. Через несколько лет из Казанской губернии были выделены еще две: Нижегородская и Астраханская, а Смоленская увеличена присоединением к ней Лифляндии и получила название Рижской, так что всего число губерний дошло до 10.

Во главе губерний ставится губернатор. Первые годы губернаторы правили губерниями единолично. В 1713 г. Петр решил ввести в губерниях коллегиальный порядок управления, привлекши к участию в нем местное дворянство. При каждом губернаторе был образован совет из избираемых дворянством ландратов, в котором губернатору предоставлялась только роль председателя: „губернатор у них не яко властитель, но яко президент“. Без участия совета губернатору запрещалось отправлять какие-либо дела. Таким образом вместо единоличной власти губернатора создавалось в губернии особое коллегиальное присутствие из выборных от дворянства под его председательством. Самое название

членов этого совета „ландратами“ и время, когда издан был указ о них, показывают, под каким влиянием появилось это учреждение. Как раз в это время обсуждался вопрос о сохранении старинных ландратских советов в только-что завоеванном прибалтийском крае.

На практике должность ландратов не была никогда избирательною, и указ Петра отстался здесь только на бумаге. Первые ландраты были назначены сенатом по представлению губернаторов и впоследствии, до конца существования этой должности, никогда нигде дворянских выборов в нее не происходило. Вскоре, впрочем, эта должность перестала быть выборною и по закону. В 1716 г. Петр предписал сенату назначить в ландраты офицеров, получивших отставку из-за ран или за старостью, преимущественно из тех, которые не имеют заселенных земель. Такое назначение получало характер пенсии в награду за военную службу, „ибо не без греха есть в том,—признавался царь,—что такие, которые много служили, те забыты и скитаются, а которые нигде не служили—тунеядцы, те многие по прихотям губернаторским взысканы чинами и получают жалованье довольное“. Таким образом ландраты не только не выбирались местным дворянством, но даже могли не принадлежать к местному землевладельческому классу.

Самые ландратские советы существовали очень недолго. Едва только, и то не во всех губерниях, открыли они свои действия в конце 1714 года, как 28 января 1715 г. последовал новый указ, значительно изменивший должность ландрата. Этим указом уездные воеводы, подчиненные ландратскому совету, уничтожались и сохранялись только в городах, имевших гарнизоны, в качестве начальников над последними. Уезд переставал быть административным подразделением губернии. Таким подразделением делается новая, более правильная и равномерная единица „доля“—пространство, на котором находилось 5536 тяглых (податных) дворов. Ландраты были сделаны теперь начальниками этих долей, ведая их сельское население по податным и судебным делам. Двое из них по очереди постоянно должны были находиться при губернаторе; в конце года все ландраты должны были с‘езжаться в губернский город, где под председательством губернатора составляли отчеты и решали важнейшие губернские дела. На практике такие с‘езды мало собирались, губернатор продолжал править губернией единолично, и ландраты стали к нему в положение подчиненных, низших инстанций, над которыми он стоял „яко властелин“, а не „яко президент“. В таком виде губернская организация просуществовала с 1715 до 1719 г.

Каким же целям должна была служить устроенная таким образом губернская организация? Очень изменчивая по устрой-

ству, она преследовала постоянно одну цель. Губернская реформа была проникнута тем же духом, который вообще заметен во всей правительственной деятельности XVII в.; эта деятельность имела в виду, главным образом, увеличение доходов казны, необходимых на нужды, вызываемые войнами. Губернская организация казалась Петру более пригодной для увеличения казенного дохода, чем прежний порядок управления. Она была предназначена исключительно высасывать народные средства для пополнения ими потребностей казны. Главными потребностями казны в XVII в. и еще более в начале XVIII в. были *военные*, удовлетворение их и было возложено на губернии. Пополнение и содержание армии сделалось главной задачей губернского устройства. Петровская губерния вовсе не имела в виду местного благосостояния: все доходы шли в государственную казну, а не на местные нужды. Главная обязанность губернатора: собрать с вверенной ему губернии все казенные сборы, блюсти за тем, чтобы все падающие на нее повинности были исполнены. Если он хотел заслужить особое царское расположение, он должен был об'явить „прибор", т.-е. отыскать новые источники дохода для казны. Но беда, если губернатору не удавалось собрать положенного на губернию дохода. Царский гнев не разбирал, произошло ли это по недостатку энергии губернатора или благодаря истощению платежных сил населения. Губернатор подвергался за недоборы строгой ответственности; Петр в указах прибегал к самым суровым угрозам по адресу губернаторов, несмотря на то, что губернаторами были видные лица: Меншиков, Апраксин, кн. Д.М. Голицын, Т. Н. Стрешнев. За недосылку положенного числа рекрут губернатор подвергался штрафу по рублю за каждого человека, а иногда предписывалось у него отписывать (конфисковать) поместья и вотчины. Не раз Петр обещал „жестоко истязать" тех губернаторов, которые не исполнят указа в точности. Одно из распоряжений Петра о сборе рекрут оканчивается повелением об'явить губернаторам, что они будут наказаны „яко изменники и предатели отечества", если требуемые рекруты не будут доставлены к сроку. В другой раз, получив известие о том, что должное число рекрут не доставлено на место назначения, царь обратился к сенату с таким строгим указом: „Господа Сенат, ежели губернаторы вскоре не исправятся, учинить им за сие, как ворам достоит, не то сами то терпеть будете". В самом деле, несмотря на то, что губернаторами были видные лица с большими чинами, нередко издавалось распоряжение: послать в губернии лейб-гвардии унтер-офицеров, быть им при губернаторах, „непрестанно им докучать и побуждать их в сборе денег". Раз Петр, когда ему донесли о неаккуратности киевского губернатора в доставке ведомостей о приходе и рас-

ходах, особенно ожесточился и приказал послать к киевскому губернатору лейб-гвардии поручика Карабанова, которому предписал, в случае неисправности, всех губернских властей, заведующих сборами, „сковать за ноги и на шею положить цепь“ и держать в канцелярии, покамест не исполнят требования.

Учреждение коллегий в центре повлекло за собою новую реформу областного управления. И в областном управлении проводились те же черты, на каких было построено центральное. Прежде всего введено было новое однообразное административное разделение России. Мы видели, что в 1708 г. областною единицею сделалась обширная губерния, подразделявшаяся на старинные неравномерные уезды. С 1715 г. губерния стала делиться на более равномерные области, „доли“: с 1719 г. разделение на губернии и доли было уничтожено, введена была новая единица—провинция. Вся та территория, которая разделена была прежде на 8 губерний, теперь составила 50 провинций. Каждая провинция разделена была на округа, „дистрикты“. Новое деление было более равномерным, сравнительно с прежним и в этом отношении оно было шагом вперед в развитии областных учреждений России. При Петре провинция была совершенно самостоятельной областной единицей, а вовсе не подразделением только прежней губернии: провинциальная администрация была подчинена непосредственно коллегиям и сенату.

Новая административная единица была снабжена сложным административным механизмом, заимствованным со шведского образца, ставшим на место ландратов. Деятельность провинциальных учреждений регулировалась однообразными регламентами, общими для всех провинций. Вместе с тем провинциальное управление расчленялось по роду дел, для каждого рода дел выделялся особый орган. Для различных административных дел установлены были особые должности. Во главе всего провинциального управления поставлен был воевода. Воеводы тех провинций, где прежде были центры прежних губерний, продолжали титуловаться губернаторами и генерал-губернаторами, но их власть не простиралась за пределы тех провинций. Задачей воевод было охранять в провинции „царского величества интереч и во всем государственную пользу“. Их обязанностью был надзор за благосостоянием в провинции, за действиями всех других органов управления. Воевода имеет свое присутствие в Земской канцелярии, где обязан в определенные дни и часы принимать просителей. При нем в качестве начальника канцелярии состоит ланд-секретарь. Для финансового управления в провинции реформа устанавливала особые органы, таковы были: *камерир, рентмейстер и провиант-*

мейстер. Камерир или надзиратель сборов, присутствует в „земской“ конторе; он назначается камер-коллегией, он ведет финансовую отчетность провинции, его наблюдению поручаются находящиеся в провинции государственные имущества. Рентмейстер начальствует над провинциальной „рентереей“, или, по нашему, над губернским казначейством: он назначается штатс-контор-коллегией. Его обязанности заключались в приеме денег, хранении их в крепком безопасном месте и в выдаче их по ассигновкам. Представителем администрации в дистрикте является земский комиссар, назначаемый камер-коллегией. На нем лежали обязанности двоякого рода: он, во-первых, агент финансового управления в дистрикте и в этом качестве он подчинен камериру; он собирает подати с населения и отчет об этом сборе вручает камериру. Во-вторых, он представитель полицейской власти и в этом качестве он подчинен непосредственно воеводе. Одною из наиболее замечательных черт нового правительственного строя, какой был установлен Петром Великим, была попытка отделения суда от администрации. Все государство было подразделено на 10 судебных округов и в каждом из округов учрежден Надворный суд из нескольких членов, подчиненный юстиц-коллегии. В свою очередь Надворному суду подчинялись *городовые судьи*, находившиеся в каждом городе.

В особое ведомство было выделено из общей администрации управление городами, т. е. собственно посадским, торговопромышленным населением городов. (Прочие сословия, жившие в городе: дворяне, духовенство—к числу „граждан“ не относились). Посадские люди получили новое подразделение. Прежде они делились по своей состоятельности на три статьи: лучших, середних и молодших. При Петре они были разделены на две гильдии. К первой *гильдии* отнесены были крупные капиталисты: оптовые торговцы, знатные купцы. Ко второй гильдии отнесены мелкие торговцы и разного рода ремесленники. Все посадские ремесленники помимо этого разделения расписаны были еще в цехи. Цех—это союз людей, занимающихся одним ремеслом. Деление на гильдии и цехи было заимствовано Петром Великим из западной Европы. Внесены были перемены и в устройство посадского самоуправления. Прежде посадский сход для заведывания посадскими делами избирал земского старосту. При Петре в городах введены были магистраты. Магистрат состоял из нескольких выборных горожан, число которых разнообразилось, смотря по величине посада. Так, в посадах, где было 2.000 посадских дворэв и более, магистрат состоял из президента, четырех бургомистров и 8 ратманов (советников). В городах с меньшим количеством посадских дворов, магистраты были менее многочисленного состава. Президенты и члены магистратов выбирались из горожан на посад-

ских сходах. Магистраты заведывали сбором податей с посада и производством суда над посадскими людьми. Все городовые магистраты подчинены были Главному магистрату, учрежденному в Петербурге. Главный магистрат должен был заботиться о благосостоянии посадского населения в городах.

Таково было устройство управления, введенное Петром Великим. Во главе управления поставлен был правительствующий сенат, ближайший поверенный государя, сосредоточивающий в своих руках все отрасли управления и суда и наблюдающий за всеми другими органами. С 1722 г. при сенате появился генерал-прокурор, „око царево", ставший во главе системы прокуроров и фискалов, как органов надзора за управлением и судом. Следующую ступень администрации заняли коллегии, разделившие между собою отдельные отрасли управления. Введено было новое областное деление России на провинции, а провинции на дистрикты. Во главе провинции поставлен воевода, имеющий высший надзор за действиями других местных чинов и обязанный заботиться о благосостоянии провинции. Финансовое управление в провинции поручено камериру и рентмейстеру. В дистрикте представителем финансового и полицейского управления сделан был земский комиссар. От администрации отделен был суд с юстиц-коллегией во главе судебного ведомства, с Надворными судами по округам и с городовыми судьями по отдельным городам. От общих административных и судебных учреждений отделены учреждения, ведавшие посадское население городов—городовые магистраты с Главным магистратом над ними. Вся эта новая и сложная правительственная машина должна была служить тем широким целям, которые намечал Петр Великий своему государству. Его государство должно было стоять на-ряду с другими европейскими государствами и ни в чем не отставать от них.

XII.

Личность Петра Великого.—Его сотрудники.—Семейные дела.—Престолонаследие.

Внешность Петра Великого, его высокая, могучая фигура с крупными чертами лица, с орлиным взором производила сильное впечатление на современников. Над всякой толпой, как бы велика она ни была, царь заметно выдавался, будучи без малого в сажень ростом. Когда на светлый праздник он христосовался, а этот обычай он строго соблюдал, у него заболевала обыкновенно спина, потому что к каждому, кто к нему подходил, он должен был непременно нагибаться. Когда он шел пешком, обыкновенно размахивая при этом

руками, он делал такие крупные шаги, что спутнику, его сопровождавшему, приходилось бежать рядом с ним рысью. Царь отличался огромной физической силой, был богатырь в буквальном смысле слова: выковывал без труда железную полосу в несколько пудов весом и легко мог разогнуть подкову. Когда он хотел кого-нибудь похвалить и дружески потрепать по плечу, то удостоившийся этой царской милости не рад был и похвале, потому что ему приходилось чуть не кричать от боли. Те же крупные черты и в его нравственном складе. Его нравственная природа способна была к широким размахам в ту и кругую сторону, в положительную и в отрицательную. Петр способен был на благородный подвиг самопожертвования. Он и погиб от такого подвига. Глубокой осенью 1724 г. он без раздумья бросился в ледяную воду, чтобы спасать лодку с тонувшими матросами, при чем жестоко простудился и заплатил жизнью за спасение матросов. Он не мог вынести производимого придворным доктором Арескиным опыта над ласточкой, посаженной под колокол воздушного насоса. Когда воздух из-под колокола был вытянут настолько, что птичка зашаталась и затрепетала крыльями, царь сказал Арескину: „Полно, не отнимай жизни у твари безвредной, она не разбойник“, и выпустил птицу. В то же время он мог совершенно спокойно смотреть на самые жестокие пытки и казни, которым подвергались те, кого он считал врагами своего дела. Расправляясь с взбунтовавшимися стрельцами, он собственноручно отрубил головы нескольким из них. Он был способен трудиться без устали, но также и предаваться веселью без всякой сдержки. В особенности бывал он весел на празднествах по случаю спуска новых кораблей. Развлечением для Петра служило учрежденное им потешное общество под названием „Всешутейший и всепьянейший собор“. Председателем собора был князь-папа, бывший учитель Петра, Никита Моисеевич Зотов. Сам Петр был неистощим в изобретательности, сочиняя различные процессии и торжества для собора. То князя-папу должны нести на троне 12 плешивых кардиналов, а папа, снабженный особым молотком во время движения процессии стукал этих кардиналов по головам; то князь-папа должен переправляться через Неву в просторном чану, наполненным пивом, плавая по пиву на небольшом плотике, при чем Петр, в конце-концов, все-таки не удержится и столкнет князя-папу в пиво.

Петр привлекал к себе сердца своей правдивостью и любовью к правде. За правдивое признание он готов был простить всякий проступок. Неплюев, один из молодых людей, которые были отправлены для обучения за границу, вернувшись и сдавши экзамен, назначен был работать вместе с царем на верфи. Раз, пропировав накануне в гостях,

он опоздал на работу, пришел уже после государя и до такой степени испугался, что хотел уже бежать и сказаться больным, но потом решил говорить всю правду. „А я, мой друг, уж здесь“, сказал ему Петр. „Виноват, государь“, отвечал Неплюев, „вчера был в гостях и долго засиделся и оттого опоздал“.—„Спасибо, малый“, сказал ему Петр, „что говоришь правду; Бог простит, кто Богу не грешен, кто бабе не внук?!“ Царь не терпел неправды. Раз в его присутствии один иноземный офицер разоврался о сражениях, в которых он бывал, и о подвигах, которые совершил. Петр слушал, слушал его, потом плюнул ему в лицо и отошел в сторону.

Сломив силу Швеции, Петр сделался одним из самых могущественных государей Европы и оказывал сильное воздействие на ход международных дел. Внешним выражением этого могущества был императорский титул, поднесенный ему сенатом после заключения Ништадтского мира. Но при всем том он умел сохранить простоту в образе жизни. Он был очень бережлив в государственных средствах и расчетлив в своих и впервые внес строгое различие между теми и другими. Расходы на содержание двора убавились при нем вчетверо сравнительно с прежними их размерами. Он обыкновенно ходил в поношенном кафтане, сшитом из русского сукна, в стоптанных башмаках и чулках, заштопанных царицей Екатериной. Ездил, по свидетельству очевидцев-иностранцев, на таких плохих лошадях, на которых согласился бы ехать не всякий столичный обыватель, обыкновенно в одноколке, один или в сопровождении денщика. Царь не выносил просторных зал. Когда он был в Париже в 1717 г., ему отвели помещение во дворце, но его комнаты оказались для него так высоки, что он приказал натянуть на них потолок из парусины. В Петербурге он построил себе два дворца: летний и зимний, настолько маленькие, что в них не могли вмещаться приглашенные гости, и более важные торжества происходили в здании сената и в обширном дворце князя Меншикова, а летом собрания при дворе происходили на открытом воздухе в Летнем саду.

По простоте, с которой царь себя держал, он вовсе не походил на своих предшественников. Те были окружены церковной обстановкой. Народ видал их редко, во время торжественных выходов, когда царя в золотой одежде церковного покроя вели под руки под звон кремлевских колоколов в один из соборов. Теперь носитель верховной власти стал появляться перед народом в странном виде, в голландской матросской куртке на корабельной мачте, с трубкою в зубах. Для него не было ничего стеснительнее придворного этикета (придворные обряды). Осенью 1723 г. надо было дать прием персидскому послу. С Персией только что был

заключен мир, и вообще посла восточной державы нельзя было принять запросто. В ожидании посла император, одетый в парадный красный кафтан, вышитый серебром и опушенный собольим мехом, ходил большими шагами по комнате, прилегающей к тронной зале, страшно волновался и приводил в смущение императрицу. Заслышав шаги посла, он перешел в тронную залу и занял место на троне в торжественной позе, держа под мышкой треугольную шляпу. Он сильно потел и от волнения часто нюхал табак, когда посол произносил длинную высокопарную речь, и когда он затем по восточному обычаю пополз по ступеням трона, чтобы поцеловать руку императора. С большим облегчением он вздохнул и выбежал из тронной залы, как только эта утомившая его церемония кончилась. На разных торжествах Петр занимал первое попавшееся место, обыкновенно в конце стола, при чем наиболее любимыми его собеседниками были иностранные мастера и купцы.

Царь Петр был неутомимым работником. Пробелы прерванного образования он восполнял потом в течение всей жизни. Он и под старость сохранил ту же жажду к знанию, ту же неутомимую любознательность, с какою засыпал вопросами Никиту Зотова в детской комнате Кремлевского дворца. На своей печати, которой он запечатывал отправляемые им из-за границы письма, Петр вырезал девиз: „Аз есмь в чину учимых и учащих мя требую“. Этому девизу царь и остался верен до конца своих дней. С необыкновенной легкостью Петр постигал и усваивал каждое мастерство и везде, где он ни бывал, а изъездил он вдоль и поперек всю Россию, он оставил предметы, им самим сработанные. Он гордился мозолями на руках. „Видишь, братец, я и царь“, говорил Петр Неплюеву, „да у меня на руках мозоли, а все оттого: показать вам пример и хотя бы под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству“. Любовь к работе обнаруживалась в нем, в какой бы обстановке он ни находился. Раз на одной великосветской свадьбе, когда гостям показалось, что в зале, назначенной для танцев, слишком жарко, стали открывать окна. Но оказалось, что окна заколочены снаружи. Царь потребовал топор, и сам стал отбивать раму, но окна оказались заколоченными так крепко, что ему пришлось проработать более получасу. Он не раз выбегал на улицу, чтобы осмотреть окна снаружи и, наконец, добился своего—открыл окна, вернулся к гостям и принял участие в танцах, до которых был большой охотник. Он мог трудиться неутомимо, притом на самых разнообразных поприщах: то с топором плотника, то с пером историка в руках. Это разнообразие его труда дало поэту повод сказать о нем: „то академик, то герой, то морепла-

ватель, то плотник, он всеоб'емлющей душой на троне вечный был работник". (Пушкин).

Петр Великий отличался уменьем подбирать себе талантливых исполнителей и сотрудников. При выборе их он обращал внимание только на способности и заслуги и нисколько не ценил знатность породы. Поэтому в числе близких к нему деятелей были на-ряду с представителями старой московской знати, люди совершенно незнатного происхождения. Охотно принимал Петр на службу также способных иностранцев. С учреждением коллегий виднейшие из сотрудников Петра поставлены были во главе их. Так, президентом иностранной коллегии был сделан канцлер, граф Гаврило Иванович *Головкин*, а вице-президентом были сначала Петр Павлович *Шафиров*, а после него Андрей Иванович *Остерман*. Шафиров, по происхождению из крещеных евреев, проявил дипломатические способности при заключении Прутского мира. Немец Остерман начал службу в Посольском приказе, участвовал в заключении Ништадтского мира с Швецией и мира с Персией. За дипломатические заслуги он был пожалован титулом барона. Видным дипломатом при Петре был также князь Борис Иванович *Куракин*, занимавший пост посла при разных европейских дворах. Он составил интересный труд под заглавием „История о царе Петре Алексеевиче", не доведенный, впрочем, до конца. Президентом военной коллегии был назначен князь Александр Данилович *Меншиков*. Меншиков, сын придворного конюха или коновала, начал свою карьеру службой в потешных полках, затем ездил с царем за границу и работал с ним на голландских верфях. По смерти Лефорта он стал ближайшим другом царя. Во время Северной войны он обнаружил блестящие военные дарования. Но он отличался также большою корыстью и не упускал случая поживиться на счет казны. За это Петр под конец царствования охладел к нему. Выдающимся полководцем в Северной войне кроме Меншикова был еще фельдмаршал граф Борис Петрович *Шереметев*. Президентом морской коллегии был назначен с чином генерал-адмирала родственник Петра граф Федор Матвеевич *Апраксин* (на сестре его был женат вторым браком царь Федор Алексеевич). Место президента важнейшей из финансовых коллегий—камер-коллегии—занял князь Дмитрий Михайлович *Голицын*, один из самых просвещенных русских людей первой половины XVIII в. Ранее он занимал пост киевского губернатора и оказывал покровительство киевской академии. В своей подмосковной вотчине, селе Архангельском, он собрал громадную по тому времени библиотеку в 6.000 томов иностранных и русских книг и рукописей. Голицын ценил западное просвещение, но стоял за сохранение тех русских

обычаев, которые не противоречили просвещению. Поэтому он не одобрял многих нововведений Петра, направленных к уничтожению старинных русских обычаев. Петр знал о несочувствии Голицына, однако, поручал ему важнейшие должности, ценя его административные таланты. Президентом коммерц-коллегии был граф Петр Андреевич *Толстой*. Толстой в 1689 г. держал сторону царевны Софьи, но Петр простил его и приблизил к себе за выдающийся ум. Он ездил за границу с поручением разыскать и привезти царевича Алексея. Президентом юстиц-коллегии сделан был граф Андрей Артамонович *Матвеев*, сын знаменитого Артамона Сергеевича. Еще в отцовском доме он получил хорошее образование, а затем долгое время провел за границей, исполняя дипломатические поручения. Во главе берг- и мануфактур-коллегий был поставлен сведущий иностранец Яков *Брюс*, занимавший также должность главного начальника всей русской артиллерии (фельдцейхмейстера). Генерал-прокурором был молодой и даровитый Павел Иванович *Ягужинский*, сделавшийся любимцем Петра Великого в конце царствования. Для вознаграждения за государственные заслуги Петр ввел в России, по примеру европейских стран, пожалование княжеским, графским и баронским титулами. В 1699 г. был учрежден первый русский орден св. Андрея Первозванного.

Петр Великий был женат два раза. В первый раз на Евдокии Лопухиной, от которой у него был сын Алексей. Царь развелся с ней тотчас же по возвращении из первого заграничного путешествия. Во второй раз Петр женился на простой лифляндской крестьянке Марте Скавронской. Малолетней сиротою Марта была взята на воспитание мариенбургским пастором Глюком. В его доме с нею познакомился шведский драгун, принадлежавший к составу мариенбургского гарнизона, прельстился ее красотою, и с благословения пастора женился на ней, но тотчас после свадьбы должен был отравиться в поход, где и пропал без вести. В 1702 г. Мариенбург был взят войсками фельдмаршала Шереметева, и пастор Глюк попался в плен со своим семейством. Шереметев отправил его в Москву, где он основал впоследствии одно из первых частных учебных заведений, а пленницу, прельстившись ее красотой, оставил у себя. У Шереметева увидел ее и отнял Меншиков, а у Меншикова увидел ее и отнял Петр.

Ее знакомство с Петром относится к 1703 г. В продолжение 22-летней совместной жизни с ним, она принесла ему 11 человек детей, в числе которых были три Петра и два Павла и из которых все умирали в младенческом возрасте, кроме двух дочерей: Анны и Елизаветы. До 1711 г. она занимала открытое, хотя и довольно неопределенное поло-

жение „метрессы“ (любовницы) государя, как тогда говорили. Обращаясь к Екатерине в письмах, он называл ее: „Матка“ или по голландски: „мудер“ или просто хозяйкой, за что и сам получал в ответ название хозяина. По свидетельству в высшей степени добросовестного датского посла Юста Юля, на которое мы можем вполне положиться, Петр об‘явил ее царицей в 1711 г. „21 марта я ездил в Измайлово“, пишет этот посол, „двор в трех верстах от Москвы, где живет царица, вдова царя Ивана Алексеевича со своими тремя дочерьми царевнами. При этом случае царевна рассказала мне следующее: вечером незадолго перед своим от‘ездом, царь позвал их, царицу и свою сестру Наталью Алексеевну в Преображенскую слободу. Там он взял за руку и поставил перед ними свою любовницу Екатерину Алексеевну“. „На будущее время“, сказал царь, они должны считать ее его законной женой и русской царицей. Так как сейчас, в виду безотлагательной необходимости ехать в армию, он обвенчаться с ней не может, то увозит ее с собой, чтобы совершить это при случае в более свободное время. При этом царь дал понять, что если он умрет прежде, чем успеет на ней жениться, то все же после его смерти они должны будут смотреть на нее, как на его законную супругу. После этого все поздравляли Екатерину Алексеевну и целовали у нее руку. Как ловкий дипломат, Юль, заручившись извеcтием, полученным от царевен, поспешил титуловать Екатерину, которую он сопровождал из Прутского похода, „величеством“. „Впрочем“, замечает он, „от подобного возвеличения новое величество вовсе не стало высокомернее. Когда я передавал ей в царском шатре свои поздравления, она была так же любезна и болтлива, как и всегда, а за царским столом, следуя русскому обычаю, собственноручно подносила мне и другим лицам вино в стакане на тарелке“.

Случайно сделавшись невольною подругою Петра, привыкшего менять свои привязанности, она сумела привязать его к себе. Не получив никакого образования, но будучи неглупой по природе, она обладала удивительною способностью войти в жизнь мужа, жить его интересами, радоваться его радостями и печалиться его горем, словом, стать его лучшим необходимым другом. Вот почему и он так доверчиво делится с ней всеми своими впечатлениями, нередко посвящая ее в свои дела, зная, что всегда встретит отклик, и слова: „Катеринушка, друг мой сердешненькой“, какими он начинал свои письма к ней, скрывали под собою настоящее чувство. Она обладала и другой способностью, которую так в ней ценили подданные и за которую кланялись ей головами, благодаря этой способности неотрубленными на плахе. Она была единственным человеком, умевшим укрощать жестокий нрав мужа, в минуты находившего на

него необузданного гнева и в тонкости изучила прием, оказывавший на него гипнотизирующее действие. „У него бывали иногда“, пишет голштинский министр Баассевич, припадки тоски, когда им овладевала мрачная мысль. Самые приближенные к нему люди должны были тогда трепетать его гнева. Появление этих припадков узнавали по известным судорожным движениям рта. Императрицу о том немедленно извещали; она начинала говорить с ним и звук ее голоса тотчас же успокоивал его; потом сажала его, брала, лаская, за голову. Это производило на него магическое действие, и он засыпал в несколько минут. Чтобы не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжение 2-3 часов. После того он просыпался свежим и бодрым“.

Человек подчас бессердечный, жестокий с первой женой и сыном, Петр вносил много нежности в отношения со второю. Этим, часто неловко и неуклюже выраженным чувством проникнута переписка в изобилии сохранившаяся и изданная. Супруги нередко обменивались подарками. Екатерина посылала мужу за границу пива и свеже-просольных огурцов, или бутылку-другую какого-то отечественного „крепыша“, от которого ему, однако, приходилось воздерживаться при пользовании минеральными водами, а он ее отдаривал брюссельскими кружевами и другими предметами дамского туалета. Иногда и самые подарки отражали нежные чувства их посылавших, доходящие до нежности. Так, при одном из писем Петр послал пучек своих остриженных волос, при другом в 1719 г. из Ревеля цветок и букет мяты, посаженной Екатериной в бытность ее в Ревеле; в ответ получил послание, в котором она писала, что „мне это не дорого, что сама садила; то мне приятно, что из твоих ручек“,— письмо совершенно в стиле чувствительных песенок, которые стали появляться в XVIII в.

В сыне от первого брака царевиче Алексее Петр встретил упорное сопротивление своим начинаниям и делам; столкновение между отцом и сыном кончилось тяжелой драмой.

Царевич Алексей родился, когда его отцу исполнилось только что 17 лет, когда, следовательно, еще сам отец нуждался в воспитании, когда он занимался постройкой игрушечных кораблей на Переяславском озере и играл в потешные войска. Царевич получил то же первоначальное воспитание, какое получали и все русские царевичи, под наблюдением матери, типичной представительницы русского терема XVII века. Отцу некогда было следить за мальчиком. „К отцу моему непослушания,—писал сам царевич в своем признании накануне смерти,—и что не хотел того делать, что ему угодно, причина та, что с младенчества несколько жил с мамою и с девками, где ничему иному не обучился, кроме

избных забав, а больше научился ханжить, к чему я от натуры склонен". Когда царевичу исполнилось шесть лет, к нему был приставлен воспитатель Никифор Вяземский, которого он впоследствии, подросши, совсем не уважал, не раз бивал и драл за волосы. Воспитатель, пройдя с ним „литеры" и слоги, по обычаю азбуки, приступил к изучению часослова. Окончательный разрыв с женою после поездки за границу заставил Петра обратить внимание на девятилетнего сына. Только что испытав на себе действие заграничного путешествия, Петр задумал отправить сына за границу, но этой мысли помешали начавшаяся тогда Северная война. Тогда, не будучи в состоянии отправить его в Дрезден, царь пригласил к нему из-за границы воспитателя, прослушавшего лекции в разных немецких университетах и послужившего при разных немецких дворах, барона Гюйсена. Этот повел воспитание по новому методу. Церковная книжность и теремные забавы были брошены. Началась другая немецкая наука: иностранные языки, история, география, политика по руководству Пуффендорфа, а затем фортификация, артиллерия, военная архитектура и навигация. Царевич упражнялся в „танцовании, штурмовании, и в верховой езде". В свободные часы немец предполагал занимать его какими-то немецкими играми „в друктафель и в балгауз". Царевич сильно не взлюбил немца и его науку. „А потом, когда меня от мамы взяли,—говорит он в своем признании,—отец мой, имея о мне попечение, чтобы я обучался тем делам, которые пристойны к царскому сыну, также велел мне учиться немецкого языку и другим наукам, что мне было зело противно, и чинил то с великою леностью, только чтобы время в том проходило, а охоты к тому не имел"; он признается, что в нем все более развивалась охота „конверсацию иметь с попами и чернецами". Легко себе представить, как он был поражен, когда в 1709 г. получил от отца письмо следующего содержания: „Зоон,—писал Петр,—об'являем вам, что по прибытии к вам господина Меншикова ехать в Дрезден, который вас туда отправит. Между тем приказываем вам, чтобы вы, будучи там, честно жили и прилежали больше к учению, а именно языкам, которые уже учишь, немецкий и французский, геометрии и фортификации, также отчасти и политических дел. А когда геометрию и фортификацию кончишь, отпиши к нам. Засим, управи Бог путь ваш". За границей царевич получил не менее строгое приказание жениться на принцессе Шарлотте Вольфенбюттельской, которую выбрал ему отец и которая ему сильно не понравилась, когда он с ней познакомился. Алексей просил позволения посмотреть и других невест. Петр издавал потом указы, запрещавшие духовенству венчать насильно принуждаемых к браку, но к сыну

он не был справедлив. Царевич женился на нелюбимой особе. Впоследствии он говорил: „Вот навязали мне на шею жену чертовку, как к ней ни приду, все сердитует, не хочет со мной говорить“. Царевич не любил отца. Легко понять, какие речи об отце, танцовавшем по целым ночам с немками в Немецкой слободе, пришлось ему выслушивать в тереме матери. „Не токмо дела воинские,—пишет царевич в той же автобиографии,—и прочие отца моего дела, но и самая его особа зело мне омерзела“. Разлука с матерью была одним из тех тяжелых впечатлений детства, которые потом никогда не забываются, а появление около отца особы, которую сам Петр много лет называл „хозяйкой“, а царевич должен был называть „мадам“ и потом „матушкой государыней“ при жизни его родной матушки, не могли уменьшить его нерасположения к отцу. Не любя отца, он сильно его боялся, зная его тяжелую руку. Для него бывало хуже каторги, говорил он, когда его позовут к государю по какому-нибудь торжественному случаю. Когда царевич вернулся из-за границы уже женатым человеком, Петр, желая сделать ему экзамен, какой он производил всем молодым людям, посылавшимся для обучения, приказал ему принести и показать чертежи. Опасаясь, чтобы отец не заставил его чертить, царевич выстрелил себе в руку из пистолета и опалил ее порохом.

Отношения отца к сыну особенно обострились ко времени кончины кронпринцессы Шарлотты. Несочувствие Алексея делу реформы было ясно для Петра и наводило его на тревожные мысли во время сильной продолжительной болезни, которою он занемог в 1715 г. Дело, которое, как ему казалось, он начал, которому он отдался весь, должно было погибнуть с его смертью. Петр решил об‘ясниться с сыном откровенно и прямо. В день погребения кронпринцессы он лично вручил ему письмо, озаглавленное: „Об‘явление сыну моему“. Обозрев успехи, достигнутые его собственным и „прочих истинных сынов российских“ трудами в войне со шведами, которые для русских „разумным очам добрый завернули завес и со всем светом коммуникацию пресекли“, царь продолжал: „егда же сию Богом данную нашему отечеству радость рассмотряя, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, видя тебя весьма на правление дел государственных непотребного (ибо Бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, иже крепость телесную весьма отнял, ибо хотя не весьма крепкой природы обаче и не весьма слабой)... Я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью Вышнего насаждение и уже некоторое возращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю. Еще же и сие вспомяну, какого злого

нрава и упрямого ты исполнен. Ибо сколько много за сие тебя бранивал, и не точию бранивал, но и бивал, к тому же сколько лет почитай не говорю с тобой; но ничто сие не успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону и ничего делать не хочешь, только бы дома жить и веселиться... Что все я с горестью размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрел сей последний тестамент тебе написать и еще мало пождать, аще нелицемерно обратишься, ежели же ни, то известен будь, что я тебя весьма наследства лишу, яко уд гангренный, а не мни себе, что один ты у меня сын, и что я сие только в устрастку пишу. Воистину (Богу извольшу) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, та како могу тебя непотребного пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный".

Царевич выразил в своем ответе полную готовность дать письменное отречение от престола. „Давай писем хоть тысячу,—говорил ему один из советников его, кн. В. В. Долгорукий,—еще когда что будет: старая пословица: улита едет, когда-то будет". Через несколько времени, вновь перенеся болезнь, настолько тяжелую, что опасались за его жизнь, царь обратился к сыну с другим письмом, которое он озаглавил так: „Последнее напоминание еще".—„Чем воздаешь рождение отцу своему?—писал в нем царь.—Помогаешь ли в таких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершенного возраста? Ей, николи, что всем известно есть, но паче ненавидишь дел моих, которые я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и, конечно, по мне разорителем оных будешь. Того ради, так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно, но или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал".

Алексей смиренно заявил отцу, что желает монашеского чина. „Ведь клобук не гвоздем к голове прибит", шептал ему другой близкий ему друг и советник. Петр дал ему время подумать и уехал за границу. Но когда оттуда он потребовал от сына решительного ответа, царевич в сопровождении нескольких слуг и „матресы", как тогда называли некую девицу Евфросинью, бежал в Вену к цезарю, женатому на его свояченице, который укрывал его некоторое время в уединенном Тирольском замке, а затем в Неаполе; после долгих поисков и больших хлопот при переговорах с венским двором, Петр, грозя войною Австрии, вытребовал сына. 3-го февраля 1718 г. царевич в Москве на торжественном собрании сената и духовных лиц подписал отречение от престола. Отец обещал ему прощение, если чистосердечно

во всем признается. Вскоре, однако, обнаружилось, что показания царевича не были полны. Евфросинья на допросе в застенке Петропавловской крепости выдала его затаенные думы и планы: „Вот видишь,—говорил царевич, читая известие о болезни своего младшего брата:—видишь, что Бог делает: батюшка делает свое, а Бог свое". Открылось, что царевич ожидал бунта в войске против Петра и высказывал готовность примкнуть к бунту. Перед Евфросиньей он не стеснялся распространяться о своих намерениях относительно будущего и развивать свою политическую программу. Он собирался, когда сделается царем, „перевести" всех старых и избрать новых советников по своему вкусу, собирался жить в Москве, а Петербург покинуть, кораблей больше не держать и отказаться от территориальных приобретений отца. Легко понять, с какими чувствами выслушал эти показания Петр; царевич подтвердил их, и участь его была решена; Петр об'явил данные в Москве „пардон не в пардон". Царевич был предан суду особого составленного из духовных и светских чинов трибунала, который приговорил его к смерти. Царевич скончался, не дождавшись исполнения приговора в одном из казематов Петропавловской крепости.

Дело царевича Алексея было причиной издания Петром закона о престолонаследии. В древней Руси не было закона, определявшего престолонаследия. Сначала престол передавался по завещанию; по прекращении старой династии установилось престолонаследие по избранию земским собором; обыкновенно и по завещанию и по избранию престол переходил к старшему сыну царствовавшего государя. Отступление от этой обычной практики в 1682 г., когда был избран младший сын и обойден старший, подало повод к народным волнениям. Этот обычный порядок был отменен Петром Великим, и 5-го февраля 1722 г. был издан закон, определявший преемство престола „Понеже всем ведомо есть,—писал Петр во введении к этому закону,—какою авессаломскою злостию надмен был сын наш Алексей ...а сие не для чего иного у него возросло, токмо от обычая старого, что большому сыну наследство давали, к тому ж один он тогда мужска полу нашей фамилии был и для того ни на какое отеческое наказание смотреть не хотел. Сей недобрый обычай не знаю чего для так был затвержден". Далее приводятся три основания в пользу того взгляда, что государь может распоряжаться престолом по своей воле. Во-первых, пример из священного писания: указывается, как Исаакова жена меньшему сыну наследство исходатайствовала „и что еще удивительнее, что и Божие благословение тому следовало". Далее, пример из истории России: великий князь Иван III-й, который „не по первенству, но по воле сие чинил и

дважды отменял, усматривая достойного наследника, который бы собранное и утвержденное наше отечество паки в расточение не упустил, перва мимо сыновей отдал внуку, а потом отставил внука уже венчанного и отдал сыну наследство". Наконец, царь находит основание в гражданском праве: именно в указе 1714 г., предоставляющем на волю родительскую отдавать имение тому сыну, которого родитель сочтет достойным, „хотя и меньшему мимо больших, признавая удобного, который бы не расточил наследства". „Кольми же паче,—заключает отсюда царь,—должны мы иметь попечение о целости всего нашего государства". Исходя из этих оснований, Петр устанавливает новый порядок престолонаследия, по которому, во-первых, царствующий государь „кому хочет, тому и определит наследство" и, во-вторых, имеет право, видя какое-нибудь „непотребство" в наследнике, лишить его наследства и назначить другого наследника, дабы дети и потомки не впали в такую злость, как выше писано, имя сию узду на себе".

Установив закон о престолонаследии, царь, однако, не успел назначить себе наследника и скончался в ночь с 27 на 28 января 1725 г., не указав, кто должен был занять престол после его смерти.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Глава I. Рождение Петра. — Детские годы. — Первоначальное обучение.—Майский бунт 1682 г. 3

Глава II. Петр в правление царевны Софьи (1682—1689) . 13

Глава III. Столкновение Петра с царевною Софьей 1689 г . 18

Глава IV. Военные и морские потехи. — Азовские походы 1695—96 гг. 25

Глава V. Сооружение большого флота.—Немецкая слобода.—Поездка за границу. 31

Глава VI. Великая северная война.—Прутский поход.—Война с Персией 52

Глава VII. Войско и флот.—Финансы. 69

Глава VIII. Торговля и промышленность 79

Глава IX. Народное просвещение 87

Глава X. Дворянство.— Его служба и землевладение. . . . 91

Глава XI. Преобразование государственных учреждений. . . 95

Глава XII. Личность Петра Великого.—Его сотрудники.—Семейные дела.—Престолонаследие 105

Пров, 20.12.44